

УЗКАЯ ТРОПИНКА

ПРИТЧИ О ЖИЗНИ

МОСКВА

Библиотека напаметна

УДК 27-29
ББК 86.372
П 77

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
№ ИС 12-211-1049

Печатается по изданию:

Избранные наречения святых иноков и повести из жизни их,
собранные епископом Игнатием (Брянчаниновым). — 3-е изд., испр. —
СПб., 1891.

П77

Укаяя тропинка: Притчи о жизни. —
Изд. 2-е. — Москва: ДАРЪ, 2013. — 224 с. —
(Библиотека паломника). — 6+

ISBN 978-5-485-00398-2

Это сборник притч из жизни великих святых, монахов, старцев, отшельников, составленный на основе популярного «Отечника» святителя Игнатия Брянчанинова.

В короткой, образной форме книга рассказывает о любви и преодолении гнева, добре и смирении, отношении с родными и учительство, милосердие и покаяние и о многих, многих проявлениях жизни человека.

ISBN 978-5-485-00398-2

© Издательство «ДАРЪ»

О видениях

Однажды некоторые братья пришли в монастырь аввы Антония, чтобы посоветоваться с ним о привидениях, которые являлись им, и чтобы спросить его, с десной ли стороны эти видения или от дьявола. Братья, отправляясь в путь, взяли с собой осла, который дорогой умер. Когда они пришли к старцу, прежде, нежели успели что-либо сказать ему, он спросил их: «Отчего осел ваш умер на дороге?»

Братия отвечали: «Откуда знаешь это, отец?» Старец: «Демоны поведали мне». «А мы и пришли, — сказали братья, — спросить тебя и посоветоваться с тобой о подобном: нам являются привидения, которые иногда говорят, по-видимому, правду; но мы боимся быть обманутыми». Тогда старец сделал им увещание, чтобы они несколько не внимали этим привидениям, потому что они — от дьявола.

Хочешь помочь — помогай

Некоторый брат в общежитии своем был ложно обвинен в прелюбодеянии; он оставил общежитие, пришел в монастырь аввы Антония. За ним

последовали братья общежития, желая утешить его и возвратить в общежитие, но придя, начали обличать его: «Ты сделал то и то». Брат утверждал, что он ничего этого не делал. Когда они препирались, случилось тут быть авве Пафнутию. Он рассказал спорящим следующую притчу: «Видел я на берегу морском человека, увязшего в топь по колени; некоторые пришли, чтобы оказать ему помощь, и погрузили в топь по плечи».

Авва Антоний, выслушав притчу аввы Пафнутия, воскликнул: «Вот муж, могущий исцелять и спасать души». Братья пришли в умиление от сказанного старцами, начали просить прощения у брата и взяли его обратно с собой в общежитие.

О прощении

В монастыре аввы Лота случилось искушение с некоторым братом. Брат, по причине этого искушения, был выслан из монастыря. Он пришел в гору аввы Антония и пробыл тут несколько времени, по прошествии которого блаженный послал брата в монастырь его. Там брата не приняли, — выслали снова. Он, возвратившись к авве Антонию, сказал ему: «Не захотели принять меня!» Авва опять послал его, поручив ему сказать отцам монастыря: «Корабль потерпел крушение и потерял груз свой; с большим трудом

корабль этот достиг пристанища, а вы хотите потопить и то, что спаслось от потопления!»

Отцы, узнав, что авва Антоний прислал к ним брата, немедленно приняли его с радостью.

О ТРУДЕ И МОЛИТВЕ

Рассказывают о святом авве Антонии, что он, живя в пустыне, однажды подвергся душевному смущению, унынию и особенному нашествию мрачных помыслов. Находясь в этом состоянии, он начал изливать печаль свою пред Богом. «Господи, — говорил он, — хочу спастись, но помышления мои никак не допускают меня совершить это. Что мне делать со страстями моими? Как мне спастись?» Встав с того места, на котором сидел, и немного отойдя, он сел на другом месте, и вот — видит неизвестного ему человека, тщательно занятого трудом рук своих. Этот человек то вставал, оставляя рукоделие, и молился, то опять возвращался к рукоделию: он сшивал листья пальмы. Потом он опять вставал и молился, после молитвы опять принимался за рукоделие. Поступавший таким образом был Ангел, посланный Богом ободрить Антония и возбудить его к мужеству. И услышал Антоний глас, исшедший от Ангела: «Антоний! Поступай так и спасешься».

Услышав это, Антоний очень обрадовался и ободрился: он начал поступать так и спастись.

Судьбы Божии

Рассказывают, что авва Антоний, будучи однажды приведен в недоумение глубиной домостроительства Божия (управления миром) и судов Божиих, помолился и сказал: «Господи! Отчего некоторые из людей достигают старости и состояния немощи, другие умирают в детском возрасте и живут мало? Отчего одни бедны, — другие богаты? Отчего тираны и злодеи благоденствуют и обилуют всеми земными благами, а праведные угнетаются напастями и нищетой?»

Долго был он занят этим размышлением, и пришел к нему глас: «Антоний! Внимай себе и не подвергай твоему исследованию судеб Божиих, потому что это — душевредно».

Послабление

Ловец диких зверей пустыни пришел для ловли в гору аввы Антония. Увидев, что Авва утешает братию, он соблазнился этим. Старец, желая успокоить его и показать, что нужно иногда предоставлять братии некоторое послабление, сказал ему: «Вложи стрелу в лук твой и натяни его». Охотник сделал это. Старец сказал: «Еще натяни».

Охотник натянул лук ту же. Старец опять говорит ему: «Натяни еще более». Охотник отвечал: «Если сверх меры натянуть лук, то он переломится».

На это авва Антоний сказал: «Так бывает и в деле Божием. Если будешь сверх меры напрягать силы братии, то они скоро отпадут от дела Божия; необходимо по временам давать им послабление».

Ловец, услышав это, выразил свое согласие и пошел от старца с большой пользой, а братья, утвердившись в правильном воззрении на свой подвиг, разошлись по кельям.

«Не знаю»

Однажды пришли старцы к авве Антонию, между ними был и монах Иосиф. Старец, желая искусить их, завел речь от Писания и стал спрашивать объяснение у каждого, начиная с младших. Каждый давал объяснение по своему разумению, а старец находил объяснение каждого неудовлетворительным; потом, обратившись к монаху Иосифу, сказал ему: «Ты как объяснишь это слово Писания?» — Иосиф отвечал: «Я не знаю».

Тогда авва Антоний сказал: «Однако монах Иосиф нашел тот путь, на котором говорят "не знаю"».

Духовный разум

Однажды блаженный Антоний молился в келье своей, и был к нему глас: «Антоний! Ты еще не пришел в меру кожевника, живущего в Александрии».

Услышав это, старец встал рано утром и, взяв посох, поспешно пошел в Александрию. Когда он пришел к указанному ему мужу, муж этот крайне удивился, увидев у себя Антония.

Старец сказал кожевнику: «Поведай мне дела твои, потому что для тебя пришел я сюда, оставив пустыню».

Кожевник отвечал: «Не знаю за собой, чтобы я сделал когда-либо и что-либо доброе. По этой причине, вставая рано с постели моей, прежде нежели выйду на работу, говорю сам себе: все жители этого города, от большого до малого, войдут в Царство Божие за добродетели свои, а я один пойду в вечную муку за грехи мои».

Эти же слова повторяю в сердце моем, прежде нежели лягу спать».

Услышав это, блаженный Антоний отвечал: «Поистине, сын мой, ты как искусный ювелир, сидя спокойно в доме твоём, стяжал Царство Божие; я хотя всю жизнь мою провожу в пустыне, но не стяжал духовного разума, не достиг в меру сознания, которое ты выражаешь словами твоими».

Предсказание о монашестве

Однажды некоторые ученики божественного аввы Антония, видя в пустынях бесчисленное множество монахов, прилежащих с великой ревностью по Боге и с соревнованием друг другу всем добродетелям и святым подвигам, спросили его: «Отец! Долго ли будут продолжаться эти ревность и усердие к уединению, к нищете, к смирению, к любви, к воздержанию и ко всем прочим добродетелям, которым так тщательно прилежит все это множество монахов, почти без исключения?»

Муж Божий так отвечал им, вздыхая и проливая обильные слезы: «Наступит некогда время, сыны возлюбленные, в которое монахи оставят пустыни и вместо них устремятся к богатейшим городам; там, вместо вертепов^{*} и хижин, которыми усеяна пустыня, они воздвигнут, стараясь превзойти один других, великолепные здания, соревнующиеся пышностью с царскими палатами. Вместо нищеты вкрадется стремление к собранию богатства; смирение сердца превратится в гордость; многие будут напыщены знанием, но чужды добрых дел, предписываемых знанием; любовь иссякнет; вместо воздержания явится угождение чреву, и многие из монахов озаботятся о

^{*} Вертеп — пещера. — *Примеч. ред.*

доставлении себе изысканных яств не менее мирян, от которых они будут отличаться только одеждой и клобуком. Находясь посреди мира, они не устыдятся неправильно присваивать себе имя монахов и пустынников. Не престанут они величаться, говоря: «аз есмь Павлов», «аз же Аполосов» (1 Кор. 1, 12), — как будто вся сущность благочестия заключается в значении предшественников, как будто позволительно и справедливо хвалиться отцами, как хвалились иудеи предком своим, Авраамом! Однако между монахами тех времен некоторые будут далеко лучше и совершеннее нас, потому что блаженнее тот, *кто мог погрешить — и не погрешил, сделать зло — и не сделал* (Ср. 31, 11), нежели тот, который увлекается к добру примером многих добрых. Так Ной, Авраам и Лот, проводившие святую жизнь посреди нечестивых, справедливо прославляются Писанием».

О смирении

Прибыв в Скит, святой Арсений [Великий] объяснил о намерении своем принять монашество пресвитерам. Они отвели его к старцу, исполненному Святого Духа, Иоанну Колову. Старец захотел подвергнуть Арсения испытанию. Когда они сели за трапезу, чтобы вкусить хлеба, старец не пригласил Арсения, но оставил его стоять. Он стоял, устремив

глаза в землю и помышляя, что стоит в присутствии Бога пред Его Ангелами. Когда начали употреблять пищу, старец взял сухарь и кинул Арсению. Арсений, увидев это, обсудил поступок старца так: «Старец, подобный Ангелу Божию, познал, что я подобен псу, даже хуже пса, и потому подал мне хлеб так, как подают псу: съем же я хлеб так, как едят его псы».

После этого размышления Арсений встал на руки и на ноги, в этом положении подошел к сухарю, взял его устами, отнес в угол и там съел. Старец, увидев великое смирение его, сказал пресвитерам: «Из него будет искусный инок».

Учение и подвиг

Вопросил однажды авва Арсений одного из египетских старцев о своих помыслах. Это увидел некоторый брат и спросил его: «Авва Арсений! Почему ты, будучи столь сведущим в учености Греции и Рима, вопрошаешь о твоих помыслах этого, чуждого всякой учености?»

Арсений отвечал: «Наука Греции и Рима я знаю, но еще не узнал алфавита, который преподается этим, ничего не знающим в учености мира».

Однажды авва Евагрий сказал авве Арсению: «Отчего мы, при всей нашей учености и нашем развитии, не имеем ничего, а эти грубые египтяне имеют такое

возвышенное духовное делание?» Авва Арсений отвечал: «Мы ничего не черпаем для духовной жизни из учений мира, а они подвигами стяжали свое духовное жительство».

О безмолвии и радужии

Поведали о некотором брате, приходившем в Скит с целью увидеть авву Арсения, следующее. Брат этот пришел в скитскую церковь и убедительно просил священнослужителей, чтобы предоставили ему возможность видеть старца. Они сказали ему: «Побудь здесь некоторое время, и увидишь его». — Брат отвечал: «Я не вкушу никакой пищи прежде, нежели увижу его».

Тогда священнослужители послали одного из скитских братьев проводить странного^{*} брата до кельи старца, которая находилась в весьма дальнем расстоянии от скитской церкви. Достигнув кельи и постучав в двери, они вошли в келью, поприветствовав старца, сели, и сидели долго, пребывая в молчании. Наконец скитский брат сказал: «Я ухожу, — помолитесь о мне».

Странный брат не осмелился начать разговора со старцем и сказал скитскому: «И я иду с тобой». — Они вышли оба вместе, и попросил странный брат скит-

^{*} Странный — здесь: странствующий. — *Примеч. ред.*

ского: «Отведи меня к авве Моисею, который вступил в монашество из разбойников». Когда они пришли к авве, то он принял их очень приветливо, преподавал им мудрое и святое наставление и отпустил, выразив великую любовь. Тогда скитский брат сказал страннику: «Вот! Я водил тебя к чужестранцу и к египтянину. Который из двух тебе понравился более?»

Он отвечал: «Однако египтянин мне пришелся более по сердцу». Некоторый из отцов, услышав это, помолился Богу, говоря: «Господи! Открой мне тайну дела: один убегает всех ради имени Твоего, а другой принимает всех ради Твоего имени». И вот в видении явились ему два великих корабля на обширных водах. В одном корабле он видел авву Арсения, безмолвно плывущего, и Духа Божия с ним, а в другом авву Моисея, плывущего в обществе Ангелов, которые питали его медом, истекавшим из сотов.

О любви к Богу

Сказал авва Марк авве Арсению: «По какой причине ты избегаешь общества и беседы с нами?»

Арсений отвечал: «Знает Бог, что я люблю вас, но не могу быть вместе и с Богом, и с людьми. На небе тысячи и тысячи тысяч имеют одну волю, а у людей воля многообразна, и потому не могу, оставив Бога, быть с людьми».

О любви к ближнему

Однажды некоторые отцы пришли из Александрии к авве Арсению для свидания с ним. Один из них был дядя старшего Тимофея, архиепископа Александрийского, прозванного Нестяжателем. Авва Арсений был тогда болен и отказался от свидания, опасаясь, чтобы и другие не начали приходить и беспокоить его; в то время он находился в каменистой горе Тройской. Отцы возвратились огорченные.

За этим последовал набег варваров; старец оставил гору и перешел для жительства в Нижний Египет. Услышав это, отцы опять пришли для свидания с ним. Старец принял их радушно. С отцами был брат.

Этот брат сказал авве Арсению: «Известно ли тебе, авва, что мы приходили к тебе для посещения в Тройскую гору?»

Старец отвечал ему: «Вы после того, как я не принял вас, ели хлеб и пили воду, а я — поверь мне, сын мой, — не вкусил ни хлеба, ни воды, даже не присел, но пребыл в молитвенном подвиге о вас, доколе мне не было открыто, что вы возвратились к себе благополучно. Так поступил я по той причине, что вы потрудились ради меня. Впрочем, простите меня». Посетители пошли от него утешенные.

Образец любви

Однажды братья в присутствии аввы Иосифа начали разговор о любви. Старец сказал: «Мы не знаем, что такое — любовь. Вот образец любви: авва Агафон имел ножик, необходимый ему для его рукоделия. Пришел к нему брат и, увидев ножик, похвалил эту вещь. Авва Агафон немедленно начал упрашивать брата, чтобы он принял ножик в подарок и не дал брату выйти из кельи, пока не уговорил его принять понравившуюся ему вещь».

Говорил авва Агафон: «Если бы возможно было мне взять тело у кого-либо из прокаженных и передать ему мое, то сделать это было бы для меня наслаждением». Такова совершенная любовь.

Попечение о страннике

Поведали об авве Агафоне, что он, отправляясь однажды в город для продажи своего рукоделия, нашел там больного странника, поверженного на улице, — и никто не принял на себя попечений об этом страннике. Старец остался при нем. На цену, полученную за свое рукоделие, нанял хижину, оставшиеся деньги от найма кельи употреблял на нужды больного. Так провел он четыре месяца, до выздоровления странника. Тогда Агафон возвратился в свое место.

Испытание старца

Шел авва Агафон в город для продажи скромного рукоделия, и на дороге увидал лежащего прокаженного. Прокаженный спросил его: «Куда идешь?» — «Иду в город, — отвечал авва Агафон, — продать рукоделие мое». Прокаженный сказал: «Окажи любовь, снеси и меня туда».

Старец поднял его, на плечах своих отнес в город. Прокаженный сказал ему: «Положи меня там, где будешь продавать рукоделие твое».

Старец сделал так. Когда он продал одну вещь из рукоделия, прокаженный спросил его: «За сколько продал ты это?» — «За столько-то», — отвечал старец. Прокаженный сказал: «Купи мне хлеб».

Когда старец продал другую вещь, прокаженный спросил его: «Это за сколько продал?» — «За столько-то», — отвечал старец. «Купи мне еще хлеб», — сказал прокаженный. Старец купил. Когда авва распродал все рукоделие и хотел уйти, прокаженный сказал ему: «Ты уходишь?» — «Ухожу», — отвечал авва. Прокаженный сказал: «Окажи любовь, отнеси меня туда, где взял».

Старец исполнил и это. Тогда прокаженный сказал: «Благословен ты, Агафон, от Господа на небе и на земле». Авва оглянулся на прокаженного, — и не увидел никого: это был Ангел Господень, пришедший испытать старца.

Цена собственности

Поведали о авве Агафоне, что он в течение долгого времени занимался с учениками своими построением себе кельи. Не прошло еще недели, как они устроили окончательно келью и начали жить в ней, — авва увидел на месте что-то вредное для души и сказал ученикам своим то, что Господь сказал апостолам: *Встаньте, пойдем отсюда* (Им. 14, 31). Этим ученики очень огорчились и сказали старцу: «Если у тебя было намерение переселиться отсюда, то зачем мы подверглись такому труду, строя келью долгое время? И люди начнут соблазняться на нас, начнут говорить: вот они опять переселяются, не могут ужитья на одном месте!» Старец отвечал: «Если переселение наше послужит соблазном для одних, то для других оно послужит назиданием; найдутся и такие, которые скажут: блаженны эти иноки, переселившиеся ради Бога и презревшие свою собственность ради Него. Я решительно говорю вам, что немедленно иду. Кто хочет, пусть идет, а кто не хочет, пусть остается». Ученики пали к ногам его, прося, чтобы он согласился взять их с собой.

Связка гороха

Однажды авва Агафон шел по дороге с учениками своими. Один из них нашел на дороге небольшую

связку зеленого мелкого гороха и сказал старцу: «Отец! Если ты благословишь, то я возьму это».

Старец внимательно посмотрел на него и, как бы удивившись, спросил: «Разве ты положил тут эту связку?» Брат отвечал: «Нет». Старец сказал: «Как же ты хочешь взять то, чего не положил?»

Суд Божий

Когда настало время кончины аввы Агафона, он пребывал три дня без движения, имея открытыми глаза и держа их в одном направлении. Братья толкнули его, сказав: «Авва! Где ты?»

Он отвечал: «Предстою суду Божию». Братья сказали ему: «Отец! Неужели и ты боишься?» Он отвечал: «Хотя я старался всеусильно исполнять заповеди Божии, но я человек и не знаю, угодны ли дела мои Богу». Братья сказали: «Неужели ты не уверен, что дела твои угодны Богу?»

Старец сказал: «Невозможно удостовериться мне в этом прежде, нежели предстану Богу, потому что иной суд Божий и иной — человеческий».

Когда братья хотели еще задать вопрос, он сказал им: «Окажите любовь, не говорите со мной, потому что я занят». Сказав это, он немедленно испустил дух с радостью; братья видели, что он кончился, как бы приветствуя своих возлюбленных друзей.

О помощи Божией и бесстрастии

Однажды авва Аммон пошел к авве Антонию Великому и потерял дорогу. Он присел и заснул немного.

Проснувшись, помолился Богу так: «Господи, Боже мой! Молю Тебя: не погуби создания Твоего!» — и явилась рука человеческая, как бы спускавшаяся с неба, она неслась по воздуху и указывала путь Аммону до того времени, как он пришел к авве Антонию.

Тогда рука остановилась над входом в вертеп Антония. Аммон постучал в двери, отворил их Антоний.

Они занялись беседой о душевной пользе. После беседы авва Антоний предсказал Аммону, что он преуспеет в страхе Божием.

Произнеся это пророчество, Антоний вывел Аммона из кельи и, показав на камень, сказал: «Нанеси оскорбление этому камню и ударь его». Аммон сделал это.

Тогда авва Антоний спросил его: «Дал ли тебе какой ответ, оказал ли тебе какое противодействие этот камень?» Аммон отвечал: «Нет». — «Так и ты, — сказал ему авва Антоний, — достигнешь в подобную меру бесстрастия», — что и исполнилось.

Наказание за грех

Авва Аммон рукоположен был во епископа. В этом сане он действовал из благодатного настроения и духовного разума, приобретенных монашеским житием.

Однажды привели к нему на суд беременную девицу и требовали от него церковного наказания для девицы. Епископ оградил ее крестным знаменем и повелел дать ей шесть пар полотен, говоря: «Ей предстоит труд родов, как бы не умерла она или не умерло дитя ее. На цену этих полотен по крайней мере могут быть совершены похороны».

Обвинители девицы сказали ему: «Что ты делаешь? Дай ей епитимию». Он отвечал им: «Братья! Разве вы не видите, что она близка к смерти? Как же мне возложить на нее еще что-либо?»

Покрыв согрешение брата

Пришел однажды авва Аммон в некоторое место-пребывание иноков, чтобы разделить с братией трапезу. Один из братьев того места очень расстроился в поведении: его посещала женщина. Это сделалось известным прочим братьям; они смутились и, собравшись на совещание, положили изгнать брата из его хижины. Узнав,

что епископ Аммон находится тут, они пришли к нему и просили его, чтобы и он пошел с ними для осмотра кельи брата. Узнал об этом брат и скрыл женщину под большим деревянным сосудом, обратив сосуд дном вверх. Авва Аммон понял это и ради Бога покрыл согрешение брата. Придя со множеством братии в келью, он сел на деревянный сосуд и приказал обыскать келью. Келья была обыскана, женщина не была найдена. «Что это? — сказал авва Аммон братьям. — Бог да простит вам согрешение ваше». После этого он помолился и велел всем выйти. За братией пошел и сам.

Выходя, он взял милостиво за руку обвиненного брата и сказал ему с любовью: «Брат! Внимай себе».

Мелочные дразги

Однажды, по обычаю того времени, некоторые из христиан пришли судиться к своему епископу. Болезнуя о несогласии между христианами по причине, не заслуживающей внимания христиан, епископ представился юродивым перед пришедшим к нему собранием. Одна из бывших тут женщин сказала подруге своей: «Старец помешался в уме». Святой Аммон, услышав это, подозвал ее к себе и сказал ей: «Столько лет подвизался я в пустынях, чтобы стяжать это помешательство, и для тебя ли потерять мне его».

Служение больному

Двенадцать лет авва Иоанн Фивейский служил больному старцу, авве Аммою. Хотя Иоанн много трудился для старца, но старец в течение всех двенадцати лет ни разу не сказал ему: «Спасайся!»^{*}

Когда же настало время кончины аввы Аммоя и собрались к нему старцы, он взял Иоанна за руку и сказал ему: «Ты — спасен! Ты — спасен! — и, обратившись к старцам, присовокупил: — Это — ангел, не человек».

Морская вода

Авва Дула, ученик аввы Виссарiona, рассказывал. Однажды мы шли по морскому берегу; я почувствовал большую жажду и сказал авве Виссариону: «Отец! Меня очень томит жажда». Старец, помолившись, сказал мне: «Напейся из моря».

Морская вода сделалась пресной, и я ею утолил жажду. Напившись, я налил воды в сосуд из предосторожности, чтобы иметь при себе воду, если снова начну чувствовать жажду. Старец, увидев это, сказал мне: «Для чего ты сделал это?»

^{*} Спасайся — спасибо. — *Примеч. ред.*

Я отвечал: «Прости меня; я сделал это из опасения, что мне опять захочется пить». Старец сказал: «Как здесь — Бог, так и везде — Бог».

«И я — грешник»

В Скиту один из братии впал в согрешение и был отлучен от церкви неромонахом-настоятелем. Когда брат выходил из церкви, тогда авва Виссарион встал и пошел с ним, сказав: «И я — грешник».

Жестокий бес

Однажды в Скит приведен был некоторый беснующийся. О нем совершили молитву в церкви, но бес не выходил, потому что был жесток. Клирики говорили между собой: «Что делать нам с этим демоном? Никто не будет в состоянии изгнать его, кроме аввы Виссариона; но если мы будем просить его об этом, то он даже не придет в церковь. Вот что сделаем: он придет в церковь прежде всех; посадим же беснующегося на его место; когда войдет авва Виссарион, встанем на молитву и скажем ему: авва! вели встать и брату».

Они так и сделали. Когда старец пришел рано утром в церковь, они встали на молитву и сказали о брате. Старец, не подозревая ничего, сказал

брату: «Встань и поди отсюда», — и немедленно вышел демон из больного, — больной сделался здоровым.

Пустынница

Авва Дула рассказывал. Однажды я и отец мой Виссарион, ходя по пустыне, пришли к некоторой пещере; войдя в нее, нашли старца, который сидел и плел веревку. Он не только не приветствовал нас, но не произнес ни одного слова и даже не взглянул на нас. И сказал мне авва Виссарион: «Пойдем отсюда; должно быть, брат не получил извещения от Бога вступить в беседу с нами».

Оттуда прошли мы для посещения аввы Иоанна. Возвращаясь от него, когда приблизились опять к пещере, в которой видели сидящего брата, старец сказал: «Войдем к нему, может быть, Бог возвестил ему побеседовать с нами».

Войдя, мы нашли его уже умершим. Старец сказал мне: «Брат! Похороним тело его, видно, Бог послал нас сюда на это».

Совершая погребение, мы усмотрели, что то была жена. Старец удивился и сказал мне: «Смотри, сын мой! И жены одолевают дьявола в пустыне, а мы, живя в городах, не можем сохранить целомудрия».

Наставление

Имел авва Геласий книгу в пергаментном переплете, в которой был написан весь Новый и Ветхий Завет, стоявшую восемнадцать златниц. Книга помещена была в церкви, чтобы все братья, кому бы из них ни пожелалось, могли читать ее. Пришел некоторый странствующий брат посетить старца и, увидев книгу, прельстился ею, — украл ее и удалился. Старец хотя и узнал о случившемся, но не пошел вслед за ним, чтобы остановить его и взять у него похищенное. Брат пришел в город и искал, кому продать книгу; найдя покупателя, он назначил ей цену в шестнадцать златниц. Покупатель, желая удостовериться в верности книги, сказал ему: «Сперва дай мне ее; я покажу кому-либо из знающих и тогда отдам тебе деньги».

Брат отдал книгу. Покупатель, взяв ее, отнес к авве Геласию, чтобы он рассмотрел, хороша ли книга и стоит ли назначенной за нее цены. При этом он сказал и о количестве денег, требуемых продавцом. Старец отвечал: «Купи ее: книга хороша и стоит просимых за нее денег».

Покупатель, возвратившись к продавцу, иначе передал ему эти слова, нежели сказал старец. «Вот, — говорил покупатель, — я показывал книгу

авве Геласию, и он сказал мне, что книга дорога, но не стоит назначенной тобой цены».

Услышав это, брат спросил: «Не сказал ли тебе старец еще чего-либо?» — «Ничего», — отвечал покупатель. Тогда брат сказал ему: «Я уже не хочу продать этой книги». Умилившись сердцем, он пошел к старцу и просил его взять обратно книгу, раскаяваясь в своем поступке и прося прощения. Но старец не хотел принять книгу. Тогда брат сказал ему: «Если ты не примешь книгу, то мне не обрести спокойствия совести во всю жизнь мою». На это старец отвечал: «Если ты не сможешь успокоиться иначе, как когда я возьму книгу, то я беру ее».

Брат, наставленный терпением старца, пребыл при нем до кончины своей.

Привязанность ума

Поведали о авве Геласии, что он в юности своей жил в пустыне, сохраняя нестяжание. Такое жителство проводили в этих местах и в это время многие другие. Между ними был некоторый старец необыкновенной простоты, особенно нестяжательный. Он прожил в уединенной келье своей до самой смерти, под старость имел учеников. Он соблюдал такое нестяжание до конца жизни, что не имел двух хитонов и не

заботился вместе с учениками своими о завтрашнем дне. Когда авва Геласий, по Божественному внушению, устроил общежительный монастырь, пожертвовали ему большие поля, и завел он для нужд общежития рабочий скот и волов. Споспешествовавший первоначально святому Пахомию устроить общежительный монастырь, во всем споспешествовал и авве Геласию к устройству монастыря. Вышеупомянутый старец, видя его в этих занятиях и искренно любя его, сказал ему: «Богось, авва Геласий, чтобы ум твой не прилепился к полям и прочему имуществу общежития».

Авва Геласий отвечал: «Скорее ум твой приважится к веревкам, которые ты плетешь, нежели ум Геласия к стяжаниям».

Заговорна младенец

Авва Даниил пришел однажды в селение для продажи рукоделия. Молодой человек, житель того селения, упросил его войти в дом свой и сотворить молитву о жене его, которая была бесплодна. Старец оказал ему послушание, вошел в дом его и помолился о жене его. По благоволению Божию жена его сделалась беременной. Некоторые, чуждые страха Божия, начали злоречить: «Молодой человек не способен к чадорождению! Жена его зачала от аввы Даниила».

Дошли эти толки и до старца; он послал сказать молодому человеку: «Когда жена твоя родит, извести меня». Когда жена родила, муж ее пришел в Скит и сказал старцу: «Бог, по молитвам твоим, даровал нам дитя». Авва сказал ему: «Когда будут крестить дитя, сделай в этот день обед и угощение, призови меня, сродников и друзей твоих».

Молодой человек сделал так, как велел старец. Во время обеда, когда все сидели за столом, старец взял дитя на руки и перед всеми спросил его: «Кто твой отец?» Дитя протянуло руку и, показав пальцем на молодого человека, сказало: «Вот отец мой». Дитяти было двенадцать дней. Все, видевшие это, прославили Бога, а старец встал из-за стола и бежал в Скит.

Заповедь Христова

В Вавилоне дочь одного из идолопоклонников имела в себе беса. Отцу ее был знаком некоторый монах. Этот монах говорил ему: «Никто не сможет исцелить дочери твоей, кроме известных мне отшельников; но и те, если будешь просить их, не захотят сделать этого по смирению. Вот как поступим: когда они придут на торг, то представимся, что хотим купить у них рукодельные их. Когда они придут в дом для получения денег за купленные у них вещи, то

скажем, чтобы они сотворили молитву, и я верую, что исцелится дочь твоя». Они пошли на торг; там ученик некоторого старца сидел и продавал корзины. Они пригласили его с корзинами в дом, чтобы там отдать ему деньги за них. Когда монах вступил в дом, беснующаяся выбежала ему навстречу и ударила его по щеке. Он обратил ей другую щеку по заповеди. Демон ощутил муку и возопил: «О беда! Заповедь Иисуса Христа изгоняет меня!»

Девица немедленно очистилась. О случившемся поведали старцам. Они прославили Бога, сказав: «Обычно гордыне дьявола падать пред смирением заповеди Христовой».

Мертвый заговорил

Авва Даниил, проходя однажды чрез некоторое место, увидел, что несколько мирян задержали монаха, обвиняя его в совершении убийства. Старец остановился и, узнав, что брат оклеветан, сказал задержавшим его: «Где убитый?» Ему показали. Приблизившись к убитому, он сказал: «Помолимся».

Когда же старец воздел руки горе к Богу, убитый встал. Старец сказал ему перед всеми: «Скажи мне, кто убил тебя?» Он отвечал: «Войдя в церковь, я дал много золота бывшему тут пресвитеру, а он убил меня

и, вынеся, поверг в монастыре этого старца; но умоляю вас, возьмите у него золото и отдайте детям моим».

Тогда старец сказал: «Теперь усни до того времени, как Бог воскресит тебя». Воскресший лег и снова сделался мертвым.

Трапеза

[Авва Даниил пришел в Иеромоволь в женский монастырь аввы Иеремии.] Ввела игумения авву Даниила в трапезу, предложила вечерю сестрам и сказала: «Авва! Благослови рабыням твоим вкусить с тобой». Он благословил им. Великая и вторая по ней сели с ним. Старцу предложили моченое сочиво, невареную зелень, финики и воду; перед учеником его поставили немного хлеба, вареной зелени и вина, растворенного водой; инокиням же предложили различную вареную пищу, и рыбу, и вина в достаточном количестве. При этом никто не произнес ни одного слова. Когда встали из-за трапезы, старец сказал игумении: «Что вы это сделали? Лучшую пищу следовало употребить нам, а употребили ее вы».

Игумения отвечала старцу: «Владыка! Ты — монах, и потому я предложила тебе пищу монашескую; ученику твоему, так как он ученик старца, предложена пища также монашеская; мы же — новоначальные и

потому употребили пищу новоначальных». Старец сказал на это: «Бог да исполнит любовь вашу, потому что мы извлекли большую пользу из действий ваших».

Пьяница

[В том же монастыре.] Одна из сестер лежала посреди монастыря и спала, на ней было рубище^{*}. Старец спросил игуменню: «Кто это лежит?»

Она отвечала ему: «Одна из сестер, преданная страсти пьянства. Что делать с нею? Не знаю. Выгнать ли ее из монастыря? Боюсь греха. Оставить ли ее так? Но она смущает сестер».

Старец сказал ученику своему: «Возьми умывальницу и возлей на нее воды». Он сделал так. Она встала, как встают упившиеся вином. При этом игуменья сказала: «Владыка! Такова она всегда, какой ты видишь ее теперь»... Когда все разошлись спать, старец сказал ученику своему: «Поди, посмотри, где будет спать пьяная, лежавшая среди монастыря». Он посмотрел и сказал старцу: «Там, где сестры исправляют телесную нужду, близ отхожего места».

Старец сказал ученику: «Побдим эту ночь». Когда уснули все инокини, старец взял ученика и подошел к

^{*} Рубище — дурная, ветхая одежда. — *Примеч. ред.*

тому месту, где лежала мнимая пьяная. Они увидели, что она встала и воздела руки к небу; слезы ее потекли подобно потоку, и творила она бесчисленное множество коленопреклонений. Когда же слышала, что какая-либо из сестер приходила для исправления телесной нужды, то повергалась на землю и представлялась спящей и храпящей. Так проводила она начало каждой ночи. И сказал старец ученику своему: «Призови ко мне игуменню и вторую по ней, призови их тайно». Он пошел и призвал игуменню и вторую по ней, и они всю ночь смотрели на подвиг мнимой пьяной. Тогда игуменния начала говорить с плачем: «О, сколько зла делала я ей!»

Когда ударили в било церковное, игуменния поведала всем инокиням виденное ею, и все предались великому плачу. Она же, уразумев, что тайна ее открыта, пришла, не примеченная никем туда, где отведен был ночлег для старца, похитила жезл его и милоть⁴, вслед за этим отворила ворота монастыря и ушла, оставив на воротах надпись: «Матери и сестры! Простите меня, согрешившую пред вами, и молитесь о мне». При наступлении дня начали искать ее и не нашли; придя к воротам, увидели их отворенными и надпись на них. Блаженную нигде не могли сыскать, и очень много плакали и рыдали о ней в монастыре. Старец сказал

⁴ Милоть — одежда из овчины мехом наружу. — *Примеч. ред.*

игуменни: «Я ради нее пришел сюда, и Бог любит таких пьяниц». И начали все постницы исповедовать старцу, какое каждая оскорбление нанесла ей.

О посте и гневе

Послал однажды Епифаний, архиепископ Кипрский, к авве Илариону, умоляя его прийти к себе. «Приди для свидания со мною, прежде исшествия нашего из тела», — говорил в приглашении своем святитель. Авва Иларион пришел, и старцы возрадовались взаимно друг о друге. Когда они сидели за трапезой, подана была птица. Епископ, взяв часть ее, подал авве Илариону. Но старец сказал ему: «Прости меня, отец: с того времени, как я принял монашеский образ, я не влагал в уста мои заколотого». Епископ отвечал: «И я с того времени, как принял монашеский образ, не попустил, чтобы кто-либо уснул, имея гнев на меня».

Авва Иларион сказал на это: «Прости меня, отец! Твое жительство выше моего».

Содержать подвиг в тайне

Некто Евлогий, ученик патриарха блаженного Иоанна Милостивого, великий подвижник, саном пресвитер, постился по два дня, а иногда и по

целой неделе, вкушая только хлеб и соль, и был прославляем людьми. Он пришел в Панефос к авве Иосифу, надеясь увидеть у него подвижничество еще более строгое. Старец принял его радостно и предложил на трапезе все, что было у него. Увидев это, ученики Евлогия сказали старцу: «Пресвитер ничего не вкушает, кроме хлеба и соли», — но авва Иосиф продолжал есть молча. Евлогий провел у него три дня и не слышал, чтобы он и ученики его занимались псалмопением, не видел, чтобы они молились. Евлогий ушел с учениками своими, не получив пользы. По смотрению Божию сделался туман. Они сбились с дороги и пришли опять к келье старца. Став снаружи, они услышали, что в келье совершается псалмопение. Постояв долго, они постучались. Авва Иосиф принял их с любовью. По причине зноя ученики аввы Евлогия налили воды в чашу и подали ему пить. Вода была из реки, но с примесью морской; такую воду всегда употребляли жившие с аввой Иосифом. Евлогий не мог пить этой воды и спросил старца: «Что это значит?»

Старец отвечал: «Брат, несколько недостаточный рассудком, прибавил по ошибке в речную воду морской». Евлогий пал в ноги старцу и сказал ему: «Авва! Ради Господа открой мне тайну подвижничества вашего, потому что когда мы были здесь, вы не занимались псалмопением; а когда мы нечаянно возвратились

к вам, то застали вас занимающимися псалмопением. Также вода у вас прежде была хорошая, а теперь она оказалась соленой».

Старец отвечал на это: «Сын мой! Малая чаша вина и свежая вода были поставлены ради любви, а ту воду, которую ты вкусил теперь, братья употребляют постоянно. Иноку должно всегда содержать подвиг свой в тайне, — не делать напоказ ничего, до самой бездельницы».

Видение Ангелов

Блаженный Евлогий поведал следующее видение некоего старца (на самом же деле, видение было ему). Старец этот стоял в церкви на всенощном бдении перед воскресным днем. Братья стояли ликами и пели псалмы Давидовы^{*}. Старец увидел, что церковь исполнилась света и что Ангелы Божии воспевают с братьями. Когда окончилось всенощное бдение, Ангелы вышли из святого алтаря; поставлены были перед ними корзины как бы хрустальные, наполненные

^{*} Стояли ликами и пели. — Речь идет об антифонном пении, которое состоит в том, что псалом делится на равномерные стихи, или строки, которые и поются поочередно двумя ликами, или двумя сторонами поющих. — *Примеч. ред.*

золотыми, серебряными и медными монетами, просфорами, как цельными, так и раздробленными; также поставлен был небольшой золотой сосуд с миром и золотая кадильница с благовонным фимиамом. Когда братья, прежде нежели выйти из церкви и разойтись по кельям, подходили для поклонения к честному кресту, Ангелы давали некоторым златники с изображением Господа нашего Иисуса Христа, другим серебряники с изображением креста, иным медные монеты, иным целые просфоры, иным раздробленные; одних Ангелы помазывали миром из золотого сосуда, других кадили кадильницей; некоторые не получили ничего; некоторые же уходили, оставив в церкви полученное ими. Старец помолился Богу, чтобы открыто ему было значение видения и почему дары не равны, между тем как все вместе занимают-ся псалмопением и бдением.

И было открыто ему, что принявшие по златнику суть те, которые на среду, пяток, недельные дни и двенадцатые праздники совершают бдение трезвенно с вечера до утра; принявшие серебряники — те, которые бдят с полуночи до утра; принявшие медную монету — те, которые понуждаются к псалмопению; принявшие цельные просфоры прилежат чтению книг; получили куски новоначальные, не вступившие еще в совершенное иноческое житие; помазаны миром

послушные во всем отцу своему и отдавшие себя в услужение всем, — поты и труды их вменяются пред Богом в мир; те, которые окурены фимиамом кадила, суть вдавшиеся молве и приходящие в чувство только тогда, когда войдут в церковь; не приняли ничего небрегающие о своем спасении, не сопротивляющиеся скверным помыслам и не очищающие сердца от страстей, но предавшиеся сребролюбию и чревоугодию; оставившие в церкви полученные ими дары и ушедшие с пустыми руками суть те, которые занимаются эллинскими книгами, науками мира сего, — предававшиеся гордости, тщеславию и человекоугодию.

О том, как авву обокрали

Однажды обокрадывали авву Евпрения: он помогал ворам выносить из кельи находившееся в ней. Воры вынесли все и, забрав вынесенное, пошли. Только жезл старца остался в келье. Старец, увидев это, опечалился. Взяв жезл, он пошел за ворами и отдавал им жезл, но они не хотели принять его по подозрению какого-нибудь умысла против них в действии старца. Старец, встретившись с некоторыми людьми, шедшими по той же дороге, упросил их взять жезл и передать его ворам.

Святая простота

Был в некотором монастыре черноризец по имени Ефросин, неграмотный, но смиренный и богобоязливый. Он предал себя со всей покорностью в послушание игумену и братии. Они поручили ему служение в поварне и в течение многих лет оставили его в этом служении. Ефросин никогда не роптал, не прекословил, — исполнял порученное ему дело со всевозможным тщанием, служа человекам, как Богу, а не как человекам. То собирал он зелень, то носил дрова из лесу на плечах своих, топил ими печь и варил сочиво для братии. Занимаясь постоянно исполнением требований послушания своего, редко приходил он и в церковь, но, постоянно смотря на огонь, приводил в сокрушение свою душу, говоря со слезами так: «Увы, грешная душа! Ты не сделала ничего угодного Богу! Ты не знаешь закона Божия! Ты не научилась читать книги, по которым славословят Бога непрестанно! По этой причине ты недостойна предстоять в церкви с братней, но осуждена предстоять здесь, пред огнем. По смерти же будешь горько мучиться в будущем неугасимом огне».

Таким образом добрый исповедник ежедневно очищал свою душу и тело.

Игумен того монастыря Власий, саном верей, украшен был всеми добродетелями. Он с юности

вступил в служение Богу и угождал Богу постом и молитвой. Этому игумену пришло непреодолимое желание узнать, в какое место вселяются души монахов, подвизавшихся во время земной жизни. Возложив на себя пост и бдение, он начал молить Бога, чтобы Бог открыл ему это. Три года проводил он в келейном бдении каждую ночь. Всеблагой Бог, никогда не презирающий молящихся Ему с верой, исполнил желание и игумена. Однажды ночью стоял он на обычной молитве и внезапно ощутил себя в состоянии исступления. Ему представилось, что он ходит по какому-то великому полю; на поле был рай Божий. Что такое рай? — Этого невозможно передать на человеческом языке. Блаженный Власий, войдя в рай, увидел деревья благоуханнейшие, осыпанные различными плодами, и насыщался одним благоуханием, которое издавали эти плоды. В раю он увидел монаха Ефросина, сидящего под одной из яблонь на золотом престоле. Увидев его и достоверно узнав, что это — он, игумен подошел к нему и спросил его: «Сын мой, Ефросин! Что ты здесь делаешь?»

Ефросин отвечал: «Владыко! Я за твои молитвы в этом месте святого рая поставлен в стражи Богом». Игумен сказал на это: «Если я попрошу у тебя что-нибудь, имеешь ли ты власть дать?» Ефросин отвечал: «Чего ни попросишь, — получишь». Игумен, показав

на одну из яблонь, сказал: «Дай мне с этой яблони три яблока».

Ефросин аккуратно снял три яблока и отдал их игумену. Игумен принял их в мантию и по принятии тотчас пришел в себя. Он оказался в келье своей, три яблока были в его мантии. Зазвонили к утрени. По окончании богослужения игумен приказал братьям, чтобы никто из них не выходил из церкви; призвав из поварни Ефросина, спросил его: «Сын мой! Где был ты этою ночью?» Ефросин, опустив глаза в землю, стоял и молчал. Но старец не перестал его допрашивать. Тогда Ефросин отвечал: «Там, авва, где ты видел меня». Старец: «И где я видел тебя?» Ефросин отвечал: «Там, где ты просил у меня, чтобы я тебе дал, в святом раю». Старец: «Что просил я у тебя?» Ефросин: «То, что я дал тебе: три святыя яблока, которые ты и принял».

Тогда игумен повергся к ногам его, вынув яблоки из мантии своей, возложил их на святой дискос и сказал братии: «Эти яблоки, которые вы видите, — из святого рая. В течение трех лет я молил Бога в келье моей, пребывая без сна все ночи, чтобы Бог показал мне, в какое место отходят по смерти души благочестно подвижающихся монахов. В эту ночь благодатью Божией я возведен был в святой рай, видел его неизреченные блага и нашел в нем брата нашего Ефросина, который дал мне эти три яблока. Умоляю вас: не

уничжайте и не бесчестите неграмотных. Они, с верой служа братии, оказываются у Бога выше всех».

Когда игумен говорил это братии, Ефросин вышел из церкви и тайно ушел из монастыря в дальнюю сторону, избегая славы человеческой. Игумен разделил яблоки на благословение братии: большие, бывшие в братстве, вкусив райских яблок, выздоровели.

Исповедь

[Старец, живший близ аввы Зенона, говорил.] Должно исповедать [помыслы] отцу, но отцу, способному оказать помощь, и не уповать на себя. Боримый страстью не может сам себе принести пользы, в особенности если страсть обладает им. Со мной в юности моей случилось нечто таковое. Душа моя была уязвлена страстью, и я побеждался ею. Зная об авве Зеноне, что он исцелил многих, я вознамерился идти к нему и возвестить совершающееся надо мной. Но помысл удерживал меня, внушая мне: «Ведь ты знаешь, как должно поступить! Поступи сообразно прочитанному тобой и не соблазни старца».

Когда я решался идти, брань облегчалась несколько, и я оставлял намерение мое. Тогда снова потопляла меня страсть, и я снова понуждал себя сходить к старцу, но враг опять обольщал меня, не попуская

исповедать старцу борющихся меня помыслов. Даже не раз я ходил к старцу, но враг не допустил меня до исповеди, принося стыд сердцу моему и представляя, что способ исцеления мне известен.

«Какая нужда, — говорил он, — рассказывать о себе кому-либо?» — Это приносил мне враг, чтобы я не открыл страсти и не получил исцеления. Старец прозирал, что я имею что-то на сердце, но не обличал меня, а ждал, чтобы я сам исповедал ему; вместе с тем он наставлял меня на благое жительство и отпускал с миром. Приходя к себе, я скорбел и плакал, говоря душе моей: «Доколе, окаянная душа моя, ты отвергаешь врачевание? Издалека приходят к старцу и получают исцеление, а ты не можешь возобладать собою, не хочешь исцелиться, имея врача близ себя!»

Разжегшись сердцем, я встал и сказал сам себе: «Пойду к старцу, и если никого не найду у него, то это будет для меня знамение воли Божией, чтобы я исповедал ему мои помыслы». С такой решимостью я пошел к старцу и не нашел у него никого. Старец по обычаю поучал меня спасению души и как кто может очиститься от скверных помыслов. Победенный опять стыдом и не будучи в состоянии исповедать, я просил отпустить меня. Старец сотворил молитву и, провожая меня, шел впереди меня к дверям, а я, томимый помыслами, сказать ли старцу или не сказать,

шел за ним, ступая медленно. Старец, видя, что помыслы очень истомили меня, обратился ко мне и, прикоснувшись к груди моей, сказал: «Что делается с тобою? И я человек».

Когда старец сказал мне это, сердце мое как будто отверзлось, и я упал лицом на ноги его, умоляя его помиловать меня. Он сказал мне: «Что с тобой?» Я отвечал: «Ты знаешь, чем я страдаю». Он сказал: «Нужно самому тебе обличить твое состояние». Тогда я с великим стыдом исповедал страсть мою. Он сказал мне: «Чего ты стыдишься? Скажи мне: не человек ли я? Не три ли года ты приходил сюда, имея эти помыслы и не исповедуя их?»

Я припал к ногам его и умолял его: «Помилуй меня, ради Бога, скажи мне, что мне делать?» Он отвечал: «Поди, усиль молитву твою и ни о ком не говори худо». Я возвратился в келью мою, усилил молитву мою и благодатью Христовой за молитвы старца освободился от смущения этой страстью. По прошествии года пришел мне помысл, что, может быть, Бог помиловал меня по милости Своей, а не ради старца. Я пошел к нему и, желая испытать его, наедине поклонился ему и сказал: «Авва! Помолись о мне ради того помысла, который я исповедал тебе прошлого года». Он не поднимал меня тотчас, но оставил в положении сделанного мною поклонения и, помолчав немного, сказал: «Встань

и имей веру». Когда я услышал это, мне сделалось так стыдно, что от стыда я желал бы, чтобы земля поглотила меня. Я встал и не мог взглянуть на старца; дивясь ему, я возвратился в мою келью.

О смирении

Некогда авва Моисей пришел на колодец почерпнуть воды и увидел юного монаха Захарию, молящегося при колодце. Дух Божий в подобии голубя восседал на голове его. Авва Моисей сказал Захарии: «Дай мне наставление для моего жителства». Захария, услышав это, пал к ногам старца, говоря: «Меня ли вопрошаешь, отец?» Старец сказал ему: «Поверь, сын мой Захария, что я видел Святого Духа, сошедшим на тебя, и нахожу нужным для себя спросить тебя». Тогда Захария снял куколь с головы, положил его под ноги и, истоптав, сказал: «Если человек не будет поправ таким образом, то он не может сделаться монахом».

«А жал ли ты?»

Поведали об авве Исании, что он однажды пришел на гумно и сказал владельцу земли: «Дай мне пшеницы!» — «А жал ли ты, авва?» — спросил его владелец.

«Нет», — отвечал старец. Владелец возразил: «Как же ты хочешь получить пшеницы, когда ты не жал?»

На это старец сказал: «Разве не получает пшеницы тот, кто не жал?» — «Не получает», — отвечал владелец. Выслушав этот ответ, старец ушел с гумна. Братья, бывшие свидетелями поступка, поклонились авве и просили объяснить им поступок его. Старец сказал им: «Я сделал это с целью показать, что не получит от Бога награды тот, кто не будет подвизаться».

О борьбе со страстями

Авва Исаия говаривал о себе: «Вижу себя подобным коню, блуждающему без всадника. Кто ни найдет его, садится на него и ездит на нем сколько угодно. Когда же этот оставит коня, другой поступает с ним точно так же».

Он говорил: «Я подобен пленнику, окованному врагами и ввергнутому ими в ров, наполненный нечистотами. Когда этот пленник возопиет к Господу своему, тогда враги бьют его, чтобы он замолчал».

Говорил также: «Я подобен птичке, пойманной мальчиком и привязанной им за ноги на нить. Когда мальчик ослабит нить, птичка вспархивает, полагая, что освободилась; но мальчик натягивает нить и снова низвергает птичку на землю. Таким вижу себя».

Говорю же это с целью показать, что никто не может предаться вераждению о спасении своем до последнего издыхания своего».

О долгах

Авва Исаия говорил: «Если ты дал что взаймы ближнему и не требуешь этого обратно, то действуй в естестве Иисуса. Если же потребуешь возращения, то поступишь по естеству Адама. Требование же лихвы ниже и Адамова естества».

О гневе

Брат спросил авву Исидора, пресвитера скитского: «Авва! Отчего демоны так сильно боятся тебя?»

Старец отвечал: «С того времени, как я сделался монахом, не допускаю гневу подняться до гортани моей»... Он поведал о себе: «Однажды я пошел на торг продать немного сделанных мной корзины. Приметив, что по поводу продажи возникает во мне гнев, я оставил корзины и бежал».

Украшение монаха

Два брата, подвергшись нашествию помыслов, пришли к авве Илии для совета. Старец, увидев, что

они дебели телами, сказал как бы ученику своему: «Поистине, брат, стыжусь за тебя: ты откормил тело твое, как на убой. Мы пища червей! Смирение, бледность лица и сухость тела — украшение монаха».

Скорый к помощи

Некоторый старец жил в идольском капище. Пришли к нему демоны, говоря: «Уйди из нашего места». Старец отвечал: «У вас нет места».

Демоны начали разбрасывать его ветви; старец терпеливо собирал их. После этого демон, взяв его за руку, повлек из капища. Когда он дотащил старца до дверей, старец другой рукой уперся в дверь и воскликнул: «Иисусе! Помоги мне!» Демон тотчас убежал, а старец начал плакать. Господь сказал ему: «О чем ты плачешь?» Старец отвечал: «Плачу о том, что демоны дерзают владеть человеком и так поступать с ним». Господь сказал ему: «Ты был нерадив. Когда же ты взыскал Меня, — видишь, как Я скоро предстал тебе».

Воля Божия

Старцы, собравшись, согласились между собой представить патриарху авву Исаака для рукоположения его во пресвитера. Авва, услышав об этом, бежал

в Египет и скрылся на поле, в траве. Отцы поспешно отправились в погоню за ним. Так случилось, что они пришли на то же поле, на котором скрывался авва Исаак. Было уже поздно, наступила ночь, и старцы расположились тут для ночлега, а бывшего при них осла пустили на траву. Осел, ходя по полю, к утру пришел на то место, где скрывался авва, и стал над ним. И старцы, начав утром искать осла, вместе с ним нашли к удивлению своему и авву. Они хотели связать его, но он не допустил их до этого, сказав: «Я уже не убегу. На это есть воля Божия. Не уйти мне от нее, куда бы ни убежал».

Об осуждении влижнего

Однажды авва Исаак Фиваидский пришел в общежитие. Увидев там брата, впавшего в грех, прогневался на него и повелел изгнать. После этого, когда Исаак возвращался в келью свою, пришел Ангел Господень и, встав пред дверьми кельи, сказал: «Я не пущу тебе войти в келью твою». Исаак начал просить Ангела, чтобы объявил ему вину его. Ангел отвечал: «Бог послал меня, сказав: поди и спроси у Исаака, куда повелел он поместить согрешившего брата, которого он осудил?» Исаак немедленно принес покаяние, сказав: «Господи! Я согрешил: прости меня».

Ангел сказал ему: «Встань. Бог простил тебя. Но впредь не поступай так: не осуждай кого-либо прежде, нежели Господь осудит его. "Восхитили человеки суд и не предоставляют его Мне", — говорит Господь».

❖ монашество

Святые скитские отцы произнесли пророчество о последнем роде. Они предложили вопрос: «Что сделали мы?» Один из них, великий по жительству авва Искрион, сказал на это: «Мы соблюдали заповеди Божии». Отцы спросили: «Что сделают те, которые непосредственно последуют за нами?» Он отвечал: «Они будут иметь делание в половину против нашего». Отцы опять спросили: «А те, которые будут после них?» — «Эти, — отвечал авва, — отнюдь не будут иметь монашеского делания; но их постигнут напасти, и они, подвергшись напастям и искушениям, окажутся больше нас и больше отцов наших».

❖ пасти

Приснопамятный и блаженный отец наш Иоани Колов, — прозвание это дано преподобному по малому росту его и значит «малый», — послушания

воспитанник, оставил мир в юном возрасте. С родным братом своим Даниилом он удалился в Скит, где оба приняли монашество. Они поместились на жительство в одной келье и подвизались в посте и молитве. По прошествии некоторого времени Иоанн сказал брату своему Даниилу: «Я решился несколько не заботиться о теле, не хочу употреблять пищи и питья, приготовленных на огне, но хочу пребывать в этой пустыне без попечения, подобно бесплотному Ангелу».

Сказав это, он тотчас снял бывшую на нем одежду и нагой вышел из кельи в пустыню. В эту ночь случился сильный мороз. Не стерпев мороза, Иоанн возвратился в келью к брату своему и начал стучать в двери. Брат, желая вразумить его, долгое время не подавал голоса, потом сотворил молитву и сказал: «Кто там стучит так настойчиво в мои двери?»

Иоанн отвечал: «Это я, брат твой Иоанн, не могу вынести мороза и возвратился послужить тебе». Даниил отвечал: «Не прельщай меня, демон, уйди: я не отворю тебе. Как смеешь ты говорить, что ты — мой брат? Разве не знаешь, что брат мой — ангел, что он небрежет о теле, что не нуждается в пище? Уйди от меня!» Иоанн сотворил молитву и сказал: «Я — брат твой Иоанн! Ныне узнал, не стерпев мороза, что на мне плоть». Когда он покаялся, то брат отворил дверь и принял его в келью, при этом сказав ему: «Брат! На

тебе плоть, для нее ты должен трудиться о пище и одежде».

Плод послушания

Иоанн [Колов] поместился к некоторому великому старцу родом из Фиванды по имени Памва и предал себя в услужение ему. Старец учил его послушанию, а Иоанн дал обет повиноваться старцу во всем. Однажды старец взял сухое дерево, воткнул его на горе и приказал Иоанну ежедневно поливать это сухое дерево ведром воды до того времени, как дерево принесет плод. Вода была далеко от них. Утром надо было идти за ней, чтобы принести к вечеру. По истечении третьего года дерево прозябло и принесло плод. Старец взял плод, принес в церковь к братии и сказал им: «Приступите, вкусите от плода послушания».

Лютая гнева

На некотором расстоянии от их кельи было кладбище. Там жила лютая гнева, умерщвлявшая людей и скотов. Старец сказал Иоанну Колову: «На кладбище я видел помет гвены: поди принеси его сюда».

Иоанн сказал на это: «А что мне сделать, если гвена нападет на меня?» Старец, улыбувшись, отвечал:

«Если гиена нападет на тебя, то свяжи ее и приведи сюда». Вечером Иоанн пошел на кладбище, гиена напала на него. Он, по повелению старца, бросился, чтобы схватить ее, но она побежала от него. Иоанн погнался за ней, крича: «Остановись! Отец мой повелел связать тебя». Она остановилась. Иоанн связал ее. Между тем старец сидел, ждал ученика. И вот идет Иоанн, ведет за собою связанную гиену. Старец, увидев это, удивился; желая же смирить ученика и предохранить от превозношения, взял жезл и начал бить Иоанна, говоря: «Глупый, собаку ли ты привел сюда?» Старец развязал гиену и отпустил ее.

О бесстрастии и терпении

Авва Пимен поведал о авве Иоанне Колове следующее. Он умолил Бога, и отъяты были у него страстные вожеления. Он ощутил ненарушимое спокойствие. Тогда он пришел к некоторому отцу и сказал ему: «Вижу себя спокойным, не имеющим никакой брани».

Старец отвечал ему: «Иди и умоли Бога, чтобы возвратились брани и то сокрушение сердца и смирение, которые ты имел прежде: по причине браней душа приходит в преуспеяние». Иоанн испросил у

Бога возвращения браней, и когда пришли брани, то он уже не молился об освобождении от брани, но говорил: «Господи! Даруй мне терпение в брани».

О смирении

Однажды авва Иоанн сидел у церкви. Братья окружили его и вопрошали о своих помыслах. Увидел это один из старцев и, побежденный завистью, сказал ему: «Иоанн! Чаша твоя преисполнена чарования». Иоанн отвечал: «Точно так, авва! И ты сказал это, видя одно внешнее. Что сказал бы ты, если бы увидел внутреннее?»

Душа-блудница

Состояние души, желающей приносить покаяние, авва Иоанн изображал следующей притчей. В некотором городе была красавица-блудница, имевшая много любовников. Князь сделал ей предложение: обещай жить целомудренно, и я согласен, чтобы ты была моей супругой.

Она обещала. Князь женился на ней и взял ее в свой дом. Узнав об этом, прежние любовники ее совещались между собой так: «Такой-то князь женился на ней и взял ее в свой дом. Если мы пойдем прямо в

дом, то князь подвергнет нас пытке. Вот что сделаем: пойдем сзади дома и свистнем ей. Она узнает наш свист и выйдет к нам. Тогда уже мы не будем виноваты». Так и сделали. Но она, услышав свист, заткнула уши, убежала во внутреннюю комнату и заперла за собой двери.

Авва объяснял притчу так: блудница — душа; ее любовники — страсти; князь — Христос; внутренняя комната — вечная обитель; свистящие любовники — демоны. Если душа будет постоянно прибегать к Богу, то демоны и страсти, убоявшись, удалятся от нее.

«Он опечалится...»

Однажды авва Иоанн шел из Скита с другими братьями. Была ночь, и проводняк их сбился с пути. Братья сказали авве Иоанну: «Авва! Что делать нам? Брат сбился с пути: как бы нам не умереть, блуждая!»

Старец отвечал: «Если скажем ему об этом, он опечалится и будет стыдиться нас. Вот что сделаем: я скажусь больным и откажусь от дальнейшего путешествия, а останусь здесь до утра». Он сделал так. Сказали и прочие: «И мы не пойдем далее, но побудем при тебе». Они просидели на месте до утра и брата не обличили.

Терпеливый учитель

Был в Скиту некоторый старец, сильный в телесном подвиге, но не сведущий в рассматривании помыслов. Он пошел к авве Иоанну Колову попросить его о недуге забвения. Выслушав учение об этом предмете, старец возвратился в свою келью и забыл сказанное ему аввой Иоанном. Опять пошел он к авве, спросил его о том же, выслушал то же учение, возвратился в свою хижину и опять забыл сказанное ему. Таким образом много раз ходил он к Иоанну и каждый раз по возвращении в келью побеждаем был забвением. После этого, увидевшись со старцем, он сказал ему: «Знаешь ли, авва, я опять забыл, что говорил ты мне; но чтобы не беспокоить тебя, я уже не приходил к тебе».

Тогда авва Иоанн сказал ему: «Зажги свечу». Он зажег. Авва Иоанн сказал: «Принеси еще другие свечи и зажги от нее». Когда старец сделал это, авва Иоанн спросил его: «Убавился ли свет первой свечи от того, что ею зажжены многие свечи?» Старец отвечал: «Нет». Иоанн сказал на это: «Подобен первой свече Иоанн: если и весь Скит обратится ко мне, то не умалит благодати Христовой. Приходи ко мне, когда хочешь, без всякого сомнения». За терпение обоих Бог отъял забвение от сердца старца.

О СЛАВЕ

Некоторый духовный старец жил в затворе и был знаменит в городе и в окрестности имел великую славу. Ему было открыто: «Один из святых приблизился к кончине. Поди, простись с ним прежде его отшествия». Старец сказал сам в себе: «Если я пойду днем, то стечется ко мне народ и окажет мне великую почесть. Лучше пойду вечером, тьма скроет меня от всех».

При наступлении вечера с намерением утаняться он вышел из кельи, — и вот явились два Ангела с пылающими светильниками, посланные от Бога, чтобы освещать путь старцу. Сбежался весь город на это зрелище. Сколько думал старец избежать славы, столько был прославлен! Исполнились над ним слова Писания: *всякий унижающий себя возвысится* (Лк. 14, 11).

Похвала

Авва Иоанн был *духом пламенеющий* (Рим. 12, 11). Некоторый брат, придя к нему, похвалил его рукоделие. Авва, занимавшийся в то время плетением веревки, промолчал. Посетитель повторил похвалу. Авва опять промолчал. И в третий раз пришедший брат похвалил рукоделие. Тогда авва сказал ему: «Приходом твоим ты удалил Бога от меня».

О слухе

Сказывали о авве Иоанне, что он, придя в церковь Скита и услышав там, что некоторые из братии спорили между собой, возвратился к келье своей, обошел ее три раза и после этого вошел уже в нее. Видели это некоторые из братии и спросили его, почему он поступил так. Он отвечал: «Мой слух был запечатлен словами спора: я прохаживался, чтобы очиститься и уже в безмолвии сердца войти в келью».

О молитве

Авва Иоанн Колов был в великом преуспевании умной молитвы и переходил от нее в состояние духовного видения. Однажды хозяин верблюдов пришел к авве Иоанну, чтобы взять его корзины и увезти их, куда следовало по назначению. Авва вошел в келью, чтобы вынести ему корзины и, взяв одну корзину, забылся, потому что ум его был восхищен к Богу. Хозяин верблюдов опять обеспокоил его, постучав в двери. Авва вышел к нему, но, возвратившись в келью, опять забылся. Хозяин верблюдов постучал в третий раз. Авва вышел к нему и, возвращаясь в келью, твердил: «Корзины — верблюд, корзины — верблюд». Твердил он это, чтобы снова не забыться.

Радость добра

Однажды в Скиту несколько старцев вкушали вместе пищу. В числе их был и авва Иоанн Колов. Некоторый пресвитер, муж великой святости, встал, чтобы подать трапезовавшим по чаше воды. Но из уважения к пресвитеру никто не согласился принять от него, кроме Иоанна Колова. Старцы удивились и сказали ему: «Как ты, меньший всех, осмелился принять услужение от пресвитера?» Он отвечал: «Когда я встаю подавать чашу, то радуюсь, если все примут ее, как получающий большую мзду (Мф. 10, 42; Мк. 9, 41). По этой же причине теперь и я принял чашу, желая доставить ближнему мзду. Как бы он не огорчился, если бы никто не принял от него».

О гневе

Авва Иоанн, настоятель великого общежития и многочисленного братства, посетил авву Пансия, проводшего сорок лет в отдаленнейшей пустыне. Находясь с Пансием в ближайших отношениях, Иоанн спросил у него, как у прежнего товарища своего по монашескому новоначалию, что особенное исполнил он, пользуясь уединением пустыни в течение столь продолжительного времени, не тревожимый никем

из братии. Авва Паисий отвечал: «Солнце не видело меня едящим». «А меня гневающимся», — сказал на это Иоани.

ОБ УЧИТЕЛЬСТВЕ

Когда авва Иоани отходил из этой жизни, отходил в радости, как бы возвращаясь на родину, — смятенные братья окружили одр его. Они начали убедительно просить его, чтобы он в духовное наследство оставил им какое-либо особенно важное наставление, которое споспешествовало бы им к удобнейшему достижению христианского совершенства. Он вздохнул и сказал: «Никогда я не исполнял моей воли и никого не учил тому, чего сам прежде не сделал».

О БЛУДНИЦЕ

В Египте была блудница необыкновенной красоты, очень богатая. Ее посещали люди знатные. Однажды она пришла к церкви и хотела войти в нее, но иподиакон, стоявший у дверей, не допустил ее, сказав: «Ты не достойна войти в дом Божий, потому что ты в нечистоте». Блудница настаивала, чтобы ей дозволен был вход, а иподиакон не допускал ее. Они начали спорить. Епископ, услышав шум, вышел к

дверям. Блудница сказала ему: «Иподиакон не пускает меня в церковь».

Епископ отвечал ей: «Невозможно войти тебе, потому что ты в нечистоте». Пораженная этим, блудница воскликнула: «С этих пор я уже не буду блудодействовать». Епископ сказал на это: «Если ты принесешь сюда имение твое, то поверю, что отойдешь от греха». Блудница принесла епископу имущество свое, он бросил его в огонь. После этого блудница, обливаясь слезами, вошла в церковь и сказала: «Если здесь так поступлено со мной, то что было бы там?» Она принесла покаяние и сделалась сосудом избранным.

О доброте, долгах и чужих вещах

Некто из старцев поведал об авве Иоанне Персянине, что он по изобилию в нем Божественной благодати достиг совершенного незлобия. Жил он в Аравии Египетской.

Однажды он занял у брата золотую монету и купил на нее лен для своего рукоделия. После этого пришел к нему другой брат и начал просить его, говоря: «Дай мне, авва, немного льна, я сделаю себе левитон». Авва радостно дал ему. Потом пришел к нему еще другой брат и также просил его: «Дай мне немного льна на полотенце». Старец дал и этому. И иным многим,

просившим у него, давал с радостью, потому что был крайне прост сердцем. Пришел, наконец, к нему и ссудивший его золотой монетой, желая получить ее обратно. Старец сказал ему: «Я схожу и принесу ее тебе».

Не найдя, у кого бы занять монету, он пошел к авве Иакову, заведовавшему раздаванием милостыни, с тем чтобы попросить у него златник для возвращения брату. Идя к авве Иакову, он увидел на дороге лежащий златник. Авва Иоанн не прикоснулся к нему, но, сотворив молитву, возвратился в келью. Брат опять пришел, прося возвращения долга. «Я забочусь об этом», — отвечал старец и опять пошел к авве Иакову. На дороге он увидел златник на том же месте, на котором он был и прежде; сотворив молитву, старец возвратился в келью. Брат пришел и в третий раз, прося златник обратно. Старец отвечал ему: «Непременно схожу и принесу тебе».

Он пошел на то место, где прежде нашел монету; она лежала там же. Сотворив молитву, он взял ее, принес к авве Иакову и сказал ему: «Авва! Идя к тебе, я нашел на дороге этот златник. Окажи любовь, оповести в окрестности, не потерял ли кто его? Если найдется потерявший, отдай ему». Авва Иаков ходил три дня и объявлял о найденном златнике, но не нашлось никого, кто бы потерял златник. Тогда старец сказал авве Иакову: «Если никто не потерял этого

златника, то отдай его такому-то брату; я должен ему. Я шел к тебе просить милостыни, чтобы отдать долг, и нашел этот златник». Удивился авва Иаков, что старец, будучи должен и найдя монету, не взял ее тотчас и не отдал долга. Было достойно удивления в авве Иоанне и следующее. Если кто приходил к нему взять что-либо взаймы, то он не давал из своих рук просившему, а говорил ему: «Поди, возьми, что нужно тебе». Когда взявший приносил взятое, то старец говорил: «Положи на свое место, откуда ты взял». Если же кто-либо не возвращал долга, то старец и не напоминал о нем.

Убедиться в послушании

Поведал некоторый брат. Пришел я однажды в нижнюю Гераклию к авве Иосифу. В монастыре его было великолепное дерево — смоковница. При наступлении утра он сказал мне: «Поди, покушай плодов смоковницы». Была тогда пятница; я не исполнил сказанного старцем, чтобы не нарушить церковного постановления о посте. После этого умолял я его, говоря: «Бога ради, объясни мне твой поступок. Ты повелел мне с утра употребить пищу, а я по причине поста не сделал этого, — и стыдно мне тебя! Недоумеваю, в каком разуме дал ты мне, старец, приказание употребить пищи и что хотел выразить этим?»

Авва отвечал: «Отцы сначала говорят братьям слово наиболее в виде испытания, а не прямо. Когда же увидят, что они исполняют и извращенное приказание, то уже не испытывают их неправильными приказаниями, но наставляют истине, убедившись в их послушании».

«Будь весь, как огонь»

Авва Лот, посетив авву Иосифа, сказал ему: «Отец мой! По силе моей я исполняю малое молитвенное правило, соблюдая умеренный пост, занимаюсь молитвой, поучением и безмолвием, стараюсь наблюдать чистоту, не принимая греховных помыслов. Что надлежит мне еще сделать?» Старец встал и простер руки к небу, персты его сделались подобными десяти зажженным светильникам. Он сказал авве Лоту: «Если хочешь, — будь весь, как огонь. Не сможешь сделаться монахом, если не будешь пламенеть весь, как огонь».

Непужные знания

Один из старцев пришел к другому старцу, возлюбленному своему, чтобы вместе с ним посетить авву Иосифа. Пришедший сказал хозяину: «Прикажи ученику твоему, чтобы он приготовил в дорогу с

нами осла». Хозяин отвечал: «Пригласи его, и он сделает по желанию твоему». — «А как его зовут?» — спросил пришедший. «Не знаю», — отвечал хозяин. «Сколько времени живет он с тобой, что ты еще не знаешь имени его?» — опять спросил пришедший. «Два года», — отвечал хозяин. На это пришедший сказал: «Если ученик твой при тебе живет два года и ты не знаешь имени его, то зачем мне узнавать имя его для одного дня».

Терпение на двести лет

Авва Иеракс жил в Нитрийской пустыне. Однажды пришли к нему бесы в образе ангелов. Искушая его, они сказали ему: «Еще пятьдесят лет тебе жить. Как выдержишь такое продолжительное время в этой страшной пустыне?» Он отвечал им: «Огорчили вы меня, назначив мне жить немного лет: я приготовился к терпению на двести лет». Услышав это, бесы удалились, испуская вопли.

О Духе Божием

Брат сказал авве Кронию: «Скажи мне назидательное слово». Авва отвечал ему: «Когда Елисей пришел к Соманитянке, то нашел ее чуждой сношений с кем-

либо; по пришествии же пророка она зачала и родила сына». Брат спросил: «Какое значение имеют эти слова?» Старец отвечал: «Когда душа пребывает в трезвении, хранит себя от вражеского искушения и не исполняет своих похотений, тогда приходят к ней Дух Божий, — и она, быв бесплодной в своем одиночестве, получает способность зачать и родить».

О скромности и безвестности

Авва Исидор Пелусийский рассказывал следующее. Во время пребывания моего на Синайской горе был там брат очень подвижнической жизни, при том весьма красивый собой. В церковь приходил он в ветхой короткой келейной мантии, которая была вся в заплатах. Видя его в таком одеянии посреди множества братин, однажды я сказал ему: «Брат! Ты видишь, что все братья присутствуют в церкви в приличном одеянии, подобно Ангелам. Почему же ты приходишь всегда в такой одежде?» Он отвечал: «Авва! Прости меня, у меня нет другой одежды». Я пригласил его в мою келью, дал ему левиiton и все, в чем он нуждался.

С этого времени он одевался подобно прочим братьям и был вид его, как вид Ангела. Встретилась отцам нужда послать к императору десять братьев по

некоторому делу. В число отправляемых отцы включили и этого брата. Услышав об этом, он пал перед отцами и сказал им: «Простите меня ради Господа! Я раб одного из тамошних вельмож. Если он узнает меня, то снимет с меня монашество и принудит снова вступить в услужение к себе». Отцы, поверив сказанному, оставили его. Впоследствии же сделалось известным от некоторого посетителя, коротко знавшего этого брата, что в мирской жизни он имел сан епарха, но сказал так о себе, чтобы остаться в неизвестности и чтобы не произвести молвы между людьми. С такой тщательностью избегали отцы славы мира сего и удобств временной жизни.

«Молитесь не усердно»

Некоторый из отцов поведал об авве Ксое Фивейском следующее. Ходил он однажды на Синайскую гору. Возвращаясь оттуда, он встретился с братом, который, вздыхая, сказал ему: «Авва! Стражем от бездождия».

Старец отвечал: «Почему вы не молитесь и не просите Бога?» Брат сказал: «И молимся, и просим; но дождя — нет». «Видно, вы молитесь не усердно, — отвечал на это старец, — хочешь ли увериться, что это так?» С этими словами он простер руки к

небу, начал молиться, и дождь пошел немедленно. Брат, увидев это, пришел в величайшее удивление, пал на лицо свое пред старцем, а старец очень поспешно удалился.

О молчании

Авва Макарий Великий говаривал скитской братии, когда распускал собрание их: «Убегайте, братья». Один из старцев сказал ему: «Отец! Куда бежать нам далее этой пустыни?» Тогда Макарий положил перст на уста свои и сказал: «Этого убегайте». — Сказав, он пошел в келью и, затворив двери, пребывал один.

О адских муках

Однажды авва Макарий, ходя по пустыне, нашел лежавший на земле человеческий череп. Когда авва прикоснулся пальмовой палкой, которая была у него в руке, к черепу, череп издал из себя голос. Старец сказал ему: «Кто ты?» Череп отвечал: «Я был жрецом идолопоклонников, которые жили в этом месте, а ты — авва Макарий, имеющий в себе Святого Духа Божия, когда, умиловшись над теми, которые находятся в вечной муке, ты молишься о них, то они

получают некоторое утешение». Старец спросил: «В чем состоит это утешение?» Череп отвечал: «Сколько отстоит небо от земли, столько огня под ногами нашими и над нашими головами. Мы стоим посреди огня, и никто из нас не поставлен так, чтобы видел лицо ближнего своего». Тогда старец, обливаясь слезами, сказал: «Горе тому дню, в который родился человек, если только таково утешение в муке!»

К этому старец присовокупил: «Есть ли мука, более тяжкая этой?» Череп отвечал: «Ниже нас мука больше». Старец сказал: «Кто в ней?» Череп: «Нам, не ведавшим Бога, оказывается хотя некоторое милосердие; но те, которые познали Бога и отреклись от Него и не исполняли воли Его, находятся ниже нас». После этой беседы старец предал череп земле.

Доброе слово

Однажды авва Макарий, идя в Нитрийскую гору в сопровождении ученика своего, повелел этому ученику идти несколько впереди себя. Ученик, уйдя на некоторое расстояние вперед, повстречался с идольским жрецом, который куда-то очень спешил, неся большой обрубок дерева. Ученик воскликнул ему: «Куда бежишь, демон?» Жрец, рассердившись, прибил его жестоко, оставил едва дышавшим и снова поспешно

продолжал путь свой. Пройдя немного, он встретился с блаженным Макарием, который приветствовал его так: «Здравствуй, трудолюбец, здравствуй!»

Жрец, удивившись, отвечал: «Что нашел ты во мне доброго, чтобы приветствовать меня?» Старец сказал: «Сделал я тебе приветствие, потому что увидел тебя трудящимся и заботливо спешащим куда-то». Жрец на это: «От приветствия твоего я пришел в умиление и понял, что ты — великий служитель Бога, напротив, другой, не знаю какой, окаянный монах, повстречавшись со мной, обругал меня; за то я и прибил его».

С этими словами он пал к ногам Макария, обнял их и воскликнул: «Не оставляю тебя, доколе не сделаешь меня монахом».

Они пошли вместе. Дойдя до того места, где лежал избитый монах, они подняли его и отнесли на руках в церковь, потому что он не мог идти. Братья горы, увидев, что жрец идольский идет вместе с блаженным Макарием, очень удивились этому. Жрец принял христианство, а потом и монашество; наставленные примером его, многие из идолопоклонников обратились к христианству. По этому случаю сказал авва Макарий: «Слово гордое и злое направляет к злу и добрых людей, а слово смиренное и благое обращает к добру и злых людей».

Ты к могилае

Меньшой брат аввы Пимена Пансий завел знакомство с некоторыми монахами из других келий, в противность желанию Пимена. Пимен пошел к авве Аммону и сказал ему: «Мой брат Пансий завел знакомство с посторонними лицами, от чего я не имею покоя». Авва Аммон отвечал ему: «Пимен! И еще ли ты жив? Иди, пребывай в келье твоей и имей в сердце твоём, что протек уже год, как ты в могиле».

Однажды Пансий поссорился с одним из посетителей своих и подрался с ним до пролития крови. Авва Пимен сидел тут и не сказал им ни слова. В это время вошел к ним авва Анув, старший между братьями по годам, и, увидев случившееся, обратился с упреком к авве Пимену за то, что Пимен не позаботился о примирении поссорившихся. Пимен отвечал: «Они братья, — и помирятся». Анув повторил упрек; тогда Пимен отвечал: «Я положил в сердце моем, что меня здесь не было».

Видание с матерью

После того как авва Пимен и авва Анув удалились в пустыню, мать их пожелала видеть их; она часто приходила к их келье и уходила, не достигнув

желаемого. Высмотрев удобную минуту, она неожиданно явилась перед ними, в то время как они шли в церковь. Увидев ее, монахи поспешно возвратились в келью и заперли за собой дверь.

Она встала перед дверьми и с плачем призывала их.

Тогда авва Анув подошел к авве Пимену и сказал: «Что делать нам с матерью нашей, которая плачет у дверей?» Авва Пимен пошел к дверям.

Услышав, что она продолжает плакать, он, не отворяя дверей, сказал ей: «Зачем ты так кричишь и так плачешь, будучи уже истощена старостью?» Она, узнав голос сына, закричала еще сильнее: «Потому что я хочу видеть вас, сыновей моих! Что из того, если увижу вас? Не я ли мать ваша? Не я ли родила вас? Не я ли вскормила вас сосцами моими? Я уже вся в сединах! Когда я услышала твой голос, возмущилась вся внутренность моя!»

Пимен сказал ей: «Здесь ли хочешь видеть нас или в будущем веке?» Она отвечала: «О если здесь не увижу вас, сыновей моих, то увижу ли там?» Пимен: «Если с благодушием откажешься от свидания здесь, то наверно увидишь там».

Этим словами она утешилась и пошла с радостью, говоря: «Если наверно увижу вас там, то здесь уже не хочу видеть».

Золото — причина душевной гибели

Пансий, брат аввы Пимена, нашел небольшой сосуд со златницами. Он сказал старшему брату своему Ануву: «Ты знаешь, что слово аввы Пимена очень жестоко. Пойдем, выстроим себе келью в другом месте и будем безмолвствовать спокойно». Авва Анув отвечал ему: «Нам не на что выстроить келью». Тогда Пансий открыл ему о своей находке.

Это очень опечалило авву Анува, который понял, что находка может быть причиной душевной гибели для Пансия. Однако он сказал: «Пойдем, выстроим келью на той стороне реки».

Авва Анув взял у Пансия сосуд со златницами и завернул в куколь^{*} свой. Когда они переправлялись через реку и были на середине ее, авва Анув сделал вид, что он запнулся и выронил сосуд со златницами в реку. Сделав это, он начал скорбеть, а авва Пансий утешал его: «Не скорби, авва, о златниках; пойдем опять к брату нашему». — Они возвратились и жили в мире.

^{*} Куколь — верхнее облачение монаха с капюшоном. —
Примеч. ред.

Нет дела до петухов

Однажды авва Исаак сидел у аввы Пимена. В это время раздался голос петуха, и спросил авву Пимена авва Исаак: «Авва! Здесь есть петухи?»

Пимен отвечал ему: «Исаак! Зачем ты принуждаешь меня говорить об этом? Ты и подобные тебе слышат петухов, а тому, кто трезвится, нет дела до них».

Статуя

Авва Пимен, авва Анув и прочие братья их, числом пять, сыны одной матери, приняли монашество в Скиту. На эту пустыню сделало нападение варварское племя Мазики; они разорили хижины монахов и умертвили многих из отцов. В числе убитых был и преподобный Моисей Мурин. Пимен и братья его спаслись бегством из Скита. Они пришли в место, называемое Ференуф, и все семь остановились на время там, в опустевшем идольском храме, с намерением обсудить избрание места для постоянного жительства. При этом авва Анув сказал авве Пимену: «Сделай милость, ты и братья, исполните мою просьбу: в течение этой недели будем жить каждый отдельно в молчании, не сходясь для беседы».

Авва Пимен отвечал: «Сделаем по желанию твоему». Они и поступили так. В храме стояла каменная статуя. Анув, вставая ежедневно рано утром, кидал камнями в лицо статуи, а вечером подходил к ней и просил прощения. Так делал он в течение всей недели. В субботу братья сошлись вместе, и сказал авва Пимен авве Ануву: «Видел я, авва, что ты в течение этой недели кидал камнями в лицо статуи, а потом покланялся ей и просил у нее прощения. Верующий во Христа не должен кланяться идолу».

Старец отвечал: «Сделал это я для вас. Когда, как вы видели, я кидал камнями в лицо статуи, произнесла ли она что? Рассердилась ли она?» Авва Пимен отвечал: «Нет». Анув: «Когда я просил у нее прощения, смутилась ли она? Сказала ли: не прощаю?» Авва Пимен отвечал: «Нет». На это сказал авва Анув: «Так и мы, семь братьев, если пожелаем проводить жительство вместе, будем подобны этой статуе, которая от оскорблений, нанесенных ей, не возмущается гневом, а при смирении, показываемом пред ней, не тщеславится и не надмевается».

Если же вы не хотите вести себя таким образом, — вот, четверо врат у этого храма; пусть каждый идет, куда хочет, и выбирает место для жительства, какое хочет». Братья пали ниц пред аввой Анувом, дали обещание поступать по его совету и пребыли вместе

в великом смирении и терпении многие годы, с одной целью — стремления к христианскому совершенству.

Родня

Правитель страны, наслышавшись о блаженном Пимене, захотел видеть его и послал к нему нарочно, прося позволения посетить его. Это очень опечалило Пимена. Он размышлял сам с собой: «Если знатные особы начнут приветствовать и уважать меня, то множество людей и из народа начнет стекаться ко мне, а этим по необходимости возмутится мое безмолвие и в нем сокроенное умное делание, причем не неудобно, по действию лукавого демона, отступить от меня благодати смирения, которое я старался стяжать от юности моей с великим трудом при помощи Божией, а мне — увязнуть в сетях тщеславия».

Рассудив так, он отказался от свидания с правителем и не принял его. Огорчился на это правитель и сказал своим окружающим: «То, что я не удостоился видеть человека Божия, приписываю своим грехам». Однако не оставило правителя сильнейшее желание увидеть святого мужа каким бы то ни было образом. Он придумал следующее средство для доставления себе этого свидания: велел схватить сына сестры

блаженного Пимена и посадить его в тюрьму, чтобы по этому обстоятельству старец или принял правителя к себе, или сам пришел к правителю для ходатайства о племяннике.

При этом правитель сказал приближенным своим: «Передайте святому старцу, чтобы он не огорчился моим поступком, потому что племянник его тотчас будет выпущен из тюрьмы, если старец придет ко мне; вина племянника, впрочем, такова, что он не может быть выпущен из тюрьмы, не подвергшись наказанию».

Мать юноши, сестра святого Пимена, услышав это, пошла в пустыню, где жил брат ее, встала перед дверьми его кельи, прося его с плачем и рыданием, чтобы он пошел к правителю и попросил его о сыне ее. Но блаженный Пимен не только не отвечал ей ничего, но даже не отворил дверей и не вышел к ней. Тогда она стала осыпать его ругательствами. «Жестокый, — вопияла она, — нечестивец, железносердечный! Как тебя не склоняет к милосердию столь горький плач мой? У меня один сын, и тот находится в опасности подвергнуться смерти!»

Тогда старец велел брату, который прислуживал ему, сказать ей: «Пимен детей не родил и потому не имеет скорби о них». Правитель, услышав это, сказал друзьям своим: «Передайте ему, чтобы он, по крайней

мере, написал письмо ко мне, и я отпущу племянника его». Тогда, будучи уговорен многими, старец написал правителю следующее: «Да повелит благородие твое тщательно исследовать вину заключенного, и если он сделал что, достойное смерти, пусть умрет, пусть насильственной смертью очистит в нынешнем веке свое преступление, чтобы избежать вечной муки в геенне. Если же он не сделал ничего достойного смертной казни, то учини о нем распоряжение, указываемое законами». Правитель, получив это письмо, тотчас выпустил юношу из тюрьмы.

Исцеление отрока

Однажды значительное число старцев пришло к авве Пимену. Один из его родственников имел сына, у которого от действия болезни, причиненной дьяволом, искривилось лицо и поворотилось назад. Отец отрока, увидев множество старцев, пришел с сыном к келье старца и сидел вне ее, плача. Один из старцев случайно вышел из кельи и, увидев его, спросил: «О чем ты плачешь?» — «Я — родственник аввы Пимена, — отвечал плакавший человек. — Видишь, какая напасть случилась с сыном моим! Я намеревался было привести его к старцу, но побоялся, потому что он даже не хочет видеть нас. И теперь, если узнает,

что я здесь, то пошлет прогнать меня. Увидев, что вы собрались сюда, и я осмелился прийти. Авва! Окажи мне милость: введи дитя с собой в келью и помолись о нем».

Старец взял отрока, вошел с ним в келью и совершил дело с благоразумием. Он не подвел отрока прямо к отцу Пимену, но начал с младших старцев, подводя к каждому из них и прося оградить крестным знаменем. Когда все по порядку знаменовали его, тогда старец, подведя уже ко всем, после всех подвел и к авве Пимену. Авва не хотел допустить его к себе, но старцы начали просить, говоря: «Что сделали все, то сделай и ты». Тогда авва Пимен, вздохнув, встал и помолился, сказав: «Боже, исцели создание Твое, да не обладает им враг!» — и знаменал его крестным знаменем. Отрок немедленно исцелился и отдан был отцу здоровым.

Заговорил по-гречески

Поведал авва Иоани. Пришли мы однажды из Сирии к авве Пимену, желая спросить его о нечувствии сердца. Старец не знал по-гречески, а переводчика в то время не случилось. Видя нашу печаль, старец внезапно начал говорить на греческом языке: «Вода по свойству своему мягка, а камень тверд; но если

над камнем висит желоб, то вода, стекая по нему каплями на камень, мало-помалу пробивает камень. Так и Слово Божие мягко, а сердце наше жестко. Но если человек часто слышит Слово Божие, то сердце его отверзается к принятию в себя страха Божия».

Плач Богоматери

Сказывал авва Исаак. Однажды я сидел у аввы Пимена и увидел, что он пришел в исступление. Я поклонился ему до земли, прося сказать мне, где он был. Принужденный объявить тайну свою, он сказал: «Мой ум был при Кресте Спасителя в те минуты, когда при Кресте стояла Богоматерь Мария и плакала; мне бы хотелось так плакать всегда».

Еще о плаче

Брат спросил авву Пимена о том, какое делание должно иметь иноку. Авва отвечал: «Авраам когда пришел в обетованную землю, то купил себе гроб и с гроба начал вступать во владение обетованной землей». Брат спросил: «Какое значение имеет гроб?» Авва отвечал: «Это — место плача и рыдания».

Однажды авва Пимен шел с аввой Анувом в окрестностях города Диолка. Увидев там женщину,

терзающуюся и горько плачущую над могилой, они остановились послушать ее. Потом, несколько отойдя, встретили прохожего, и спросил его святой Пимен: «Что случилось с этой женщиной? Отчего она так горько плачет?» Прохожий отвечал: «У нее умерли муж, сын и брат». Тогда авва Пимен, обратившись к авве Ануву, сказал: «Говорю тебе: если человек не умертвит всех плотских пожеланий своих и не стяжает такого плача, то он не может быть монахом. Все житие монаха — плач».

Брат согрешающий

Сказал авва Пимен. Писание говорит: *яже виде-ста очи твои, глаголи* (Притч. 25, 8), — а я говорю вам: если и руками вашими осязаете что-то, то и о том не свидетельствуйте. В подтверждение этому авва привел следующий случай. Некоторый брат был обманут таким образом: он увидел ближнего своего грешащим с женой. Долгое время он боролся со своим помыслом. Наконец, побежденный, подошел к ним и толкнул их ногой, говоря: «Перестаньте!» Тогда оказалось, что это были два пшеничные снопа, лежавшие один на другом.

Спросили некоторые из отцов авву Пимена: «Если мы увидим брата согрешающего, должны ли сказать

ему об этом?» Старец отвечал им: «Что касается до меня, то если встретится мне нужда идти мимо и увижу его грешащим, — пройду мимо, ничего не говоря ему». Пришли некоторые старцы к авве Пимену и сказали ему: «Если мы увидим брата, дремлющим в церкви, то велишь ли разбудить его, чтобы он не дремал на бдении?» Он сказал им: «Что касается до меня, то я, если увижу брата моего дремлющим, положу голову его на колени мои и упокою его».

Об искушениях

Брат спросил авву Пимена об искушении от помыслов. Он сказал: «Находящегося в этом положении можно уподобить человеку, имеющему огонь по левую сторону себя и сосуд с водой по правую. Когда он возгорится огнем, то берет воды из сосуда и погашает огонь. Огонь — семя врага, а вода — повергает себя пред Богом».

«Для падшего сделай вдвое»

Брат сказал авве Пимену: «Если я увижу брата, о котором я слышал, что он находится в падении, то неохотно принимаю его в келью свою, а брата, имеющего доброе имя, принимаю с радостью».

Старец отвечал ему: «Если ты делаешь добро брату доброму, то для падшего сделай вдвое, потому что он немоществует. В некотором общежитии жил отшельник, по имени Тимофей. Настоятель общежития, узнав, что один из братии подвергся искушению, спросил совета у Тимофея, что делать с падшим братом. Отшельник посоветовал выгнать его из обители. Когда выгнали брата, его брань (страстное возмущение, действовавшее в нем) перешла к Тимофею, и он пришел в опасное положение. Тимофей понял причину явления брани и начал с плачем взывать к Богу: "Согрешил я: прости мне!" И был к нему глас: "Тимофей, знай, что Я попустил тебе искушение именно за то, что ты презрел брата во время искушения его"».

Милость к падшим

В некотором общежитии один из братии подвергся греховному искушению. Жил в тех местах отшельник, не выходивший из кельи много лет. Отец общежития пришел к старцу и поведал ему о брате, подвергшемся искушению. Старец повелел изгнать его из обители. Брат, выйдя из общежития, зашел в некоторую пещеру и там предался плачу. Случилось проходить тут братьям, шедшим к отцу Пимену. Они услышали плач брата и, войдя в пещеру, нашли его в

великой скорби. Они упрашивали его, чтобы он шел с ними вместе к отцу Пимену; но он не захотел, а сказал: «Оставьте меня, пусть умру здесь».

Братья, придя к отцу Пимену, сказали ему об этом. Авва упросил их сходить к брату и сказать ему: «Авва Пимен зовет тебя». Брат пришел к нему. Увидев его очень печальным, старец встал, заключил его в свои объятия, обошелся с ним очень приветливо и упросил его вкусить с ним пищи. Между тем авва Пимен послал одного из живших при нем братьев к отшельнику со следующим приглашением: «С давних лет желаю видеть тебя, слыша о тебе; но по общей лениности нашей мы доселе не виделись друг с другом. Ныне, по устроению воли Божией и по встретившейся нужде прийти тебе сюда, приходи и увидимся».

Этот отец никогда не выходил из кельи своей. Услышав такое приглашение, он сказал сам себе: «Если бы Бог не возвестил старцу, то он не послал бы за мной». Он встал и пришел к авве Пимену. Они радостно приветствовали друг друга и сели. Пимен сказал старцу: «На некотором месте жили два человека, и оба имели по мертвецу. Один из них оставил своего мертвеца и пошел плакать над мертвецом другого». Эти слова привели старца в умиление; он вспомнил о поступке своем, а авва Пимен сказал ему: «Высокий, высокий! Ты на небе, а я на земле».

Сучок и бревно

Брат сказал авве Пимену: «Смущаюсь и хочу оставить место жительства моего». Старец спросил его: «По какой причине?» Брат отвечал: «Потому что доходят до меня слух о некотором брате, наносящий вред душе моей». Старец сказал: «Слух, дошедший до тебя, несправедлив». Брат сказал: «Отец! Будь уверен, что справедлив, потому что брат, передавший мне его, верен». Старец сказал: «Он не верен! Если бы был верен, то не передавал бы злого слуха». Брат отвечал: «И я собственными глазами моими видел соблазн».

Услышав это, старец посмотрел на землю и, подняв с нее небольшой сучок, спросил: «Это что?» Брат сказал: «Это сучок». Потом посмотрел старец на потолок хижины и, указав на поперечное бревно, на котором держался потолок, спросил: «А это что?» Брат отвечал: «Это бревно». Старец сказал ему: «Положи в сердце твоём, что твои грехи подобны бревну, а грехи брата твоего подобны этому малому сучку».

О чем беседуют старцы

Некоторый брат из тех мест, где имел жительство отец Пимен, пошел однажды на чужую сторону. Там он посетил некоторого отшельника, которого очень

любили и к которому приходили многие. Брат рассказал ему об отце Пимене. Старец, услышав об образе жизни его, пожелал видеть его. Когда брат возвратился в Египет, спустя несколько времени отшельник поднялся со своей стороны и пришел в Египет к брату, который был у него, потому что этот брат сказал ему о своем месте жительства. Брат, увидев его, очень обрадовался неожиданному пришествию его. Отшельник сказал брату: «Окажи любовь, отведи меня к отцу Пимену».

Брат взял его с собой и пошел с ним к старцу, которого предупредил о посетителе, сказав: «Это великий муж, очень любимый и очень почитаемый в стране своей. Я сказал ему о тебе, и он пришел, желая видеть тебя». Старец принял его с радостью, и по взаимном приветствии они сели. Посетитель начал говорить из Писания о предметах духовных и небесных. Но авва Пимен отворотил от него лицо свое и не отвечал ему. Тот, увидев, что старец не говорит с ним, огорчился и, выйдя из кельи, сказал приведшему его брату: «Напрасно совершил я такой дальний путь! Я пришел к старцу, а он не хочет и говорить со мной».

Брат вошел к отцу Пимену и сказал ему: «Авва! Ради тебя пришел этот великий муж, пользующийся такой славой в своем месте: почему же ты не говоришь с ним?»

Старец отвечал ему: «Он из высоких и говорит о небесном, а я из нижних и говорю о земном. Если бы он начал говорить со мной о душевных недугах, то я отвечал бы ему; но он говорит о духовном, а я этого не знаю». Брат пошел к странному отцу и сказал ему: «Старец не любит говорить из Писания, но кто говорит с ним о страстях, тому он отвечает».

Посетитель пришел в умиление, возвратился к старцу и сказал ему: «Авва! Что делать мне? Меня побеждают плотские вожделения». Старец, обратившись к нему с радостным лицом, сказал: «Ныне благословенно твое пришествие! Отверзи уста твои об этих предметах и исполнись благ». Отшельник, получив великое назидание, говорил: «Точно! Это истинный путь». Он возвратился в страну свою, благодаря Бога за то, что сподобился видеться с таким святым.

Помышления

Авва Исаия спросил авву Пимена о блудных помыслах, и сказал ему авва Пимен: «Если сундук, наполненный платьем, будет оставлен и платье в нем не будет пересматриваемо, то оно в течение года истлеет. Тоже бывает и с помышлениями. Если внушаемого ими мы не будем исполнять на деле, то и сами помышления в течение года истлеют и исчезнут».

Царский путь

Авва Иосиф спросил его: «Как должно поститься?» Отец Пимен сказал: «Я предпочитаю употребляющего пищу ежедневно, но несколько не досыта».

Опять спросил его авва Иосиф: «Когда ты был молод, то не употреблял ли пищу чрез день?»

Старец отвечал: «Употреблял однажды в три дня, и в четыре, и в неделю; но старцы, как сильные, испытали все это и, признав полезнейшим ежедневное употребление пищи, но не досыта, передали нам царский путь, как удобнейший».

О самоукоренни

Брат спросил авву Пимена: «Что делать мне со смущением, объемлющим меня?» Старец отвечал: «При лодках употребляется бечева с лямкой. Когда не случится попутного ветра, тогда лодочники употребляют бечеву и, надев лямки на груди свои, тянут лодку, пока Бог не пошлет попутного ветра. Если же видят, что подымается буря, тогда, выйдя из лодки на берег, вбивают в него кол, к которому привязывают лодку, чтобы она не опрокинулась».

Кол означает самоукоренение (осуждение, обвинение себя)».

«Быть ниже идолов»

Поведал один из старцев. Сисой Великий сказал мне: «Монах мнением о себе должен быть ниже идолов». Я возвратился в кижину мою и, не поняв, чтобы значило — быть ниже идолов, по прошествии года опять пришел к старцу и сказал ему: «Что значит быть ниже идолов?» Старец сказал мне: «Писание говорит об идолах, что *есть у них уста, но не говорят; есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат* (Пс. 134, 16–17): таким должен быть и инок. Идолы суть мерзость, и монах да думает о себе, что он мерзость».

Мертвый встал

Некоторый мирянин шел с сыном своим к авве Сисою в гору аввы Антония. На пути сын умер. Отец не смутился, но с верой отнес его к авве и припал к ногам его вместе с сыном, как бы кланяясь ему, чтобы получить благословение. Потом отец встал и, оставив отрока при ногах аввы, вышел из кельи. Старец, полагая, что отрок продолжает поклонение, и не зная, что он умер, сказал ему: «Встань и поди отсюда». Отрок немедленно встал и вышел вон. Отец, увидев его, удивился; войдя в келью, он поклонился авве до земли и сказал ему о случившемся. Старец, услышав это,

опечалился, потому что не хотел совершать знамений, а ученик его запретил мирянину рассказывать кому-либо о совершившемся чуде до смерти старца.

О спасении в миру

Авва Силуан однажды в присутствии бывших у него братьев пришел в исступление и пал ниц на лицо свое. После продолжительного времени он встал и предался плачу. Братья начали успокаивать его: «Что с тобой, отец?» Но он молчал и плакал. Они упрашивали его дать им ответ, и он сказал: «Я был восхищен на суд и видел, что многие из нашего иноческого чина шли в муку, а многие из мирян шли в Царство Небесное». И плакая старец, не хотел выходить из кельи своей, хотя и упрашивали его выйти. Когда же он выходил, то покрывал куколем лицо свое, говоря: «Зачем мне смотреть на этот временный свет, в котором нет ничего полезного для меня».

Пустое смиреннословие

Некоторый брат пришел к авве Серапиону. Старец предложил ему по принятому между монахами обычаю сотворить молитву, но брат отказался, называя себя грешным, недостойным и самого

монашеского образа. Старец хотел умыть ему ноги, но он не допустил, отказавшись теми же словами. Авва предложил ему разделить с собой трапезу. Когда они вкушали пищу, старец начал с любовью говорить ему: «Сын мой! Претерпевай пребывание в келье твоей и внимай себе и деланию твоему, потому что хождение с места на место не принесет тебе такой пользы, какую принесет безмолвие».

Брат, услышав это, огорчился и так изменился в лице своем, что огорчение его не могло укрыться от старца. Тогда авва Серапион сказал ему: «До сего времени ты называл себя грешником и говорил о себе, что ты недостойн жизни, а только что я с любовью сказал о полезном для тебя, как ты и разгневался! Если хочешь стяжать истинное смирение, то приучайся мужественно претерпевать наносимые оскорбления от других, а пустым смиреннословием не облекайся». Брат, выслушав это, просил у старца прощения, сознавая в ошибочности своего поведения, и пошел от него, получив большую пользу.

Преуспеяние из гордыни

Некоторый брат пришел в Хермейскую гору к авве Феодору, старцу великому по жизни и добродетелям, и сказал ему: «Отец! Что мне делать? Душа

моя погибает». Старец на это: «Почему так, сын мой?» Брат отвечал: «Когда я проводил жизнь мирянина, — много постился и упражнялся в бдениях, имел обильные слезы и умиление, ощущал в себе ревность. Ныне же, когда отрекся от мира и сделался иноком, не вижу в себе ни одной добродетели».

Старец сказал ему: «Поверь мне, сын, то, в чем ты преуспевал в мирской жизни, преуспевал по причине гордыни и похвалы человеческой; они споспешествовали тебе, тонко действуя в тебе. Делание твое неприятно было Богу, и диавол пренебрегал тобой, не воздвигая против тебя браней и не препятствуя такому преуспеянию твоему; ныне же, видя, что ты вышел на войну против него, он вооружился против тебя. Но Богу угоднее один псалом, ныне произносимый тобой со смирением, нежели тысяча псалмов, которые ты произносил, находясь в мирской жизни; также приятнее ему нынешний незначительный пост твой всенедельного поста, которым ты постился, находясь в мирском житии».

Брат сказал на это: «Отец! Ныне я вовсе не пощусь, — все добродетели взяты от меня!» Старец: «Брат, довольно тебе того, что имеешь: терпи с благодарением, и будет тебе благо». Но брат настаивал на своем. «Точно, — говорил он, — погибла душа моя». Тогда старец сказал: «Брат! Опасаясь, чтобы не ослабить

твое смиренномудрие, я не хотел говорить тебе того, что вижу себя вынужденным высказать, по причине состояния уныния, в которое ты приведен дьяволом. Выслушай внимательно слова мои. Мнение твоё, что ты имел добродетели, пребывая в мирской жизни, принадлежит к отраслям гордости. Так и фарисей погубил все свои добрые дела. Теперь же, когда ты думаешь, что решительно не имеешь ни одного доброго дела, — этой одной смиренной мысли уже достаточно для твоего спасения. Так был оправдан и мытарь, не сделавший ни одного доброго дела. Грешный или ленивый человек, сокрушенный и смиренный сердцем, угоднее Богу человека, делающего много добрых дел и зараженного по причине их самомнением».

Брат, услышав это, ощутил в душе своей утешение и разрешение недоумения своего. Он поклонился старцу до земли и сказал: «Ныне, при посредстве твоём, спасена душа моя».

Вкус пищи

В царствование императора Феодосия жил близ Константинополя некоторый монах в маленькой келье вне города, недалеко от ворот, из которых императоры обыкновенно выезжали за город для прогулки. Феодосий, услышав, что тут живет монах-

затворник, никуда не выходящий из кельи, при прогулке направился к этому месту. Последовавшим за ним придворным он приказал не приближаться к келье монаха, — подъехал к ней один и постучался в дверь. Встал монах, отворил ему дверь, но не узнал, что это был император, потому что император, чтобы не быть узнаваемым, снял с себя царский венец. После обычной молитвы оба они сели, и спросил император монаха: «Как живут святые отцы в Египте?» Монах отвечал: «Все молят Бога о спасении вашем».

Между тем император внимательно осматривал келью. В ней он не увидел ничего, кроме немногих сухих хлебов в корзинке, которая висела на веревке, прикрепленной к потолку. Император сказал: «Авва! На благословение предложи мне пищу».

Монах вложил поспешно в сосуд соли и сухарей, влил воды, и они вместе употребили эту пищу; затем монах подал чашу воды императору, который и выпил ее. Тогда Феодосий сказал: «Знаешь ли, кто я?» Монах отвечал: «Не знаю, кто ты, господин». Император: «Я Феодосий — император, пришел к тебе попросить молитв твоих». Монах, услышав это, пал ему в ноги. Император продолжал: «Блаженны вы, монахи, свободные от мирских забот! Вы наслаждаетесь спокойной и безмолвной жизнью; попечение ваше только о спасении душ ваших, о достижении жизни

вечной, о получения наград небесных. Будь уверен в справедливости слов моих: я рожден от царя и царствую; но никогда не вкусил пищи с такой приятностью, как теперь».

Нерадивый монах

Некоторый игумен имел в управлении своем десять монахов. Один из этих монахов был очень нерадив, он нисколько не заботился о своем спасении: ел безвременно, пил без воздержания, языка отнюдь не обуздывал. Старец часто увещевал, умолял его: «Брат! Имея попечение о душе твоей, потому что ты умрешь, и если будешь жить так нерадиво, то пойдешь в вечную муку».

Брат постоянно оказывал непослушание старцу и не внимал словам его. Из среды такой жизни он восхищен смертью. Игумен очень печалился о нем, зная, что он жил в великой лености и небрежении. Подвигнутый скорбью об участи брата, игумен начал молиться о нем Богу: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, открой мне о душе брата!» Так молился он долго. Однажды, стоя на молитве, пришел он в исступление и увидел огненную реку, а в ней множество человек, опаляемых огнем и испускающих стоны, а посреди них и своего монаха, который стоял в пламени по шею.

Игумен сказал ученику: «О брат и сын мой! Не умолял ли я тебя позаботиться о душе твоей именно по той причине, чтобы ты не подвергся мучению?» Брат отвечал: «Возношу хвалы Богу за то, что по молитвам твоим голова моя, по крайней мере, имеет отраду».

Дело милосердия

Был некоторый игумен, отец общежительного монастыря, святой по жизни, украшенный всеми добродетелями, милостивый к нищим. Он молился Богу: «Господи! Знаю, что я грешен, но, надеясь на Твою благость, уповаю спастись ею. Умоляю эту благость Твою, Владыко, не разлучи меня с духовной семьей моей и в будущий век, но сподоби чад моих со мной вечной жизни!» Часто повторял святой эту молитву. На эту молитву Господь даровал решение следующим образом. В другом монастыре, находившемся не в дальнем расстоянии от их монастыря, был праздник. Приглашен был на праздник игумен с монахами его. Он не хотел было идти, но пошел, услышав во сне глас, сказавший ему: «Поди на праздник; только пошли учеников твоих вперед себя, а сам иди один сзади их». Когда настало время, монахи его пошли на обед. Дорогой они увидели посреди ее лежащего нищего, расслабленного и в ранах. Они

спросили о болезни его; он со слезами отвечал им: «Я был болен, а здесь напал на меня зверь; изломав меня, он ушел, и некому взять меня и отнести в село».

Они сказали: «Мы пеши, ничего не можем сделать тебе, потому что с нами нет осла». Сказав это, они оставили его и ушли. По прошествии короткого времени пришел игумен, увидел нищего, который лежал и стонал. Узнав о причине такого положения его, он спросил: «Не проходили ли здесь монахи незадолго предо мной и не видели ли тебя?» Нищий отвечал: «И стояли надо мной, и расспросили о случившемся со мной, и ушли, сказав: мы пеши, — ничего не можем сделать тебе». Игумен сказал: «Если возможно тебе, то пойдем вместе потихоньку». Нищий отвечал: «Не могу идти». Игумен сказал: «В таком случае я возьму тебя на плечи мои и с Божией помощью донесу до селения».

Нищий начал отговаривать его: «Отец! Как тебе одному нести меня? Путь далекий, но поди туда и пошли за мной». Игумен отвечал: «Жив Господь Бог мой! Не оставляю тебя!» С этими словами он взвалил нищего на плечи и понес. Сперва он чувствовал тяжесть ноши по обыкновенному весу человека; потом тяжесть уменьшилась, а потом и еще уменьшилась, почти сделалась нечувствительной. Игумен недоумевал, что делается, как вдруг тот, кого он нес, сделался невидим. И последовал глас к игумену: «Ты постоянно

молишься об учениках твоих, чтобы они сподобились жизни вечной, но дела у тебя одни, а у них — другие. Если хочешь, чтобы прошение твое было исполнено, убеди их поступать так, как поступаешь ты. Я — Судия праведный, воздаю каждому по делам его».

Бедны — не всегда признак мудрости

К некоторому старцу обратился юный инок, очень ревностный по жительству, с целью преуспевания своего и исцеления. С простотой исповедал он старцу, что его беспокоят плотское вожделение и дух любодения; он надеялся найти в молитвах старца утверждение подвигу своему и врачевание от полученных язв. Старец начал упрекать его самыми жестокими словами, объявляя ему, что он, допустив себе искушение таким порочным вожделением, сделался недостойным имени монаха, а достойным всякого презрения; вместо утешения он нанес ему столь тяжкую язву упреками, что монах вышел из кельи старца в величайшем унынии, в смертельной печали, в отчаянии. Угнетенный тоской, углубленный в помышления уже не об уврачевании страсти, но об удовлетворении ее, он шел; внезапно встречает его авва Аполлос, опытнейший между старцами. По чертам

лица и отчаянному виду юноша угадал о внутреннем смущении и тяжком унынии, которыми втайне волновалось сердце, авва Аполлос спросил о причине такого состояния. Несмотря на то что вопрос был предложен в самых мягких выражениях, юный монах не мог произнести ни одного слова в ответ старцу. Поняв еще яснее, что не без важного основания юноша прикрывает молчанием горькую печаль, которая, несмотря на молчанье уст, живо изображалась на лице, авва начал настоятельнее убеждать его, чтобы он открыл причину своего душевного расстройства. Вынужденный убеждениями монах исповедал, что идет в мирские селения, как неспособный, по определению такого-то старца, к монашеской жизни; не имея возможности обуздать похотений плоти подвигом и не находя врачеваний против действий ее, он решился, оставив монастырь, возвратиться в мир и жениться. Святой Аполлос постарался смягчить его самым милостивым словом, уверяя, что и его самого ежедневно беспокоят нечистые помышления и ощущения; тем естественнее подвергаться им человеку юному.

По этой причине никак не должно предаваться отчаянию, не должно удивляться, как бы чему необычайному, усиленному действию брани, в которой получается победа не столько подвигом, сколько милостью и благодатью Господа. Старец упроявил

молодого монаха, чтобы он возвратился в келью и потерпел хоть один день, а сам поспешно пошел в обитель упомянутого старца. Когда он приблизился к этой обители, то распростер руки горе и произнес следующую молитву, сопровождая ее слезами: «Господи! Ты — един полновластный Владыка над тайными силами и немощами человека! Един Ты Врач благой, врачующий непостижимо! Обрати брань этого юноши на этого старца, чтобы он научился, хотя в старости, снисходить немощи подвижающихся и соболезновать удобопреклонности юных к страстям».

Когда он, вздыхая, окончил молитву, — видит мрачного эфиопа, стоящего против кельи старца и направляющего против него огненные стрелы. Уязвленный ими, старец выскочил из кельи, начал бегать туда и сюда, как сумасшедший или пьяный, то входил в келью, то выходил, уже не мог оставаться в ней спокойно и, наконец, возмущенный, пошел тем же путем, на который направил молодого монаха. Авва Аполлос, увидев, что старец пришел в положение безумного и беснующегося, поняв, что стрелы дивола, направленные в него, вошли в его сердце, произвели в нем помрачение ума и невыносимое страстное возмущение в чувствах, подошел к нему и сказал: «Куда ты так спешишь? Что заставляет тебя забыть степенность, столько приличествующую

старцу, и так быстро бежать в беспокойстве, подобно мальчику?»

Старец, объятый стыдом, не мог дать никакого ответа вопрошившему: его обличала совесть, его обличал наружный вид, данный ему порочным возмущением; он понял, что страстное вожделение его сердца угадано, что тайны его открыты ани. «Возвратись, — продолжал тогда святой Аполлос, — в келью твою и пойми, что до сего времени диавол или не знал тебя, или презирал. Ты не удостоился сопричислиться тем, которые своим преуспеянием и тщливостью возбуждают диавола ежедневно бороться и сражаться с ними. После стольких лет, проведенных в молитве, одной стрелы врага, направленной в тебя, ты не мог отразить. Что говорю — отразить? Ты не мог претерпеть в течение одного дня. Господь попустил тебе подвергнуться этому искушению для того, чтобы ты, по крайней мере, в старости твоей, из собственного опыта научился сострадать немощам ближних и снисходить удобопреклонности юных к страстям. Ты, приняв новоначального монаха, угнетенного нападением диавола, не только не утешил, но даже испроверг в погибельное отчаяние. Ты предал его в челюсти врага на бедственное съедение.

Диавол, без сомнения, не сделал бы на юношу такого жестокого нападения, какого он до сих пор не

наносил тебе, пренебрегая тобой, если бы не заметил в душе юноши благого залога, если бы не позавидовал преуспеянию, которое ожидает юношу на поприще монашества. Он поспешил предупредить и превратить это преуспеяние огненными стрелами своими! Очевидно, что он признавал сильным того, на кого рассудил направить сильную брань! Научись собственным опытом сострадать подвизающимся, не низвергать искушаемых в погибель отчаяния, не приводить их в смущение жестокими словами... Никто не мог бы ни избегнуть козней врага, ни погасить или даже воздержать естественного плотского вожделения, подобного огню пылающему, если бы благодать Божия не помогала немощи нашей, не покрывала и не защищала нас.

Теперь окончилось это спасительное смотрение о нас, которым Бог благоволил освободить юношу от пагубного разожжения, а тебя научить состраданию ближним и тому, сколь сильны могут быть вражеские искушения. Умолим же Бога общими молитвами, чтобы Он повелел удерживать бич, который благоволил употребить для душевной пользы твоей, и чтобы угасил росой Святого Духа Своего огненные стрелы дьявола, которым попустил уязвить тебя по моему ходатайству...» По молитве аввы Аполлоса Господь отъял искушение с той же скоростью, с которой попустил его.

О терпении

Ученик некоторого святого старца был борим духом любодеяния, но при помощи благодати Божией мужественно противостоял скверным и нечистым помышлениям сердца своего, очень прилежа посту, молитве и рукоделию. Блаженный старец, видя усиленный подвиг его, сказал ему: «Если хочешь, сын, я помолюсь Господу, чтобы Он отъял у тебя брань».

Ученик отвечал: «Отец! Хотя я и тружусь, но вижу и чувствую в себе благой плод: по причине этой брани я пощусь более и более упражняюсь в бдениях и молитвах. Но прошу тебя, моли милосердного Господа, чтобы дал мне силу выдерживать брань и подвизаться законно». Тогда святой старец сказал ему: «Теперь я узнал, что ты верно понял, что этой невидимой бранью с духами при посредстве терпения совершается вечное спасение души твоей».

Пять венцов

Поведали братья, что они шли однажды в селение, будучи посланы своим аввой, и на старшего из них нападали бес до пяти раз, чтобы ввергнуть его в грех блуда. Брат подвизался против помысла в течение нескольких часов, отражая его молитвой. Они

возвратились к отцу своему. Лицо искушенного брата было смущено; он пал в ноги отцу своему, говоря: «Помолись обо мне, отец, я впал в блуд», — и рассказал отцу, как он боролся с помыслами. Старец был прозорлив, он увидел на главе брата пять венцов, и сказал ему: «Ободришь! Когда ты пришел ко мне, то я увидел на тебе венцы, ты не был побежден, — напротив, ты побеждал, не исполнив на деле того, что предлагал помысл».

МОЛИТВЫ СЯТЫХ

Некоторого брата беспокоил дух любодеяния. Он пошел к весьма опытному старцу и просил его, говоря: «Блаженнейший отец! Прими на себя труд, помолись за меня; очень стужает мне страсть любодеяния».

Старец согласился и начал прилежно денно-нощно молить о нем милосердного Господа. По времени опять пришел к нему брат и снова просил молитвы, более усиленной. Опять старец молился о нем, молился еще усерднее. И в третий раз пришел монах к нему с той же просьбой; потом начал приходить часто, повторяя просьбу.

Старец, видя это, очень опечалился и удивился, почему Господь не внимает молитве его. На следующую ночь Господь открыл ему, что монах этот обьят

недугом нерадения, что он по причине расслабленного произволения своего услаждается плотскими вожделениями сердца. Душевное состояние монаха было показано святому старцу таким образом: увидел он, что монах этот сидит, а дух любодеяния играет перед ним, принимая различные женские образы, созерцанием которых монах услаждается. Увидел он и то, что Ангел Господень присутствовал тут и приходил в величайшее негодование на монаха за то, что этот не вставал, не повергался в молитву пред Богом, но более и более услаждался помышлениями и мечтаниями греховными.

Таково было откровение, дарованное святому старцу. Он понял, что молитвы его не услышаны по вине и нерадению просившего молитв монаха. Когда монах снова пришел, старец сказал ему: «Брат! В действии страсти любодеяния ты виноват, потому что услаждаешься скверными помышлениями. Невозможно отступить от тебя нечистому духу любодеяния по молитве других, молящихся Богу о тебе, если ты сам не возложишь на себя подвигов, постов, молитв, многих бдений, молясь с плачем, чтобы Господь наш Иисус Христос излил на тебя милосердие Свое, послал тебе в помощь благодать Свою, при содействии которой возможно будет тебе противиться греховным помыслам. И врач, составляющие лекарства для тел человеческих и

употребляющие их против болезней, хотя бы сделали все зависящее от них с величайшим тщанием, но несколько не преуспеют, несмотря на свою тщательность и заботы, если больной не захочет воздержаться от вредных яств и от всего, что противодействует врачеванию. То же совершается и при врачевании недугов души. Хотя бы святые отцы — эти врачи духовные — со всем тщанием, со всем усердием умоляли милосердного Гос-пода, Спасителя нашего, за тех, которые просят помочь им молитвами, но молитвы святых не принесут им никакой пользы, если они сами будут пребывать в нерадении и расслаблении, несколько не помышляя о спасении души».

Брат, услышав это, умилился и, по наставлению старца, начал удручать себя постами, молитвами и бдениями, чем привлек к себе милость Божию: дух нечистой страсти отступил от него.

Исцеление от лени

Некоторый пресвитер из Келлий, имевший дар прозорливости, однажды, идя в церковь для совершения Божественной службы, увидел вне кельи, в которой жил некоторый брат, множество демонов, принявших вид женщин и другие разные соблазнительные образы (виды). Они говорили непотребности, насмехались,

ликовали. Старец, вздохнув, сказал сам себе: «Этот брат предался лени, и потому лукавые духи окружили его и имеют его игралищем своим».

Совершив Божественную литургию, на обратном пути он зашел к брату в его келью и говорит ему: «Брат! Я имею скорбь, но верую Богу моему, что Он избавит меня от скорби, если ты сотворишь молитву обо мне». От этих слов брат пришел в умиление и сказал старцу: «Отец! Я не достоин молиться о тебе».

Но старец начал упрашивать его: «Не уйду от тебя, доколе ты не дашь мне слова творить по одной молитве за меня каждую ночь». Брат обещал исполнить требование старца. Так поступил старец, желая ввести его в начало богоугодного жительства и преподать ему совершение молитв при наступлении каждой ночи. В первую же ночь брат встал, чтобы сотворить молитву о старце. По окончании ее он умирлился и сказал сам себе: «О окаянная душа! О старце ты сотворила молитву, а о себе почему не молишь Бога?» — и немедленно сотворил и за себя одну молитву. Таким образом он провел всю неделю, творя одну молитву за себя, а другую за старца. В воскресный день старец, идя опять в церковь, опять увидел демонов, стоящих вне кельи брата скучными. Старец понял, что молитва брата привела в скорбь бесов; он вошел к брату и упросил его присовокупить к первой

молитве за него и вторую на каждую ночь. Брат сотворил две молитвы о старце и опять, смирившись, сказал сам себе: «О окаянная душа! Приложи и за себя другую молитву».

Так провел он всю неделю, совершая по четыре молитвы каждую ночь. Опять пришел старец и увидел бесов унылыми и молчащими. Возблагодарив Бога, он вошел к брату и сказал ему, чтобы он приложил еще одну молитву за него. Брат, приложив молитву за старца, приложил и за себя и совершал всякую ночь по шесть молитв. И опять пришел старец к брату. Тогда бесы разгневались на старца за спасение брата, а старец, прославив Бога, вошел к брату и научил его не лениться, но непрестанно молиться Богу. После этого старец возвратился к себе, а демоны, видя, что брат непрестанно молится и подвизается, отступили от него, будучи прогнаны Божией благодатью.

Мудрый ученик

Поведали нам святые старцы следующее. Некоторый монах, живший в пустыне Скита, пришел посетить святых отцов, живших в месте, называемом Келлин, где множество монахов жило в отдельных кельях. Так как в то время не случилось кельи, в которой бы он мог побыть, один из старцев, имея другую

келью незанятую, предоставил ее скитянину, говоря: «Успокойся на время в этой келье, пока не найдется, где бы тебе побыть». К скитянину начали ходить многие из братии, желая слышать от него слово о спасении вечном, потому что он имел духовную благодать преподавать Слово Божие. Увидел это старец, предоставивший ему келью, и уязвился завистью; он начал негодовать и говорить: «Столько времени я живу в этом месте, а ко мне не приходят братья, разве очень редко, и то в праздничные дни; к этому же лыстецу почти ежедневно приходит множество братьев».

Затем он отдал такое приказание ученику своему: «Подя, скажи ему, чтобы он вышел из кельи, потому что она мне нужна». Ученик, придя к скитянину, сказал ему: «Отец мой послал меня к твоей святыне. Передай ему через меня о себе: он слышал, что ты болен». Тот поблагодарил, говоря: «Моли Бога о мне, отец мой: я очень страдаю желудком». Ученик, возвратившись к старцу, сказал: «Очень просит твою святыню, чтобы ты потерпел его два дня, в которые он мог бы прискаты к тебе келью».

По прошествии трех дней старец опять послал ученика к скитянину, говоря: «Подя, скажи ему, чтобы он вышел из моей кельи; если он и еще будет отсрочивать выход свой, я приду сам и железом моим выгоню его из кельи моей». Ученик пошел к скитянину и сказал ему: «Отец мой очень озабочился,

услышав о твоей болезни. Он послал меня узнать, чувствуешь ли себя лучше?» Тот отвечал: «Благодарю, владыко святой, любовь твою! Ты так озаботился о мне! За молитвы твои чувствую себя лучше». Ученик, возвратившись, сказал старцу своему: «И теперь просит твою святыню, чтобы ты подождал до воскресного дня; тогда он немедленно выйдет».

Наступил воскресный день, скитянин спокойно оставался в келье. Старец, воспламененный завистью и гневом, схватил жезл, пошел, чтобы побоями выгнать скитянина из кельи. Видя это, ученик подошел к старцу и говорит ему: «Если повелишь, отец, я пойду вперед тебя и посмотрю: может быть, пришли к нему для посещения некоторые братья, которые, смотря на тебя, могут соблазниться». Получив дозволение, ученик пошел вперед и, войдя к скитянину, сказал ему: «Вот, отец мой идет, чтобы посетить тебя. Поспеши выйти ему навстречу и поблагодарить его, потому что он делает это по побуждению великой сердечной благодати и любви к тебе». Скитянин немедленно встал и в веселье духа пошел навстречу. Увидев старца, прежде нежели старец приблизился, пал перед ним на землю, воздавая поклонение и благодарение, говоря: «Да воздаст тебе Господь, возлюбленный отец, вечными благами за келью твою, которую ты мне предоставил ради имени Его! Да приготовит тебе Христос Господь в небесном Иерусалиме

между святыми Своими славную и светлую обитель!» Старец, услышав это, умилился сердцем и, кинув жезл, устремился в объятия скитянина; они дали друг другу целование о Господе, и пригласил старец гостя в свою келью, чтобы вместе вкусить пищу при благодарениях Бога. Наедине старец спросил ученика своего: «Скажи мне, сын, передавал ли ты брату те слова, которые я приказывал передать ему?» Тогда ученик открыл ему истину: «Скажу тебе, владыка, правду. По преданности моей, которой я обязан тебе, как отцу и владыке, я не осмелился сказать ему того, что ты приказывал, и ни одного из слов твоих не передал».

Старец, услышав это, пал к ногам ученика, говоря: «От сего дня ты — мой отец, а я — твой ученик, потому что Христос Господь избавил и мою душу, и душу брата от греховной сети при посредстве твоего благоразумия и действий, исполненных страха Божия и любви».

Записка

Некоторый брат жил в общежитии, в послушании, и был любим пятью братьями, а не любим одним братом. Вследствие нерасположения одного брата он вышел из того монастыря и перешел в другой. Здесь полюбили его восемь братьев, а два возненавидели.

Он вышел из этого монастыря, вступил в третий, в котором семь братьев были расположены к нему, а пять не расположены. Брат убежал и оттуда. Он пришел к некоторому монастырю и, прежде нежели войти в него, сел и так рассуждал сам с собой: «Если я буду повиноваться помыслу своему, то неостанет мест во вселенной для переходов монахов: потому отныне даю обещание терпеть».

Потом он вынул бумагу и написал на ней вопрос себе: «Ты вышел из нескольких монастырей, не терпя ропота и укорений; здесь будут делать тебе неприятностей больше, нежели в тех монастырях. Вспомни все поводы, побудившие тебя выходить: все эти поводы ты найдешь и здесь; будешь ли терпеть?»

В ответ он написал: «Во имя Иисуса Христа, Сына Божия, буду терпеть». Записку свил он в свиток, вложил в свой пояс и, помолвившись, вошел в монастырь. По прошествии короткого времени он услышал ропот братьев на себя. Он огорчился; тогда вынимал записку и прочитывал написанный в ней обет свой: «Во имя Иисуса Христа, Сына Божия, буду терпеть».

При этом он говорил себе: «Ты дал обещание Богу, прося же у Него помощи». Таким образом брат получал утешение. Невидимый враг, возмущенный терпением брата, внушил прочим монахам пытливую мысль узнать, что читает брат утешающее его. Они

начали говорить: «Пришелец-монах — волшебник, читает что-то и избавляется от смущения».

Наконец они пошли к игумену и сказали ему: «Мы не можем жить с этим братом: он колдун, носит в поясе обаяние; если хочешь иметь его в монастыре, то отпусти нас из монастыря». Игумен был муж духовный. Зная смирение брата, он понял, что сказанное ему было сказано по зависти, внушенной дьяволом, и потому отвечал монахам: «Пойдите, помолитесь, и я помолюсь, а по истечении трех дней дам ответ вам».

Однажды, когда брат спал, игумен тихо расстегнул пояс его и прочитал записку, потом положил ее на свое место и застегнул пояс. После трех дней монахи пришли к игумену и спросили его: «Скажи нам, как ты хочешь поступить с волхвом?» Игумен отвечал: «Позовите его». Когда он пришел, игумен сказал ему: «Зачем ты соблазняешь братию?» Брат отвечал: «Согрешил, простите меня и помолитесь за меня».

Игумен, обратившись к братии, спросил: «В чем приносили вы жалобу на него? Что он сделал?» Монахи отвечали: «Он волхв, у него в поясе колдовство». Игумен сказал брату: «Покажи твое колдовство». Брат отвечал: «Я согрешил, прости меня». Игумен сказал на это: «Возьмите у него колдовство его». Брат не давал расстегнуть пояса своего, но это сделали и

вынули записку. Записку отец отдал диакону и велел прочитать вслух всем, говоря: «Да постыдится диавол, учащий человека колдовству».

Когда же прочитано было написанное в записке: «Во имя Иисуса Христа, Сына Божия, терплю», — тогда постыжены были братья. Они поклонились игумену до земли, говоря: «Мы согрешили, прости нас».

Отец сказал им: «Что кланяетесь вы мне? Поклонитесь Богу и поклонитесь в ноги брату этому». А брату сказал: «Помолись за них, чтобы им прощен был грех». И помолился брат за братию Богу.

Терпение скорбей

Некоторый старец жил в монастыре вне Александрии. Старец этот был очень вспыльчив и малодушен. Юный монах, наслышавшись о нем, дал обет пред Богом: «Господи! За все злое, сделанное мной, я пойду и буду жить с этим старцем, терпя от него все и служа ему, как раб».

Так и поступил он: пошел к старцу и начал жить с ним. Старец поступал с ним как с псом, ежедневно издеваясь над ним. Бог призрел на терпение брата. После шести лет жизни его со старцем он увидел во сне некоего страшного с великим свитком в руке. Явившийся сказал ему, что половина написанного на

свитке изглажена, и сказал: «Вот, половину твоего долга изгладила Владыка! Позаботься и о прочем».

По соседству их жил другой старец, духовный, и слышал всегда, как малодушествует старец и оскорбляет брата, как брат кланяется ему в ноги, а старец не прощает. Встречая молодого монаха, духовный старец говаривал ему: «Что, чадо? Как прошло сегодня? Приобрели ли мы что? Изгладили ли что из свитка?» Брат, зная, что старец духовен, не скрывал от него тайн своих, но отвечал: «Да, отец, сегодня мы немного потрудились».

Когда же он проводил день спокойно, не будучи ни обруган, ни оплеван, ни бит, ни изгнан, то приходил к духовному старцу вечером, плача и говоря: «Увы, авва! Нынешний день был несчастлив: ничего не приобрели мы, провели день спокойно».

По прошествии других шести лет брат скончался. И поведал духовный старец, что он видел брата предстоящим Богу в лике мучеников, с великим дерзновением молящегося Богу о старце своем, говорящего в молитве: «Господи! Как Ты помиловал меня при посредстве его, так помилуй и его по благодати Твоей и ради меня, раба Твоего».

По истечении сорока дней брат взял к себе и старца в место упокоения. Вот какое дерзновение имеют к Богу терпящие скорби ради Него.

Несовершенный монах

Монах встретился на пути с монахинями. Увидев их, он свернул с дороги в сторону. Тогда игуменья сказала ему: «Если бы ты был совершенный монах, то, увидев нас, не увидел бы в нас женщин».

Полагать душу за брата

Два брата, монахи, пришли в соседний город, чтобы там продать работу свою целого года, и остановились в гостинице. По продаже рукоделия один пошел закупить нужное для них, а другой остался в гостинице и по наущению дьявола впал в любодеяние. Уходящий брат, возвратившись, сказал оставшемуся: «Вот! Мы запаслись всем нужным, — возвратимся в келью». Другой брат отвечал: «Я не могу возвратиться».

Когда же брат начал спрашивать его, чтобы он возвратился, говоря: «Почему тебе не возвратиться в келью?» — этот исповедал ему грех свой. «Я, — сказал он, — когда ты ушел от меня, впал в любодеяние и потому не хочу возвратиться». Брат, желая приобрести и спасти душу брата, сказал ему с клятвой: «И я, отлучившись от тебя, подобным образом впал в любодеяние; однако воротимся в келью и вдадимся в покаяние. Богу все возможно: возможно Ему даровать

нам прощение за покаяние наше и избавить муки в огне вечном, казней во аде и тартаре, где нет места покаянию, где огонь неугасающий и жестокие пытки находятся в непрестанном действии».

Они возвратились в келью свою. Потом пошли к святым отцам, пали к стопам их, стелая и вздыхая, проливая обильные слезы, исповедали им падение, которому подверглись. Святые старцы наставили их на делание покаяния и дали заповеди, которые они исполнили тщательно. Несогрешивший брат приносил покаяние, как будто сам согрешил, за согрешившего, по великой любви, которую имел к нему. Господь призрел на подвиг любви, открыл святым отцам тайну и что за любовь того, кто не согрешил, а подверг себя труду покаяния для спасения брата, даровано прощение и согрешившему. В этом событии исполнились слова Писания: *мы должны полагать души свои за братьев* (1 Ин. 3, 16).

Расцветший жезл

В некотором общежительном монастыре был монах, уже старый и самой благочестивой жизни. Сокрушенный тяжким невыносимым недугом, он провел долгое время в великих страданиях. Братья не могли придумать, чем помочь ему в болезни его, потому что тех средств, которые требовались для его

врачевания, не было в монастыре. Услышала некоторая раба Божия о затруднительном положении болящего и начала просить отца киновии (общежительного монастыря), чтобы позволил ей взять болящего в свою келью, находившуюся в городе. Она намеревалась ухаживать за ним, а более желала сделать это по той причине, что в городе удобнее было получать нужное для него по болезни. Отец приказал братьям отнести болящего в келью рабы Божией.

С великим уважением она приняла старца, начала служить ему ради имени Господня и для стяжания награды в вечности, которую она веровала получить от Христа, Спасителя нашего. По прошествии трех лет и более служения ее неблагомыслящие люди, сообразно собственному нравственному расстройству, начали выражать подозрение о чистоте отношений старца к служившей ему деве.

Услышал это старец и молил Господа Иисуса Христа так: «Ты, Господь Бог наш, един ведающий все, видишь множество болезней недуга моего и нищеты моей и милостиво зриаешь на горестное положение, в которое привела меня немощь моя, угнетающая меня столь долгое время и столь сокрушившая меня, что сделалось мне необходимым служение этой рабы Твоей, служащей мне ради имени Твоего. Воздай ей, Господь и Бог мой, достойную награду в вечной жизни, как Ты благоволил обетовать эту награду по

благости Твоей тем, которые ради имени Твоего будут служить нищим и немощным».

Когда приблизился день кончины его, сошлись к нему очень многие святые отцы и братья монастыря, и он сказал им: «Прошу вас, владыки, отцы и братья, по кончине моей возьмите жезл мой и воткните его в насыпь могилы моей. Если он пустит корни и даст плод, то знайте, что совесть моя чиста в отношении к рабе Божией, служившей мне. Если же жезл не оживет, знайте, что я осквернился падением». Человек Божий скончался. Тогда, по завещанию его, отцы воткнули жезл на могиле его, и жезл ожил, пустил листья, а в свое время принес и плод. Все удивились и прославили Бога.

Опрокинувшийся кувшин

Некоторый монах обитал в пустыне. Была у него знакомая в мирском быту, даже родственница, — женщина молодая. После многих лет она узнала о местопребывании монаха и, научаемая дьяволом, пошла в пустыню отыскивать его. Найдя его, она вошла в келью его и, представив ему, что она родственница, осталась у него. Он пал с ней в грех. В той же пустыне жил другой монах. С этим случилось следующее: когда приходило время трапезы, кувшин с водой, который готовился для питья, опрокидывался сам

собой и вся вода выливалась на землю. Это повторялось несколько дней. Он рассудил сходить к вышеупомянутому первому монаху и сказать ему о том, что делается с кувшином и водой. На пути, когда смерклось, он вошел на ночлег в древний разрушенный идольский храм и слышит, демоны говорят между собой. «В эту ночь, — говорили они, — мы повергли такого-то монаха в любодеяние».

Слыша это, он удивлялся. Когда рассвело, он достиг кельи монаха, нашел его погруженным в глубокую печаль и сказал ему: «Брат! Как быть мне? Когда лишь захочу вкусить пицци, кувшин, который употребляю для воды, опрокидывается и вода проливается».

Первый монах отвечал: «Ты пришел ко мне спросить о кувшине, который опрокидывается, и о воде, которая проливается, а я спрашиваю тебя, что делать мне, — в эту ночь я впал в любодеяние».

Отвечал второй монах: «И я это узнал». — «Откуда ты мог узнать?» — «Войдя дорогой на ночлег в идольский храм, я слышал, что демоны говорили о твоём падении и хвастались им; это очень опечалило меня».

Первый монах сказал: «Я ухожу отсюда и иду в мир».

Второй начал упрашивать его, говоря: «Не делай этого, возлюбленный брат! Напротив, перенеси терпеливо искушение, останься в этом месте. Женщину

вышлем: пусть идет в свое место. Очевидно, что искушение устроилось злохитростью лукавого диавола. Тем более нужно, чтобы ты пребыл здесь до конца жизни, подвизаясь душой и телом, умоляя при содействии внутреннего сердечного плача и слез благость Господа и Спасителя нашего, чтобы обрести тебе милосердие в страшный день великого суда Божия».

СИЛА СЛОВ

Брат спросил старца: «Авва! Что мне делать? Мне всегда стужают помыслы любодееяния и не дают успокоиться ни на один час; от этого очень скорбит душа моя».

Старец отвечал: «Наблюдай за собой, чадо! Когда бесы всевают страстные помышления в ум твой, ты не принимай их и не беседуй с ними. Обычно бесам непрестанно приходиться к нам и неупустительно стараться в чем-либо уловить нас; но они не имеют возможности принудить нас насильственно: в твоей власти принимать или не принимать их». Брат сказал на это старцу: «Что мне делать, авва! Я немощен, похоть одолевает меня». Старец: «Внимай себе, чадо, и познавай пришествие демонов.

Когда они начинают лишь говорить с тобой, не отвечай им, но, встав, пади лицом на землю и молись

так: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помоги мне и помилуй меня».

Брат сказал ему: «Авва! Я принуждаю себя, но пребываю в нечувствии, и нет умиления в сердце моем; я не ощущаю силы слов». Старец отвечал: «Ты только говори слова эти, и Бог поможет тебе; как сказал авва Пимен и многие другие отцы, как обаятель, когда производит обаяние, не знает силы произносимых им слов, но змея, когда слышит эти слова, сила слов на нее действует, она повинуется и усмиряется; так и мы хотя не знаем силы того, что произносим, но бесы, слыша произносимое нами, отходят со страхом».

Собственный вес

Брат был борим блудом и пошел к старцу, прося его, чтобы он помолился Богу об освобождении его от брани. Старец сжалился о брате и молился о нем Богу в продолжение семи дней.

Когда на восьмой день брат, по данному ему приказанию, пришел к старцу, то старец спросил его: «Брат! Как твоя брань?» Он отвечал: «Отец! Мне несколько не сделалось легче». Старец, услышав это, удивился и опять ночью начал молиться о брате. Тогда предстал ему диявол и сказал: «Поверь мне, старец, — в первый день, когда ты стал молиться Богу за

него, я тотчас отступил от него, но он имеет собственного беса и собственную брань от гортани и чрева своего; уже в этом я не виноват! Он сам себе причиняет брань тем, что ест, пьет и спит без меры, сколько хочет; по этой причине брань беспокоит его».

«Познай немощь твою»

Некоторый брат рассказывал нам. Некогда случилось, что меня смущали помыслы вожделения жены так, что я не знал, что делать от напора их и от почных мечтаний. Когда я был уже близок к тому, чтобы оставить пустыню и возвратиться в мир, пришел мне помысл идти во внутреннюю пустыню для посещения старцев. Я немедленно пошел и в продолжение двадцати дней посещал святых отцов, состарившихся в пощении, между которыми нашел величайшего и искуснейшего по рассуждению и подвигам святого авву Памву; ему осмелился я исповедать брань мою.

Старец сказал мне: «Не удивляйся случившемуся с тобой; ты страдаешь это не от расслабления, но от подвига, что доказывается тем, что живешь в месте скудном жизненными потребностями и лишенном общения со многими человеками. Блудная брань бывает троякая: во-первых, она восстает на нас, когда тело пользуется здоровьем; во-вторых, от прежде бывших дел и помышлений; в-третьих, от зависти

бесов и от других причин. Ты видишь меня, как я стар; семьдесят лет живу в келье этой в попечениях о спасении моем. В таковой старости я поныне претерпеваю искушения и напасти».

И говорил он мне, уверяя в справедливости слов своих клятвой: «Поверь мне, чадо, что в продолжение двенадцати лет не оставлял меня блудный бес ни днем ни ночью, непрестанно нападая скверными помышлениями и мечтаниями, и говорил я сам в себе: Бог отступил от меня, и потому побеждаюсь страстями.

Я решился лучше умереть, нежели оскверниться плотской страстью; пошел в пустыню с намерением предать себя на съедение зверям и, найдя там логово медведя, вошел в логово и, раздевшись донага, повергся на землю с тем, чтобы звери, когда придут, съели меня. К вечеру пришли звери, обнюхали меня с ног до головы, и в то время как я думал, что они съедят меня, они пошли от меня, ничем не повредив меня. Уразумев, что Бог помиловал меня, я возвратился в свою келью.

По прошествии короткого времени опять начал меня беспокоить бес блудный, так что я от великой скорби и печали впал в хулу. Враг же, увидев меня в смущении, претворился в некоторую девицу эфиопку, которую я видел некогда на жатве собиравшей колосья, и, придя ко мне, сел на колени мои и так помирал меня, что мне показалось, что я совокупился

с ней. Очень опечалившись, в ярости, ударил я ее по щеке, и тотчас она исчезла; от удара этого я не мог в продолжение двух лет поднести руки моей к устам по причине лютого срада.

В то время как я предавался крайнему малодушию и терял благонадежие, опять пошел в пустыню и, найдя малую змею, взял ее и приложил к тайным моим членам, чтобы она уязвила и я умер. Я приставил к ним главу змеи, но она не тронула их. И вот слышу голос, говорящий мне: "Памва, иди в келью твою и теперь будь спокоен; Я предоставил тебе искуиться с той целью, чтобы ты не высокоумствовал о себе и не мнил, что можно сделать что-либо доброе без помощи Божией; познай немощь твою и не уповай на подвиг твой, но прибегай к помощи Божией". Удовлетворившись таким образом, я возвратился в келью, и с того времени не беспокоила меня брань; я пребывал в мире, возлагая на Бога печаль мою».

Оканчєннє крага

Некоторый брат имел брань любодеяния; встав, он пошел к некоторому старцу и сказал ему о своих помыслах. Старец сделал ему наставление и, утешив, отпустил с миром. Брат, почувствовав пользу, возвратился в свою келью, — но опять брань пришла к

нему. Он сходил опять к старцу и таким образом поступал несколько раз. Старец не оскорбил его, но говорил на пользу ему, наставляя его не только не вдаваться в расслабление, но, напротив, приходить к нему каждый раз, когда враг начнет стужать, для обличения врага. «Таким образом, — сказал старец, — враг, будучи обличаем, отступит от тебя: ничто так не противно духу любодения, как когда открывают дело его, и ничто не приносит ему такой радости, как когда скрываем приносимые им помыслы».

О гневе и смирении

Были два монаха, родные братья по плоти и братья по духу. Против них кознодействовал лукавый диавол с целью разлучить их друг от друга каким бы то ни было образом. Однажды к вечеру, по обычаю их, младший брат засветил лампаду и поставил ее на подсвечник. По злонамеренному действию демона упал подсвечник, и лампада погасла.

Лукавый диавол устраивал этим повод к ссоре между ними: старший брат вскочил и в ярости начал бить младшего. Этот упал ему в ноги и уговаривал своего родного брата так: «Успокойся, владыка мой, я снова засвечу лампаду». По той причине, что он не отвечал гневными словами, лукавый дух, будучи

посрамлен, тотчас отступил от них. В ту же ночь дух этот отправился к князю демонов и известил его, что «он ничего не мог сделать этим монахам по причине смирения того монаха, который поклонился в ноги брату и просил у него прощения. Бог, видя смирение его, излил на него благодать Свою, и я чувствую, что жестоко мучусь и терзаюсь, не успев разлучить их друга от друга».

Все эти слова слышал жрец идольский, пребывавший в том месте. Страх Господень и любовь к Иисусу Христу объяли его. Он понял, что поклонение идолам есть великое обольщение и погибель для душ, оставил все, поспешно пришел в монастырь к святым отцам и пересказал им, что злобные демоны говорили между собой.

Наставленный учением святых отцов вере в Господа Спасителя, он принял святое крещение, а потом и монашество; при помощи и содействии благодати Божией сделался искуснейшим монахом: столько преуспел в кротости и смирении, что все удивлялись его величайшему смирению. Он говорил, что смиренное настроенное души уничтожает всю силу противников наших диаволов. Сам Господь наш Иисус Христос при посредстве смирения восторжествовал над диаволом и сокрушил силу его. К этому присовокупляя, что он часто слышал демонов,

разговаривающих между собой. Между прочим они говорили: «Когда мы возбуждаем сердца человеческие к гневу, тогда, если кто из человек выдержит терпеливо злословие и бесчестие и обратится к средствам, доставляющим мир, говоря: я согрешил, — тотчас чувствуем уничтожение всей нашей силы, и поступающих так осеняет благодать Божественного всемогущества».

Блаженны миротворцы

Два брата были во вражде между собой. Во время гонения на христиан их схватили по причине святой веры и, подвергнув многим мучениям, посадили в тюрьму. Один из них сказал другому: «Брат! Нам должно примириться и не гневаться одному на другого, потому что завтра мы должны умереть и пойдем предстать Господу». Но другой брат отказался от примирения.

На другой день их вывели из тюрьмы, чтобы отсечь им головы. Брату, желавшему примирения, была прежде отрублена голова: он в вере отошел ко Господу. Другой же, не хотевший примириться, отрекся от Христа. Мучитель сказал ему: «Почему ты не отвергся вчера, прежде пытки, чтобы избежать ран, а отвергся сегодня?» Он отвечал: «Я преступил

заповедь Господа моего: не примирился с братом моим. За это Бог оставил меня и отъял от меня помощь Свою. Лишенный ее, я отрекся от Христа».

О многословии

Между святыми старцами был муж великий, которому Христос даровал такую благодать, что он, по действию Святого Духа, видел то, чего другие не видят. Он рассказывал, что однажды сидели многие братья, разговаривая между собой. Когда разговор шел душеспасительный и приводимы были для наиздания изречения из Священного Писания, тогда стояли между братьями святые Ангелы; на лицах их сияла радостная улыбка, они с удовольствием внимали беседе о Господе. Когда же разговор переходил к предметам суетным, Ангелы огорчались и тотчас уходили далеко от беседующих, в среде которых появлялись нечистейшие кабаны, покрытые струпьями, и вращались кругом их. Это были демоны: они принимали вид кабанов и увеселялись пустословием и многословием монахов.

Увидев это, блаженный старец ушел в свою келью и в продолжение всей ночи плакал и рыдал: стенания и слезы изливались из сердца его о горестном недуге падения нашего. Он увещевал и наставлял отцов и

братию по монастырям, говоря: «Охраняйтесь, братья, от многословия и суетных бесед, от которых рождаются для души вред и погибель: мы не понимаем, что через такие беседы соделываемся ненавистными Богу и Ангелам Его. Говорит Писание: *При многословии не миновать греха* (Притч. 10, 19)! Многословие расслабляет душу и ум наш, вносит в них пустоту».

ОБЩАЯ ДУША

Несколько монахов, выйдя из хижин своих, собрались вместе и беседовали о благоверии, монашеском подвижничестве и о средствах Богоугодия. Из числа беседующих два старца увидели Ангелов, которые держали монахов за мантии их и похваляли беседовавших о вере Божией; старцы умолчали о видении. В другой раз монахи сошлись на том же месте и начали говорить о некотором брате, впадшем в согрешение. Тогда святые старцы увидели смердящего, нечистого кабана и, уразумев согрешение свое, открыли прочим о видении Ангелов и о видении кабана. При этом старцы рассуждали между собой, что каждый из нас должен соединиться духом воедино с ближним своим, — с его плотью, со всем человеком, во всем сострадать ему, во всем сорадоваться, все скорбное для ближнего оплакивать. Просто сказать, быть в

отношении к нему, как бы была у него с ближним его одна общая плоть, одна общая душа; скорбеть, когда случится с ним печаль, как о самом себе. И Писание свидетельствует, что мы едино тело о Христе; также оно говорит, что у множества уверовавших в Господа было одно сердце и одна душа (Деян. 4, 32).

Протухшее масло

Один из старцев заболел и в течение многих дней не мог употреблять никакой пищи. Ученик его убедительно просил его, чтобы он позволил приготовить для него немного киселя. Старец согласился. У них был сосуд с медом и другой подобный сосудец с маслом, выжатым из льняного семени; масло это уже протухло и не годилось ни для какого употребления, разве для лампы. Брат по ошибке положил в приготовленную им пищу масло, полагая, что кладет мед. Старец отведал, не сказал ничего, но молча стал есть. Когда была подана третья перемена, старец сказал ученику: «Сын! Я не могу более есть».

Этот, желая, чтобы он еще поел, сказал: «Авва! Кисель хорош, и я поем его». С этими словами он отведал, — и понял сделанную им ошибку. Он пал к ногам старца, говоря: «Увы мне, авва! Я убил тебя. Какой грех возложил ты на меня, ничего не сказав мне!»

Отвечал ему старец: «Не огорчайся! Если бы угодно было Богу, чтобы я вкусил хорошей пищи, то ты положил бы мед, а не того, что положил».

Вор

Некоторый брат приходил в келью великого старца и крал у него жизненные припасы. Старец видел это. Он не обличил брата, но занялся более рукоделием, говоря: «Думаю, этот брат нуждается». И нес старец тяжкую скорбь, терпя большой недостаток в хлебе. Когда старец кончался, братья окружили его. Он, увидев между ними брата, который постоянно крал у него хлеб, сказал ему: «Подойди ко мне, брат!» Брат исполнил это. Тогда старец схватил руки его, начал целовать их, говоря: «Благодарю эти руки! При посредстве их я надеюсь войти в Царство Небесное».

От этих слов брат умилился, принес покаяние, стал строгим монахом по примеру старца, действий которого он был очевидцем.

Разбитый кувшин

Некоторый брат, живя в общежительном монастыре и часто побеждаясь гневом, сказал сам себе: «Пойду в пустыню. Может быть, там, не имея с кем

ссориться, успокоюсь от страсти». Он вышел из монастыря и стал жить один в пустыне. Однажды он наполнил водой сосуд свой и поставил его на землю. Сосуд внезапно опрокинулся. Во второй раз случилось то же. В третий раз кувшин также опрокинулся. Монах, рассердившись, схватил кувшин и ударил о землю. Кувшин разбился. Возвратившись к себе, брат начал размышлять о случившемся и понял, что враг поругался над ним. Тогда он сказал: «Вот! Я — один; однако побежден страстью гнева. Возвращусь в монастырь; видно, везде нужны борьба с самим собой и терпение, в особенности же помощь Божия», — и встав, возвратился монах в обитель свою.

Не надейся на деньги

Брат просил старца: «Благослови мне иметь у себя две златницы по немощи тела моего». Старец, видя произволение его, что он желает удержать их у себя, сказал: «Имей».

Брат возвратился в келью. И начали тревожить его помышления: «Как ты думаешь? Благословил ли тебе старец иметь деньги, или нет?» Встав, пришел он опять к старцу и так спросил его: «Ради Бога, скажи мне истину, потому что помышления смущают меня по поводу двух златниц».

Старец отвечал: «Я видел твое произволение иметь их, почему и сказал тебе: имей их, — хотя и бесполезно иметь более, нежели сколько нужно для тела. Две златницы составляют надежду твою, как будто Бог не промышляет о нас. Но легко может случиться, что ты утратишь их: тогда погибнет и надежда твоя. Возложи надежду твою на Бога, потому что Он печется о человеках».

Накопленные деньги

Некоторый монах в Нитрии, более бережливый, нежели скупой, забыв, что за тридцать сребреников предан был Господь наш Иисус Христос, накопил сто златниц, занимаясь тканьем полотна. Монах умер, — златницы остались. Монахи собрались для совещания, что делать с деньгами; там жило около пяти тысяч монахов, каждый в отдельной келье. Одни присуждали раздать деньги нищим, другие — отдать в церковь, некоторые — передать родственникам. Но Макарий, Памво, Исидор и другие святые старцы, по действию обитавшего в них Святого Духа, определили: похоронить деньги вместе с господином их и при этом сказать почившему: *серебро твое да будет в погибель с тобою* (Деян. 8, 20). Это событие навело такой ужас и страх на всех монахов Египта, что с того

времени они признавали за тяжкий проступок иметь в запасе даже одну златницу. Действие могло показаться жестоким, но деятели были лишь орудиями Святого Духа.

Братъ или давать?

Некоторый монах имел брата-мирянина — бедняка — и все, что вырабатывал, отдавал брату; но этот беднел тем более, чем более подавал ему монах. Видя это, монах пошел к некоторому старцу и рассказал ему о происходящем. Старец отвечал: «Если хочешь послушать меня, — более ничего не давай ему, но скажи: брат! когда у меня было, я давал тебе, теперь ты трудись, и что заработаешь, отдавай мне. Все, что он ни принесет тебе, принимай от него и передавай какому-либо страннику или нуждающемуся старцу, прося, чтобы они помолились о нем».

Монах поступил по этому наставлению: когда пришел к нему брат-мирянин, он сделал так, как заповедано было ему старцем, и мирянин ушел от него печальный. Но вот по прошествии некоторого времени приходит и приносит из сада немного овощей. Монах, приняв их, отдал старцам, прося их, чтобы молились за брата его. Когда они приняли это приношение, мирянин возвратился в дом свой. Несколько спустя опять принес он овощей и три хлеба; монах, приняв

их, поступил, как и в первый раз, а мирянин, получив благословение, ушел. В третий раз он принес уже много съестного припасу, и вина, и рыбы. Монах, увидев это, удивился и, созвав нищих, угостил их трапезой. При этом сказал он мирянину: «Не имеешь ли нужды в нескольких хлебах?»

Тот отвечал: «Нет, владыка! Прежде, когда я брал у тебя что-либо, — оно входило как огонь в дом мой и пожирало его; ныне же, когда не принимаю от тебя ничего, имею все с избытком, и Бог благословил меня». Монах пошел к старцу и пересказал ему все случившееся. Старец сказал ему: «Разве ты не знаешь, что имущество монаха — огонь? Куда оно входит, там пожигает все. Брату твоему полезно от труда своего творить милостыню, чтобы за него молились святые мужи. Таким образом он наследует благословение и умножится имущество его».

Нужны ли монахам деньги?

Пришел однажды в Скит неизвестный важный человек. Он принес с собой много золота и просил настоятеля пустыни раздать золото братьям. Пресвитер отвечал: «Братья не нуждаются в этом». Но так как принесший был очень важная особа и убедительно просил об исполнении его желания, то пресвитер предложил ему поставить ящик с златницами при

входе в церковь, а братьям сказал: кому нужно, пусть возьмет денег из ящика.

Никто из братии не прикоснулся к златницам, даже никто не взглянул на них. Старец сказал вельможе: «Бог принял твоё приношение: подя, раздай златницы нищим».

Еще о деньгах

Некто принес старцу денег, говоря: «Вот тебе на твои потребности: ты состарился и болен», — был он покрыт проказой. Старец отвечал: «Ты пришел отнять у меня Питателя моего, питающего меня уже в течение шестидесяти лет? Столько провел я времени в недуге моем и не нуждался ни в чем, потому что Бог доставлял мне все нужное и питал меня». И старец не согласился взять деньги.

Милостыня

Прибыли однажды некоторые греки в египетский город Острацин с намерением подать милостыню. Они пригласили к себе экономов церкви для указания им лиц, наиболее нуждающихся. Экономы привели их к прокаженному. Греки стали давать ему милостыню, но он не хотел принять, говоря: «Вот! Я имею

немного пальмовых ветвей, из которых плету веревки, и этим питаюсь». Потом повели их к келье вдовы, у которой были дочери. Когда они постучали в двери, подошла к дверям одна из дочерей; она была в рубище, едва покрывавшем наготу. Матери не было дома, она вышла куда-то по требованию ремесла своего; занималась она печением хлебов. Греки стали давать дочери одежду и деньги, но она не хотела принять, говоря, что мать приходила и говорила ей: «Будь покойна: я, по благоволению Божию, нашла работу на этот день, от которой будем иметь пропитание».

Когда пришла мать, греки просили ее, чтобы она приняла милостыню; но она не захотела принять, и сказала: «Мой промыслитель — Бог, а вы сегодня хотите отнять Его у меня!» Греки, видя такую веру, прославили Бога.

Послушание и мертвых воскрешает

Два родных брата по плоти вступили в монастырь. Один из них был великий подвижник, другой имел великое послушание. Когда авва приказывал ему: «Сделай это», — он делал, и опять: «Сделай другое», — и он делал. По причине такого послушания своего он был похваляем братьями монастыря.

Подвижник заразился завистью к нему. «Искушу я ныне, — говорил он сам с собой, — брата моего, имеет ли он истинное послушание».

Придя к авве, он сказал ему: «Отпусти брата моего со мной, мне нужно сходить в такое-то место». Авва согласился. Путешествуя вместе, они пришли к реке, в которой было множество крокодилов. Подвижник, желая искусить брата, сказал: «Спустишься в реку и переправься через нее». Тот спустился, и пришли крокодилы, начали лизать тело его, а ему не сделали никакого вреда. Подвижник, увидев это, сказал брату: «Выйди из воды, пойдем далее».

Продолжая путь, они нашли мертвое тело, лежавшее на дороге. Подвижник сказал брату: «Если бы мы имели с собой что-нибудь из старого платья, то покрыли бы им мертвеца».

Младший брат отвечал: «Помолимся, может быть, Бог воскресит его». Когда они встали на молитву, воскрес мертвец, а подвижник похвалился: «Подвижничество мое было причиной воскресения мертвеца».

Бог открыл все это авве монастыря, как подвижник искушал брата крокодилами и как воскрес мертвец. Когда они возвратились в монастырь, авва сказал подвижнику: «Зачем ты поступил так с братом своим? Знай, что послушание его было причиной воскресения мертвеца».

Послушание хранит от греха

Некоторому старцу-пустыннику доставлял потребности житель селения. Однажды случилось, что поселянин замедлил несколько дней, и у старца оказался недостаток в необходимом: он не имел ни нужного для рукоделия, ни съестных припасов. Это опечалило его. Не имея ни работы, ни средств к пропитанию, он сказал ученику своему: «Сходишь ли в селение позвать поселянина, обыкновенно доставляющего нам все нужное?» Ученик отвечал: «Сделаю, отец, как повелишь».

После этого разговора они долго ждали и терпели недостаток, а служитель не приходил. Старец опять сказал ученику: «Не сходишь ли в селение и не приведешь ли поселянина?» Ученик отвечал: «Сделаю то, что велишь».

Так отвечал брат, потому что боялся идти в селение по причине соблазна; вместе с тем он обещался идти, чтобы оказать послушание отцу. Знал это и старец, но, стесняемый нуждой, сказал ученику: «Уповаю на Бога отцов наших, что Он покроет тебя от всякого искушения». По совершении молитвы он отпустил его. Брат пришел в селение, отыскал дом, в котором жил служивший им поселянин, постучал в двери. Случилось, что тогда никого не было в доме, кроме дочери поселянина. Она отворила дверь, и брат начал

расспрашивать ее об отце, почему он запоздал с приходом. Она пригласила монаха войти в дом, вместе с тем схватила его за руку и влекла насильно. Он противился, но она пересилила его и ввела за собой в дом. Монах, увидев, что его влекут ко греху и что помышления его склоняются к тому же, восстал из глубины сердца и возопил к Богу: «Господи! Ради молитв отца моего, пославшего меня, спаси меня в этот час!»

Лишь сказал он это, — оказался внезапно стоящим у реки близ монастыря своего и возвратился к отцу своему неоскверненным.

Послушание творит чудеса

Некоторый из святых старцев послал ученика своего почерпнуть воды. Колодец был очень далеко от кельи. Ученик, пойдя за водой, забыл взять с собой веревку, на которой спускался в колодец кувшин. Заметил он это, когда уже пришел к колодцу, и очень опечалился, потому что далеко было до их кельи. Не знал он, что ему делать, куда идти, а возвратиться в келью без воды не хотелось. Тогда, в великом огорчении, он встал на молитву и со слезами сказал: «Господи! Умилосердись надо мной по великой милости Твоей. Ты сотворил небо и землю, море и все, что в них, Ты един сотворил все чудное: умилосердись надо мной ради служителя Твоего, который послал меня».

Окончив молитву, он воскликнул: «Колодец! Колодец! Раб Христов, отец мой, послал меня почерпнуть воды». Немедленно вода поднялась вверх до устья колодца: брат наполнял кувшин свой водой и возвратился в келью, славословя всемогущего Бога, а вода в колодце опять спустилась на свой обычный уровень.

Самоствержение

Некоторый юноша имел намерение отречься от мира. Часто он решался на это; но помышления отвлекали его, опутывая разными житейскими заботами: он был богат. Однажды он вышел с решимостью отречься от мира. Демоны окружили его и подняли густую пыль перед лицом его. Видя это, он разделся, кинул свою одежду в сторону и, обнаженный, побежал в монастырь. Бог открыл об этом некоторому старцу, сказав: «Встань и прими вонна Моего».

Старец встал, встретил обнаженного. Узнав причину обнажения, он удивился и дал юноше монашеское одеяние. Когда к этому старцу приходили братья вопрошать о разных условиях монашеской жизни, старец давал им ответы; когда же они вопрошали об отречении от мира, тогда говорил им: «Об этом спрашивайте брата, потому что я не достиг степени самоствержения его».

О любви к ближнему

Один из старцев Скита послал ученика своего в Египет привести верблюда, чтобы отвезти в Египет сделанные им корзины. Когда ученик вел верблюда, другой старец, встретившись с ним, сказал: «Если бы я знал, брат, что ты идешь в Египет, то я попросил бы тебя привести и для меня другого верблюда».

Брат передал это своему старцу. Этот, движимый великой любовью, сказал ученику: «Поди, сын мой, отведи верблюда к нему и скажи: мы еще не готовы, исполни нужду твою. Ты же поди с этим верблюдом в Египет и снова приведи к нам его, чтобы отвезти и наши сосуды».

Брат поступил так, как было приказано ему, пошел к другому старцу и сказал ему: «Отец мой говорит: так как мы еще не готовы, возьми верблюда и исполни твою нужду».

Старец навьючил верблюда и пошел в Египет. Там, когда он снял с верблюда поклажу, брат взял верблюда, чтобы опять отвезти его в Скит. Отправляясь в путь, он сказал старцу: «Молись обо мне».

Старец спросил его, куда идет он. «Иду в Скит, — отвечал брат, — чтобы привезти сюда и наши корзины». Старец, услышав это, пришел в умиление, пожалел о случившемся и сказал со слезами: «Простите

меня, сладчайшие! Любовь ваша похитила плод у меня».

Другой старец, когда сделал свои корзины и уже перевязал их веревками для отправки, услышал, что сосед его говорил: «Что мне делать? Торговый день приблизился, а мне нечем связать корзины моих».

Старец немедленно развязал собственные корзины, а веревки принес к соседу, говоря: «Вот! Эти — лишние у меня. Возьми и перевяжи ими корзины твои».

По великой любви он сделал так, чтобы дело брата было окончено; его собственное дело осталось неконченным.

СВОЯ ВОЛЯ

Близ некоторого общежительного монастыря жил отшельник, совершавший многие добродетели. К нему пришли однажды некоторые монахи из общежития, почему он принужден был разделить с ними трапезу пораньше, не в обычный час свой.

По окончании трапезы братья сказали ему: «Ты несколько скорбишь, авва, что сегодня вкусил пищи не в обычный час твой?»

Он отвечал им: «Я прихожу в смущение тогда, когда поступаю по своей воле».

Половина греха

Были два брата: один из них был старец, другой — молодой. Старец предложил молодому жить вместе и просил его об этом. Молодой отвечал: «Я — грешен, мы не можем жить вместе». Старец сказал: «Можем», — и снова просил его о том же. Старец был самой чистой жизни и не хотел слышать, чтобы монах имел когда-либо помышление лукавое. Молодой сказал ему: «Дай подумать в течение этой недели, и потом опять поговорим».

Когда, по прошествии недели, старец пришел к нему, он, желая испытать старца, сказал: «Авва! На этой неделе я впал в великое искушение».

Старец спросил: «И хочешь покаяться?» Когда молодой выразил желание покаяния, старец сказал: «Половину этого греха я принимаю на себя». Тогда молодой сказал: «Теперь можем оба жить вместе». И они пребыли вместе до переселения своего в вечность.

Не столь важна память

Некоторый брат сказал старцу: «Авва! Вот я часто вопрошаю святых отцов, чтобы они сказали мне наставление для спасения души моей, и что ни скажут они мне, ничего не помню». У старца были два пустых кувшина; старец сказал брату: «Подя, возьми

один из этих сосудов, налей в него воды, вымой, воду вылей и сосуд кверху дном поставь на свое место».

Сделал это брат однажды и по повелению старца в другой и третий раз. Тогда старец сказал ему: «Принеси оба сосуда сюда». Когда брат принес, старец спросил его: «Который из двух сосудов чище?» Брат отвечал: «Тот, в который я наливал воду и который мыл». На это старец сказал: «Так и та душа, сын мой, которая часто слышит Слово Божие, хотя не удерживает в памяти ничего из слышанного, однако более очищается, нежели та, которая никогда не вопрошает и не слышит Слова Божия».

О долгах

Брат спросил старца: «Если брат должен мне немного денег, то согласишься ли мне попросить у него возвращения их?» Старец: «Скажи ему однажды со смирением». Брат: «Если я скажу ему однажды и он ничего не даст мне, тогда что мне делать?» Старец: «Более одного раза не проси». Брат: «И что же мне делать, когда я не могу победить помышлений моих, понуждающих беспокоить брата о возвращении денег?» Старец: «Предоставь помышлениям твоим стужать тебе, но никак не опечаль брата твоего, потому что ты — монах».

О благодати

Некоторый брат спросил старца: «Как ты думаешь, авва, святые мужи познают ли пришествие Божественной благодати, когда она осенит их?» Старец отвечал: «Не всегда. — Ученик некоторого великого старца погрешил в чем-то; прогневанный старец сказал ему громким голосом: поди, умри. — Тут же упал ученик и умер. На старца напал ужас; он с великим смирением начал умолять Бога: Господи Иисусе Христе! воскреси его, впредь я не произнесу безрассудно такого слова. — Когда он помолился, тотчас воскрес ученик его».

Обличение матери

Некоторый брат желал удалиться в пустыню, но родная мать его противилась этому. Он говорил матери: «Мать! Отпусти меня, потому что я хочу спасти душу мою». Мать, не имея возможности удержать его, отпустила. Он, придя в пустыню, сгубил в нерадении всю жизнь свою. Между тем мать его умерла. По прошествии некоторого времени и сам он заболел, пришел в самозабвение и, восхищенный на суд, нашел тут мать свою в числе судимых. Она, увидев его, удивилась и сказала: «Что это значит, сын? И ты пришел на это ме-

сто осужденных! Где же слова твои, которые ты повторял мне всегда: хочу спасти душу мою». Устыдился он, услышав это, — стоял, не имея, что отвечать. И вот раздался голос, повелевающий возвратить его, а взять другого брата из общежительного монастыря. Возвратившись в себя, он поведал присутствовавшим все, что видел и что слышал. В подтверждение слов своих он просил, чтобы кто-нибудь сходил в общежительный монастырь и посмотрел, скончался ли тот брат, о призыве которого он слышал. Посланный нашел, что так. Видевший видение, выздоровев, заключил себя в затвор, в котором пребывал невыходно, помышляя о спасении своем, принося покаяние и оплакивая свое прежнее поведение в состоянии небрежения. Умиление достигло в нем величайшего развятия. Многие уговаривали его несколько снизить себе, чтобы не подвергнуться какому-либо повреждению от непрестанного плача, но он не соглашался на это, говорил: «Если я не мог вынести обличения матери моей, то как вынесу обличение и муки в день суда, в присутствии Христа и Ангелов Его».

Покаяние блудницы

Некоторый брат, преимущественно преуспевший в смирении, проводил уединенную жизнь в Египте. У него была в городе сестра-блудница,

погубившая многие души. Старцы часто уговаривали этого брата и едва могли уговорить его, чтобы он сходил к сестре для отарашения ее увещаниями своими от разливаемой ею греховной пагубы. Когда он приближался к месту жительства ее, один из знакомых, увидев его, поспешил войти к ней прежде и известил ее о пришествии брата из пустыни. Услышав это, она, вне себя от радости, оставила любовников своих, которых в то время угощала, с открытой головой выбежала навстречу брату. Когда она увидела его и хотела заключить в свои объятия, он сказал ей: «Сестра моя любезнейшая! Пощади душу твою, потому что многие погибают через тебя. Рассуди, какие муки уготованы тебе, если не прибегнешь немедленно к покаянию».

Она содрогнулась, сказала ему: «А ты знаешь ли наверно, что еще есть для меня какая-нибудь надежда спасения?» Он отвечал: «Если бы ты только пожелала, то и доселе есть тебе надежда спасения». Она упала к ногам брата и просила его, чтобы он увел ее с собой в пустыню. «Поди, — сказал он, — покрой голову твою и следуй за мной». — «Пойдем скорее! — отвечала она. — Лучше мне пройти между толпой людей безобразной и с открытой головой, чем возвращаться в рабочий дом греха».

Во время пути брат поучал ее покаянию. Увидев идущих навстречу монахов, он сказал ей: «Сойди с

дороги на короткое время, пока монахи пройдут; не все же знают, что ты мне сестра». Она сделала это. Монахи прошли, и он позвал сестру свою. «Пойдем, — сказал он, — будем продолжать путь наш». Она не отвечала ему. Брат осторожно подошел к ней и нашел ее умершей, и оконечности ног ее были все в крови, потому что она была без обуви. Тогда, плача и рыдая, возвестил он старцам о случившемся. Они рассуждали между собой о спасении ее и были несогласны. Но Бог открыл одному из старцев, что покаяние блудницы принято, потому что она отвергла всякое попечение обо всем, принадлежащем миру сему, пренебрегла всем для исцеления язвы своей, тяжело вздыхала о грехах своих и оплакала их.

Разные деяния

Три благочестивых, внимающих своему спасению мужа приняли монашество. Один избрал в деяние себе примирять ссорящихся, другой — посещать больных, третий ушел на безмолвие в пустыню. Первый, заботясь прекращать распри между людьми, не мог примирить всех тех, которых примирял. Победенный унынием, он пришел к тому, который в свою добродетель избрал служение больным, но и того нашел также малодушествующим, признавшим, что исполнение принятой им добродетели превышает его

силы. Сговорившись между собой, они пошли повидаться с третьим товарищем своим, удалившимся в пустыню. Придя, они поведали ему о смущении своем и просили сказать, что ему доставлено пустынножителемством. Помолчав немного, он налил воды в лохань и сказал им: «Поглядитесь в воду». Она была возмущена.

По прошествии некоторого времени он опять сказал им: «Теперь поглядитесь в воду, потому что она устоялась». Взглянув в воду, они увидели в ней лица свои, как в зеркале. Тогда он сказал им: «Подобное этому совершается с человеком: когда он находится посреди людей, не может видеть грехов своих по причине возмущающего его непрестанного развлечения; когда же он удалится в уединение, особливо в уединение пустыни, тогда усматривает свои согрешения».

Забывая о еде

Однажды старец пришел к старцу. Хозяин сказал ученику своему: «Приготовь нам немного чечевицы и намочи сухарей». Ученик сделал это. Между тем старцы занялись духовной беседой и пребыли в ней до шестого часа (двенадцатого пополудни) следующего дня. Старец-хозяин опять сказал ученику: «Сын!

Приготовь нам немного чечевицы». Ученик отвечал: «Она приготовлена еще вчера». Старцы встали, вкусили пищи.

Попечение о пище

Некоторый старец долго жил в пустыне. Случилось, что пришел к нему брат, который нашел его больным. Брат умыл лицо старца, приготовил ему покусать из припасов, которые принес с собой. Старец, увидев это, сказал: «Поверь, брат! Я забыл о том, что люди имеют попечение о пище». Брат поднес ему и чашу вина. Старец, увидев это, заплакал и сказал: «Я думал, что умру, не пивши вина».

Тело женщины

Брат шел дорогой, имея при себе и мать свою, уже старицу. Они пришли к реке, старица не могла перейти через реку. Сын поднял мантию и обвил ею руку свою, чтобы как-нибудь не прикоснуться к телу матери, и таким образом перенес ее через реку. Мать, приметив это, спросила его: «Для чего ты обернул руку?» Он отвечал: «Тело женщины — огонь. От прикосновения к нему может прийти в душу мою воспоминание о других женщинах».

Кани канном

В одном из египетских общежитий был юноша грек, который не мог погасить пламени плотского вожделения никаким воздержанием, никаким усиленным подвигом. Когда было сказано об этом искушении отцу монастыря, он употребил для спасения юноши следующий способ. Старец приказал одному из братьев, мужу важному и суровому, чтобы он затеял с юношей ссору, осыпал его ругательствами и, по нанесении оскорблений, пришел жаловаться на него. Это было исполнено; были призваны свидетели, которые дали свидетельство в пользу мужа. Юноша, видя, что он оболган, начал плакать. Ежедневно он вздыхал, ежедневно проливал слезы; будучи преисполнен огорчения, он пребывал один; лишенный всякой помощи, он лежал у ног Иисуса. В таком положении он провел целый год. По прошествии года старец спросил юношу о помышлениях, которые прежде беспокоили его, не докучают ли они ему. Юноша отвечал: «Отец! Мне житья нет! До блуда ли мне?» Таким образом, искусством духовного отца юноша преодолел страсть любодеяния и спасся.

Искушение блудной страстью

Брат был борим любодеянием. Встав ночью, он пошел к старцу, исповедовал ему помышления свои.

Старец утешил его. Успокоившись этим утешением, брат возвратился в келью свою. И вот опять дух любодеея начал искушать его. Он снова пришел к старцу. Это повторялось часто. Старец не огорчил его, но говорил полезное душе его: «Не уступай диаволу и не расслабляйся душой. Напротив, каждый раз, как нападет на тебя демон, приходи ко мне: обличаемый, он отступит. Ничто столько не огорчает и не ослабляет демона любодеея, как исповедание приносимых им искусительных помышлений и мечтаний; напротив, ничто так не увеселяет его, как когда эти помышления скрываются и утаиваются». Ободренный старцем, брат приходил к нему одиннадцать раз, обличая помышления свои. Наконец брат сказал старцу: «Окажи любовь, авва: еще скажи мне слово назидания». Старец сказал: «Поверь мне, сын мой, если бы Бог попустил помышлениям, которые стужают мне, перейти к тебе, то ты не понес бы их, но непременно испровергся». Когда старец сказал это, искушение блудной страстью отступило от брата ради смирения старца.

Женщины и демоны

Сказывали о некотором старце, что он вступал в Скит, имея с собой сына-младенца, только что отнятого от груди. Воспитанный в монастыре сын не знал, что существуют женщины. Когда он возмужал,

демоны показывали ему ночью образ женщин. Он сказал это отцу, который удивился. Однажды он пошел с отцом в Египет и, увидя женщин, сказал отцу: «Авва! Вот те, которые приходили ко мне ночью в Скиту». Отец отвечал: «Это — мирские монахи: у них свой наружный вид, а у отшельников — свой». И дивился старец, каким образом в Скиту демоны могли показать образы женщин. Они поспешно возвратились в келью свою.

Завонне днавола

Некто пришел в Скит, чтобы быть монахом. При нем также был сын-младенец, лишь отнятый от груди. Когда сын достиг юношеского возраста, демоны начали нападать на него и беспокоить его. Он сказал отцу: «Пойду в мир, потому что не могу выдерживать плотского вожделения». Отец утешал его. По прошествии некоторого времени опять говорит юноша отцу: «Я не в силах выдерживать вожделения, отпусти меня; пойду в мир». Отец отвечал: «Еще однажды послушай меня. Возьми с собой сорок хлебов и пальмовых ветвей на сорок дней и пойдь во внутреннюю пустыню. Там пробудь сорок дней, и воля Божия да будет».

Послушавшись отца, юноша встал и ушел в пустыню; он остался там и проводил время в подвиге и

работе, плетя веревки из сухих пальмовых ветвей и питаюсь сухим хлебом.

Когда он пробыл там двадцать дней, увидел внезапно, что некоторое привидение дьявольское приближается к нему. Оно остановилось близ него в подобии женщины-эфиопки, неприятнейшей наружности и смердящей; не будучи в состоянии переносить смрада ее, он отталкивал ее от себя. Она сказала ему: «Я — та, которая представляется сладкой в сердцах человеческих, но по причине послушания твоего и подвига твоего Бог не дозволил мне обольстить тебя, явил тебе зловоние мое».

Он встал, посылая благодарение Богу, возвратился к отцу и сказал ему: «Уже не хочу идти в мир, я узнал действие дьявола и зловоние его». Открыто было и отцу обо всем этом. Он отвечал сыну: «Если бы ты пробыл все сорок дней во внутренней пустыне и вполне сохранил заповеданное мной, то увидел бы еще больше».

Братская любовь

В Фиванде были два брата. Один из них подвергся брани любодеяния и сказал другому: «Возвращаюсь в мир». Другой заплакал и сказал ему: «Не допущу тебя возвратиться в мир, потерять труд и девство твое».

Но первый не соглашался: «Не останусь здесь, — иду. Или иди со мной, и я возвращусь, или решительно оставь меня, и я останусь навсегда в миру». Вторым брат посоветовался об этом с некоторым великим старцем, который сказал ему: «Поди с ним, и ради труда твоего Бог не попустит ему низвергнуться в падение». Второй брат пошел в мир с первым.

Когда они пришли в некоторое селение, Бог за труд второго брата, который пошел с первым по любви и невольно, отъял вожделение от первого брата. Он сказал второму: «Возвратимся в пустыню. Вот, я представляю себе, что я уже согрешил с женщиной: какую же я получил из этого пользу?» Они возвратились в келью, не подвергшись душевному бедствию.

Воспоминание о смерти

Брат спросил старца: «Что делать мне? Убивают меня нечистые помышления».

Старец отвечал: «Женщина, когда хочет отнять от груди сына, помазывает сосцы чем-нибудь горьким. Младенец привлекается по обычаю к сосцам, но, почувствовав горечь, отирается от них. И ты примешай горечь в помышления твои». Брат спросил: «Что такое горечь, которую я должен примешивать?» Старец отвечал: «Воспоминание о смерти и о

тех муках, которые приготовлены для грешников в будущем веке».

Каялась по-разному

Два монаха, по причине воздействовавшего в них вожделения, оставили пустыню и женились. По прошествии некоторого времени они сказали друг другу: «Какую выгоду получили мы из того, что отвергли ангельский образ и поверглись в эту нечистоту, после которой должны наследовать огонь вечный и вечную муку? Возвратимся в пустыню и принесем покаяние в согрешении нашем».

Прядя в пустыню, они просили отцов, чтобы приняли исповедание их в проступке и покаяние. Отцы заключили их в затвор на годичное время и подавали каждому хлеб и воду мерой. По наружному виду оба монаха были подобны друг другу. Когда окончился срок покаяния, они вышли из затвора. Один был бледен и очень печален, другой — светел и весел. Отцы, увидев это, удивились, потому что оба брата получали пищу и питье равные. Они спросили того, который был изможден и печален: «Какими помышлениями ты занимался в затворе твоём?» Он отвечал: «Я представлял себе адские муки, которым я должен подвергнуться за сделанное мной зло, и от ужаса кости мои прилипали к плоти моей (Пс. 101, 6)».

Спросили они у другого: «Ты что помышлял в келье твоей?» Он отвечал: «Воссыдал благодарение Богу за то, что Он извлек меня из нечистоты мира сего и из мук будущего века, что воззвал меня в это ангельское жительство; непрестанно вспоминая о Боге моем, я веселился». И сказали отцы: «Пред Богом равно покаяние обоих».

Победа над монахам

Сказывал о себе один из фиваидских старцев, что он — сын идольского жреца. Быв дитятей, он саживал в храм и видел отца своего приносящим жертвы идолам. Однажды, после того как отец вышел из храма, сын вошел тайно в храм и увидел там сатану. Сатана сидел на троне; многочисленное воинство предстояло ему.

И вот приходит один из князей его, покланяется ему. Сатана спросил его: «Откуда ты?» Князь отвечал: «Я был в такой-то стране, возбудил там войну и большое смятение, произвел кровопролитие и пришел возвестить тебе». Сатана спросил: «Во сколько времени сделал ты это?» Он отвечал: «В тридцать дней». Сатана велел бить его бичами, сказав: «Только-то сделал ты в такое продолжительное время!»

И вот другой пришел и поклонился ему. Сатана спросил: «Откуда ты?» Демон отвечал: «Я был в море,

воздвиг бурю, потопил корабли, умертвил множество людей и пришел возвестить тебе». Сатана спросил: «Во сколько времени сделал ты это?» Он отвечал: «В двадцать дней». Сатана повелел и этого бить бичами, сказав: «Почему ты в столько дней сделал так мало?»

И третий пришел и поклонился ему. И этому он сказал: «Ты откуда?» Демон отвечал: «Я был в таком-то городе, там праздновалась свадьба. Я возбудил ссоры и произвел большое кровопролитие, сверх того, убил самого жениха и пришел возвестить тебе». Сатана спросил: «Во сколько дней ты сделал это?» Демон отвечал: «В десять». Сатана повелел и этого, как действовавшего не ревностно, бить бичами.

И еще один демон пришел поклониться ему. Сатана спросил: «Откуда?» Демон отвечал: «Из пустыни. Исполнилось сорок лет, как там борюсь с одним из монахов и едва одержал над ним победу: вверг его этой ночью в любодеяние». Сатана, услышав это, встал с трона, начал целовать демона, — сняв царский венец, который был на главе его, возложил на голову демона и посадил его возле себя на престоле, сказав: «Ты совершил великое и славное дело».

Увидев и услышав это, сын жреца сказал сам себе: «Чин монашеский, должно быть, имеет великое значение». Он принял христианство и вступил в монашество.

Вернувшийся голубь

Некоторый монах был борим вожделением. Случилось ему прийти в одно из сел Египта. Там он увидел дочь жреца идольского, полюбил ее и предложил отцу отдать ее за него в замужество.

Жрец отвечал: «Не могу отдать ее за тебя, не спросив бога моего, — и, придя к демону, которому он поклонялся, сказал ему: — Вот, некоторый монах пришел ко мне, хочет жениться на дочери моей: отдать ли ее за него?» Демон отвечал: «Спроси его, отречется ли от Бога своего, от крещения и от обетов монашества».

Жрец, придя к монаху, сказал ему: «Отрекись от Бога твоего, от крещения и от обетов монашества, — я выдам за тебя дочь мою». Монах согласился и немедленно увидал, что из уст его вышло подобие голубя и взлетело на небо. Жрец пошел к демону и сказал ему: «Вот, он обещал исполнять все три условия». Дьявол отвечал жрецу: «Не отдавай ему дочери твоей в жены, потому что Бог его не отступил еще от него, но и доселе помогает ему». Жрец, придя к брату, сказал ему: «Не могу отдать тебе дочери, потому что Бог твой доселе помогает тебе и не отступил от тебя».

Услышав это, брат сказал сам себе: «Я, несчастный, отрекся от Бога, от крещения и от обетов

монашества, а всеблагой Бог доселе помогает мне, окаянному! Если Бог оказывает мне такую милость, зачем же мне отступать от Него?»

Очувствовавшись и опомнившись, он пришел к некоторому великому старцу и поведал ему случившееся.

Старец сказал ему: «Останься со мной в пещере и пробудь в посте целые три недели, а я буду молиться Богу за тебя». И подвизался старец за брата, молясь Богу и говоря: «Господи! Умоляю Тебя, даруй мне эту душу и прими покаяние ее». И услышал Бог молитву старца.

Когда исполнилась первая неделя, старец пришел к брату и спросил его: «Видел ли ты что-нибудь?» Брат отвечал: «Да, я видел голубя, стоящим в высоте небесной над головой моей». Старец сказал ему: «Внимай себе и молись Богу тщательно». По прошествии второй недели старец опять пришел к брату и спросил его: «Видел ли ты что-либо?» Брат отвечал: «Видел, что голубь спустился даже до головы моей». Старец заповедал ему: «Трезвись и молись». Когда исполнилась третья неделя, старец опять пришел к брату и спросил: «Еще не видел ли ты чего?» Брат отвечал: «Видел, что голубь спустился и стал над головой моей; я протянул руку, чтобы удержать его, а он вспорхнул и вошел в уста мои».

Старец возблагодарил Бога и сказал брату: «Вот! Бог принял покаяние твое. Отселе внимай себе и тщательно заботься о спасении твоём». Брат отвечал: «Отселе я пребуду с тобой до смерти».

Чаша вина

В другой раз принесен был в Скит сосудец с вином от начатков с тем, чтобы братьям было подано каждому по одной чаше. Один из братьев, входя в трапезу и заметив, что подают вино, возвратился и побежал крытым ходом. Ход провалился. Прочие братья, услышав стук, побежали, чтобы увидеть случившееся: они нашли брата лежащим, едва дышащим и начали укорять его: «Поделом тебе за твое тщеславие!»

Но авва, утешая его, сказал: «Оставьте сына моего, он сделал доброе дело. Жив Господь! Во времена мои не будет возобновлен ход: пусть все знают, что в Скиту из-за чаши вина провалился крытый ход».

Огурец

Поведали об одном старце, что однажды ему захотелось огурца. Он взял огурец, повесил его перед глазами своими. Не попустив желанию победить себя и не прикоснувшись к огурцу, старец

укорял себя и приносил покаяние в самом пожелании.

Огонь вечный или огонь лампы

Был некоторый отшельник в нижнем Египте, пользовавшийся известностью, потому что он безмолвствовал наедине в келье в пустынном месте. По действию сатаны некоторая женщина развратного поведения, услышав об отшельнике, сказала юношам, знакомым своим: «Что дадите вы мне, если я низложу отшельника вашего?»

Они условились вознаградить ее щедро. Она вышла вечером; как бы сбившись с дороги, пришла к келье отшельника, постучала в дверь. Он вышел; увидев ее, смутился и спросил ее: «Каким образом пришла ты сюда?» Она, заплакав притворно, отвечала: «Сбилась с дороги и пришла сюда».

Умилосердившись над ней, он ввел ее в сени, которые были перед кельей, а сам вошел в келью и запер за собой дверь. Но окаянная начала кричать: «Авва! Здесь съедят меня звери!» Он опять смутился, но вместе боялся суда Божия за поступок жестокий и говорил сам себе: «Откуда пришла мне эта напасть?» Отворив дверь, он ввел ее в келью. Тогда

дьявол начал стрелами вожделения разжигать сердце его к ней. Поняв, что тут действует дьявол, отшельник сказал сам себе: «Путь врага — тьма, а Сын Божий — свет».

С этими словами он зажег лампаду. Чувствуя, что вожделение воспламеняется более и более, сказал: «Так как удовлетворяющие вожделениям пойдут в муку, — испытай себя, можешь ли выдержать огонь вечный». С этими словами он наставил один из пальцев руки на огонь лампы. Палец начал гореть, но он не чувствовал боли по причине необыкновенного воспламенения плотской страсти и до дневного расцвета сжег себе все пальцы руки. Окаянная, увидев, что делает отшельник, от ужаса как бы окаменела.

Рано утром пришли упомянутые юноши к отшельнику и спрашивали его: «Приходила ли сюда вечером поздно женщина?» Он отвечал: «Приходила. Вот она, спит там». Юноши, подойдя к ней, нашли ее мертвой и сказали: «Авва! Она умерла!» Тогда он, раскрыв малую мантию, в которой был, показал им свои руки, говоря: «Вот что сделала мне эта дочь дьявола: она сгубила все пальцы мои, — и, рассказав им все происходившее, присовокупил: — Но Писание говорит: не воздавай злом за зло». Помолившись, он воскресил умершую. Воскресшая покалась и провела благочестиво остаток жизни своей.

Понадеялся на деньги

Старцы рассказывали о некотором садовнике, что, обрабатывая сад свой, все выработанное раздавал он на милостыню, а у себя удерживал только необходимое для пропитания. Впоследствии сатана вложил в его сердце помысл: «Накопи себе сколько-нибудь денег, чтобы было тебе на нужды твои, когда составишься или подвергнешься болезни».

Он начал копить и накопил монетами глиняный сосуд. После этого случилось ему заболеть: начала гнить у него нога. Накопленные деньги он издержал на врачей, но врачи не могли оказать ему никакой помощи. Посетил его опытнейший врач и сказал ему: «Если не решишься отрезать ноги твоей, то она вся сгниет».

Вследствие этого назначен был день для отсечения ноги. В предшествовавшую этому дню ночь он опомнился, начал приносить покаяние в своем поступке, вздыхать и плакать, говоря: «Помяни, Господи, милостыни, которые я прежде подавал, когда работал в моем саду и заработанные деньги употреблял на служение больным». Когда он говорил это, предстал ему Ангел Господень и сказал: «Где деньги, накопленные тобой? Где избранный тобой предмет твоей надежды?» Садовник, поняв тогда, в чем заключалось

согрешение его, сказал: «Господи! Я согрешил. Прости меня. С этого времени не буду более делать этого».

Тогда Ангел прикоснулся к ноге его, и она тотчас исцелилась. Врач, согласно сделанному условию, пришел с железными инструментами, чтобы отсечь ногу, и не пошел дома садовника. На вопрос его, где садовник, сказали ему: «С раннего утра ушел работать в сад». Врач пошел в сад и, увидев садовника копающим землю, прославил Бога, мгновенно даровавшего исцеление от болезни, неисцелимой средствами человеческими.

Несгорающая циновка

Некоторый брат жил в общежитии и все обвинения, которые возлагали на него братья, даже обвинения в любодеянии, принимал на себя. Некоторые из братьев, не зная подвига его, начали роптать на него, говоря: «Сколько он наделал зла и не хочет даже работать!» Настоятель, зная подвиг его, говорил братьям: «Для меня приятнее одна циновка работы этого брата, сделанная со смирением, нежели все ваши, сделанные с гордостью».

Чтобы доказать судом Божиим, каков этот брат, авва велел принести циновки работы братьев и циновку работы обвиненного брата; потом развели огонь, и

авва положил в огонь все циновки. Работа роптавших братьев сгорела, но циновка брата осталась неповрежденной. Братья, увидев это, умолкли, просили прощения у брата и с тех пор считали его отцом своим.

Ненапрасный труд

Некоторый старец безмолвствовал в пустыне. Келья его стояла далеко от воды, за двадцать миль. Однажды, идя за водой, он устал и сказал сам себе: «Что за нужда мне переносить этот труд? Перемещусь и буду жить близ этой воды». Когда он так размышлял, оглянулся назад и увидел кого-то, следующего за ним и замечающего следы его. Старец спросил его: «Кто ты?» — «Я — Ангел Господень, — отвечал тот, — послан исчислять шаги твои, чтобы за каждый шаг ты получил издovоздаиье».

Старец, услышав это, немедленно укрепился духом и уже терпеливо переносил отдаленность кельи своей от воды.

День ко дню

Некоторый брат был борим в течение девяти лет помышлениями своими, чтобы он вышел из иноческого общежития, в котором находился, и ежедневно

он брал кожицу, на которой спал, чтобы выйти. Когда наступал вечер, он говорил: «Завтра выйду отсюда». При наступлении же утра он говорил помышлениям: «Понудим себя пребыть здесь сегодня ради Господа». Когда исполнились девять лет, что он отлагал день за днем исшествие свое, Господь отъял от него искушение его.

Мало-помалу

Некоторый брат, подвергшись искушению и смущению, оставил исправление монашеского правила, и, когда хотел опять положить начало исправлению правила, встречал препятствие от смущения и говорил сам себе: «Когда же я возвращусь к тому состоянию, в котором был прежде?» — и, унывая, он не находил в себе сил, чтобы начать монашеский подвиг. Он пошел к некоторому старцу, поведал ему о совершающемся с ним.

Старец, выслушав скорбь брата, сказал ему следующую притчу. Некоторый человек имел землю, которая по небрежению его обратилась в неудобную, поросла волчцами и тернием. Впоследствии он нашел нужным возделать ее и сказал сыну своему: «Поди, очисти принадлежащее нам поле это». Сын пошел. Когда он обозрел поле, то увидел, что оно

поросло множеством плевелов и терния. Упав духом, он сказал сам себе: «Когда искореню весь этот сор и очищу землю?»

С этими словами он лег на землю и предался сну; так поступал он в течение многих дней. После этого пришел отец посмотреть, что сделано, и увидел, что ничего не сделано. Он сказал сыну: «Почему ты до сих пор ничего не сделал?»

Юноша отвечал отцу: «Я пришел было на работу, но, увидев множество волчца и терния, отказался от исполнения работы; от смущения повергся на землю и спал». Тогда отец сказал ему: «Сын! Если бы ты каждый день обрабатывал такое пространство земли, какое занимаешь, лежа на ней, то работа твоя двигалась бы мало-помалу и ты бы не оказался непослушным мне». Услышав это, юноша поступил по наставлению отца: в короткое время поле было очищено и обработано. Так и ты, брат, мало-помалу входи в подвиг и не унывай, а Бог благодатью Своей возведет тебя в прежнее состояние твое.

СЕМЬ ВЕНЦОВ

В Фиваиде некоторый старец безмолвствовал в вертене. У него был ученик-подвижник. Старец имел обычай по вечерам поучать ученика и делать ему

душеполезные наставления, после наставления он молился и отпускал ученика спать. Случилось, что посетили их некоторые благочестивые миряне, которым было известно великое воздержание старца; получив от него утешение, они ушли. По отшествии их, вечером, старец опять сел по обычаю и занялся поучением и наставлением брата. Во время беседы напал на него сон, а брат стоял, ожидая, чтобы старец проснулся и сотворил по обычаю молитву над ним. Старец не просыпался. Ученик, сидя долго, был побеждаем помышлениями потихоньку уйти и лечь спать, но он понудил себя, противостоял помышлению и остался. После этого сон начал склонять его, но он не ушел. До семи раз повторилось с ним такое колебание, но он с твердостью воспротивился ему.

По прошествии уже полуночи проснулся старец и, увидев ученика сидящим близ себя, сказал: «Отчего ты до сих пор не ушел?» Ученик отвечал: «Оттого, отец, что ты не отпустил меня». Старец: «Почему ты не разбудил меня?» Ученик: «Я не осмелился толкнуть тебя, чтобы не беспокоить тебя». Они встали и начали отправлять утреню, по окончании утрени старец отпустил ученика.

Оставшись один, старец пришел в исступление. И вот некто показывает ему место прославленное, в нем трон и над троном семь венцов. Старец спросил

того, кто показывал ему это: «Кому все это принадлежит?» Тот отвечал: «Ученику твоему даровал Бог и место это, и трон за его жительство, эти же семь венцов он заслужил в эту ночь».

Услышав это, старец удивился; весь трепетный, позвал он ученика и спрашивал его: «Скажи мне, что сделал ты этой ночью?» Он отвечал: «Прости меня, отец, я ничего не сделал». Старец, думая, что он не говорит по смирению, сказал: «Поверь, я не успокоюсь, если не скажешь мне, что сделал или что помышлял ты ночью».

Брат, не зная за собой никакого дела, не находил, что сказать, и потому отвечал старцу: «Прости меня, отец, я ничего не сделал, разве только то, что до семи раз был склоняем помышлениями уйти и лечь спать, но не пошел, потому что не был отпущен тобой по обычаю».

Старец, услышав это, тотчас понял, что ученик столько раз был увенчан Богом, сколько раз противостал помышлениям. Он ничего из виденного не возвестил брату, чтобы не нанести ему вреда, но поведал это духовным отцам. Научимся, что за победу и над малыми помышлениями Бог венчает нас.

Благо человеку понуждать себя ради Бога во всяком деле: Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его (Мф. 11, 12).

Прислуживающий Ангел

Некоторый старец-отшельник сделался болен. Он не имел при себе никого, кто бы послужил ему, и потому вставал с одра и употреблял в пищу то, что мог найти в келье своей. Так прошло много дней, и никто не пришел посетить его. Когда исполнилось тридцать дней и никто не приходил к нему, Господь послал Ангела Своего для служения ему. Так протекли еще семь дней. Тогда вспомнили о нем отцы и сказали друг другу: «Пойдем, навестим такого-то старца, может быть, он болен». Когда они пришли и постучали в дверь, Ангел отступил от него. Старец же из кельи закричал им: «Братья! Уйдите отсюда». Они сняли двери с крючьев, вошли и спрашивали его, отчего он кричал. Он отвечал: «Тридцать дней я томился в болезни, и никто не посетил меня; и вот уже семь дней, как прислуживает мне Ангел, посланный Господом, а когда вы пришли, он отступил от меня». Сказав это, он почил в мире. Братья удивились и прославили Бога, говоря: «Господь не оставляет уповающих на Него».

Что полезнее?

Однажды в Келлиях справляли праздник, и братья трапезовали в церкви. В трапезе участвовал

некоторый брат, который сказал прислуживавшему при трапезе: «Я не ем ничего вареного».

Служитель трапезы подошел к себе помощника своего и при всем многочисленном братстве сказал: «Этот брат не ест вареного, принеси ему соли, чтобы посыпать хлеб его». Тогда один из старцев встал и сказал брату: «Полезнее было бы тебе сегодня употребить мясо в келье твоей, нежели услышать такое слово о себе пред всем братством».

Пост напоказ

Брат, воздерживавшийся от пищи и не евший хлеба, пришел к некоторому старцу. В это же время пришли к старцу странники, для них старец сделал немного кашицы. Когда сели вкушать пищу, воздерживающийся брат поставил перед собой одним моченый горох и ел его. Когда встали из-за стола, старец отвел брата в сторону и наедине сказал ему: «Брат! Если ты придешь к кому-либо, не обнаруживай перед ним жительства твоего; если же хочешь никогда не нарушать принятых тобой обычаев, то пребывай в келье и не выходи никуда».

Брат признал справедливость слов старца и с того времени, когда приходил к братии, уже следовал общему порядку жительства.

Можно ли есть мясо?

Однажды старцы пришли в Александрию, куда пригласил их архиепископ Феофил, чтобы в присутствии их совершить молитву и разрушить храмы язычников. Когда они вкушали пищу за одним столом с архиепископом, поданы были телячьи мяса; они ели их, ничего не рассуждая. Архиепископ, взяв кусок мяса, подал старцу, возлежавшему подле него, говоря: «Этот кусок мяса хорош; кушай, авва».

Старцы отвечали: «До сих пор мы думали, что едим овощи, если же это мясо, то мяса мы не можем есть». И они не стали есть предложенной им мясной пищи.

Благодать отступила

В некотором общежитии были два брата высокой жизни, удостоившиеся видеть каждый друг над другом благодать Божию. Случилось, что один из них вышел однажды в субботу из монастыря и увидел человека, едящего рано. Он сказал ему: «В этот час ты уже ешь!» В следующий день отправлялась по обычаю Божественная литургия. Другой брат взглянул на этого брата, увидел, что данная ему благодать отступила от него, и опечалился. Когда они пришли в

келью, первый брат сказал второму: «Отчего я не видел над тобой благодати, как прежде? Что сделал ты?» Второй отвечал: «Не знаю за собой никакого греха ни в деле, ни в помышлении». На это первый: «Не произнес ли ты какого небогоугодного слова?» Второй, припомнив случившееся в субботу, сказал: «Да, вчера увидел я кого-то, употребляющего пищу рано, и сказал: с этого часу ты уже ешь в субботу! В этом грех мой; но потрудись со мной две недели, и будем просить Бога, чтобы Он простил меня». Они сделали так.

И по прошествии двух недель увидел первый брат благодать Божию, возвратившуюся на брата своего.

КАЗАЛОСЬ ВЫ, ТАКАЯ МАЛОСТЬ

В Ските, когда священнослужители совершали Божественную литургию, нисходило подобие орла на приношение. Это явление видели одни священнослужители. Случилось, что один из братии попросил у иеродиакона некоторую вещь. Диакон отвечал, что ему недосуг. После этого на литургии не явилось по обычаю подобие орла, и сказал иеромонах иеродиакону: «Мы в чем-либо согрешили,

или ты, или я; отступи от святой трапезы, и если явится подобие орла, то ясно будет, что оно не являлось из-за тебя». Когда диакон отступил, орел немедленно появился. По окончании богослужения иеромонах спросил диакона: «Что сделал ты?» Диакон отвечал: «Не знаю за собой никакого согрешения. Разве то, что приходил ко мне брат и просил чего-то, а я отказал ему, сказав, что мне не время». Иеромонах сказал на это иеродиакону: «Не сходил орел, потому что брат был огорчен тобой».

Диакон пошел к брату и попросил у него прощения.

Священник только черпает

К некоторому отшельнику приходил пресвитер из ближней церкви и преподавал ему Святые Тайны. Кто-то, придя к отшельнику, наговорил ему на пресвитера, и когда пресвитер по обычаю пришел, чтобы преподавать Святые Тайны отшельнику, отшельник, объятый соблазном, не отворил ему дверей. Пресвитер, увидев это, ушел. И последовал к отшельнику голос: «Восхитили себе человеки суд Мой».

После этого отшельник пришел в исступление. Он увидел как бы золотой колодец, и золотой сосуд, и золотую веревку, и воду особенно хорошего

достоинства. Увидел он при этом какого-то прокаженного, который черпал воду и наполнял ею сосуд. Отшельник пожелал пить, но не мог, потому именно, что черпавший был прокаженный. И опять был к нему голос: «Почему ты не пьешь этой воды? Что за дело до того, кто бы ни черпал ее? Он только черпает и наливает в сосуд». Отшельник, придя в себя и рассмотрев значение видения, призвал пресвитера и, как прежде, просил его преподать ему святое причащение.

Давать ли в долг

Брат безмолвствовал в келье своей. Демоны, приняв вид Ангелов, хотели обольстить его: они приходили к нему, будили его, показывали ему свет и приглашали к Божественной службе. Брат пошел к некоторому старцу и сказал ему: «Авва! Ангелы приходят ко мне и приглашают к Божественной службе».

Старец сказал: «Не слушай их, сын, это — демоны, и когда они придут будить тебя, скажи им: я, когда мне захочется, встану». Получив такое наставление, брат возвратился в келью. На следующую ночь демоны, по принятому ими обычаю, опять пришли будить его. Но он отвечал так, как было заповедано

ему: «Я, когда захочу, встану, а вас не слушаю». Они возразили: «Этот злой старик, лицемер, сбил тебя с толку! К нему приходил брат, прося денег взаймы; деньги у старца были, но он обманул брата, говоря, что у него нет денег, и не дал брату; из этого пойми, что он лицемер».

Брат встал рано утром, пошел к старцу и пересказал ему слышанное от бесов. Старец сказал на это: «Что у меня были деньги — правда, а что я не дал брату, просившему в заем, то поступил так, зная, что причину вред душе его, если дам. Я признал за лучшее нарушить одну заповедь, чтобы исполнением ее не впасть в нарушение десяти; из этого нарушения могло бы произойти значительное смущение, причиной которого были бы деньги, если бы я дал их. А ты не слушай демонов, которые хотят обольстить тебя». Утвержденный словами старца, брат ушел в свою келью.

Пожелать спасения

Некоторый из отцов рассказывал о некотором великом старце, что он, если приходили просить у него назидательного слова, говаривал с великим дерзновением: «Вот, я принимаю на себя лицо Бога и сажусь на престол суда. Чего желаешь ты? Скажешь: помилуй меня. Отвечает тебе Бог: если ты хочешь, чтобы

Я помиловал тебя, — ты помилуй братьев твоих, и Я помилю тебя. Если ты хочешь, чтобы Я простил тебя, — ты прости ближнему твоему. За Богом ли дело? Нет, за нами; мы должны пожелать спасения».

Ничтожное слово

Сказывали об одном старце в Келлиях, что он был великий подвижник. Когда он занимался деланием своим, случилось другому, также святому мужу, прийти к келье его, и услышал пришедший, стоя снаружи, что старец препирается с помышлениями своими и говорит: «Доколе я буду для этого одного слова забывать все, что знаю?» Стоявший вне дверей сначала думал, что старец спорит с каким-либо посетителем; он постучал в дверь с намерением примирить несогласных между собой.

Войдя в келью, видя, что в ней нет никого, и будучи коротко знаком со старцем, спросил его: «С кем спорил ты, авва?»

Он отвечал: «С помышлениями моими. Четырнадцать книг я выучил наизусть, услышал ничтожное слово вне кельи; когда же, возвратившись в келью, захотел упражняться в деле Божием, все выученное наизусть как бы позабыл, и только одно то слово, которое я слушал вне кельи, приходит мне на память

в час служения моего. По этой причине я препирался с помышлениями моими».

О гостеприимстве

Братья общежительного монастыря пришли в пустыню, остановились у одного из отшельников, который принял их с радостью; видя их уставшими от трудного пути, он предложил им трапезу прежде установленного часа, по обычаю отшельников. Предложил он им все, что было у него в келье, и упокоил их.

Когда смерклось, прочитали двенадцать псалмов, так, как и ночью. Старец не спал и слышит, что они говорят между собой: «Отшельники утешают себя в пустыне более, нежели мы в общежитиях». Рано утром, когда они встали, чтобы идти к другому отшельнику — соседу, старец сказал им: «Приветствуйте его от меня и скажите: не поливай овощей».

Они пришли к соседу и передали слова отшельника, у которого ночевали. Второй отшельник понял значение слов старца и оставил посетителей без пищи до позднего вечера. Когда смерклось, он отправил продолжительное служение Богу, по окончании которого сказал: «Сократим немного ради вас, потому что вы устали от пути, — потом сказал: — Мы не

имеем обычая употреблять пищу ежедневно, но ради вас вкусим немного». И предложил им сухой хлеб и соль, прибавив немного уксуса в соль посетителей. Встав, они занялись псалмопением, продолжавшимся до утра. Потом отшельник сказал: «Ради вас не совершаем правила нашего в полноте его, чтобы вы отдохнули: ведь вы путешествуете».

Когда рассвело, они хотели уйти, но отшельник остановил их, сказав: «Погостите несколько времени; дня три побудьте с нами, по обычаю, который ведется у отшельников». Братья, увидев, что он не отпускает их, бежали тайно.

Попробуй на себе

Однажды монахи из Египта пришли в Скит для свидания со старцами этой пустыни. Увидев, что они измождены голодом и от великого воздержания едят поспешно, соблазнились. Настоятель понял это. Он не захотел отпустить египетских братьев, не исцелив их. С этой целью он отдал приказание в церкви народу — народом названы здесь монахи по многочисленности их: «Братья! Попоститесь и продолжите воздержание ваше».

Посетители египтяне хотели уйти, но настоятель остановил их.

С первого срока они уже почувствовали изнеможение, потому что им предлагали пищу однажды в двое суток; живущие же в Скиту употребляли пищу однажды в неделю. Когда наступила суббота, сели египтяне за трапезу вместе со старцами. Египтяне начали торопливо есть. Тогда один из скитских старцев удержал руку одного из них, говоря: «С тихостию кушай, как причащается монаху».

Египтянин оттолкнул руку старца, сказав: «Оставь меня! Я умираю, не евши ничего вареного в течение целой недели». Старец на это заметил: «Если вы, вкушая пищу через день, так изнемогли, то зачем вы соблазнились на братьев, которые каждую неделю проводят в таком воздержании?» Они просили прощения и ушли, получив назидание и умиротворение.

«По воле моей»

Брат сказал некоторому великому старцу: «Авва! Мне бы хотелось найти старца по воле моей и жить с ним!»

Старец отвечал на это: «Хорошо желание твое, владыка мой!» Брат, не поняв слов старца, подумал, что старец признал мнение его правильным и утвердил его. Старец, заметив это, сказал ему: «Так-то! Если найдешь старца, соответствующего воле твоей,

то намереваешься жить с ним? Значит, желаешь не того, чтобы тебе следовать воле старца твоего, но чтобы старец последовал воле твоей, и в этом надеешься найти преуспевание».

Тогда брат понял свою ошибку и, встав, пал в ноги старцу, принося покаяние и говоря: «Прости меня! Я очень тщеславился, думая, что я хорошо сказал, между тем как ничего хорошего не было ни в словах моих, ни в мысли».

Пойти — не пойти

Некоторый брат, живший в кельях, намочил в воде свои пальмовые ветви и, когда сел плести веревки, сказала ему помысленное его, чтобы он пошел к такому-то старцу для посещения.

Потом, передумав сам в себе, сказал: «Пойду через несколько дней». И опять говорило ему помысленное его: «Если же старец в это время умрет, тогда что сделаешь? Пойду сейчас же и поговорю с ним, тем более что время летнее».

И опять сказал он сам в себе: «Но теперь некогда». И снова помысленное говорило ему: «Когда приладишь тростниковые палки к циновкам, тогда уже будет время». И опять сказал он сам в себе: «Когда употреблю в работу эти пальмовые ветви, тогда пойду».

Против этого снова возразило помышление его: «Но сегодня хороша погода».

С этими словами он встал, оставил приготовленные к работе пальмовые ветви не употребленными и пошел, взяв мантию свою.

По соседству его жил некоторый старец, муж прозорливый; увидев, что брат идет поспешно, он закричал ему: «Пленник! Пленник! Куда бежишь? Подойди ко мне». Когда он подошел, старец сказал ему: «Возвратись в келью твою». Брат рассказал старцу о приливе помышлений, которому он подвергся, и просвещенный учением старца, возвратился в свою келью. Войдя в нее, он пал на лицо свое и приносил покаяние. Когда он поступил так, внезапно демоны закричали громким голосом: «Победил нас, монах, победил нас!» Циновка, на которой он лежал, превратилась в пепел, как бы сожженная огнем, а демоны исчезли в образе дыма.

Таким образом, брат научился познавать козни их.

Странноприемец

Рассказывали о некотором старце, жившем в Сирии близ дороги. Делание его состояло в том, что он во всякое время дня и ночи принимал всякого монаха,

приходившего из пустыни, и с любовью предлагал ему трапезу.

Однажды пришел к нему отшельник. Старец просил его вкусить пищи; но отшельник отказался, сказав: «Сегодня я пощусь». Поститься значило тогда вовсе не употреблять пищи. Старец огорчился и сказал: «*Не отвераи лица твоего от отроча твоего* (Пс. 88, 18) и не презри мною, убедительно прошу тебя. Помолимся Богу! Вот дерево: последуем воле того из нас, по молитве которого наклонится дерево». Отшельник преклонил колена и помолился, но не последовало ничего. Потом преклонил колена и старец-странноприемец; вместе с этим тотчас наклонилось дерево.

Увидев это, они возрадовались и прославили Бога.

О посте

Однажды два брата пришли к некоторому старцу. Старец этот не имел обычая употреблять пищу ежедневно. Увидев братьев, он принял их с радостью и сказал сам в себе: «Пост имеет свою награду, — потом присовокупил: — Употребляющий пищу ради любви совершает две добродетели: отсекает свою волю и исполняет заповедь странноприимства».

О гостеприимстве

Был в Египте старец, живший в пустынном месте; вдали от него жил другой старец — манихей, которого принадлежавшие к его секте называли пресвитером. Манихей, желая посетить лицо одного с ним заблуждения, отправился к нему; его застигла ночь в том месте, где жил православный и святой муж. Манихей хотел постучать в двери старцовой кельи и попроситься на ночлег, но затруднялся: он понимал, что старец знает о ереси его и потому смущался помышлением, предполагая отказ в приеме. Нужда заставила постучать. Старец отворил дверь, узнал его, принял радостно, угостил трапезой и уложил спать. Манихей, улегшись, размышлял о приеме, удивлялся, говоря сам себе: «Он не выразил никакого подозрения по отношению ко мне! Понистине, он раб Божий». Встав рано утром, манихей упал к ногам старца и сказал: «С этого часа и я — православный и не отступлю от тебя».

Он остался жить при старце.

Справедливая мнлостыня

Некоторый монах-фивейнин получил от Бога благодать служения, по действию которой он всем

нуждающимся доставлял потребное им. Случилось однажды, что в некотором селении он сделал вечерю любви для бедных, и вот приходит к нему для получения милостыни женщина в самой ветхой одежде. Монах, увидев ее в таких рубищах, спустил руку свою в мешец, чтобы дать ей много, но рука сжалась, и он вынул мало.

Пришла к нему и другая, хорошо одетая. Посмотрев на одежду ее, монах спустил руку с намерением дать мало, но рука разверзлась и захватила много. Он справился об обеих женщинах и узнал, что та, которая была в хорошем платье, принадлежала к числу почетных лиц и пришла в бедность, а одета была хорошо ради родственников своих; первая же облеклась в рубище с целью выманить большую милостыню.

Мелочная расчетливость

Говорил некоторый старец. Часто случается, что иной делает много добра, но диавол влагает в сердце его мелочную расчетливость в ничтожных вещах, чтобы похитить у него ту награду от Бога, которой заслуживал бы он за все дело.

Однажды, когда я был в Оксирии и сидел в гостях у некоторого пресвитера, подававшего много милостыни, пришла к нему вдова и просила немного

пшеницы. Он сказал ей: «Поди, принеси четверик, — я отмерю тебе». Она принесла. Он, смерив рукой четверик, сказал ей: «Слишком велик!»

Эти слова заставили вдову покраснеть. Когда она вышла, я спросил его: «Авва, ты дал пшеницу взаймы вдове или нет?» Он отвечал: «Нет! Подарил». Я сказал на это: «Если ты все отдал даром, то для чего позволял себе в мелочи быть расчетливым и привел вдову в смущение?»

Неиссякающее милосердие

Некоторый старец жил с другим братом на правах общежития. Старец был очень милосерд. Случился голод, и начали некоторые приходить к ним для получения милостыни. Старец давал хлеба всем, приходившим к нему. Брат, увидев это, сказал старцу: «Дай мне мою часть из хлебов и делай из своей, что хочешь». Старец разделял хлебы и по обычаю своему продолжал подавать милостыню из своей части, — а к нему прибегали многие, услышав, что он подает всем.

Бог, видя расположение воли его, благословил хлебы. Брат, взявший свою часть и не дававший никому ничего, издержал хлебы, доставшиеся на его

долю, и сказал старцу: «Так как у меня осталось очень мало хлеба, прими меня снова в общежитие с тобой».

Старец отвечал: «Как хочешь, пожалуй».

И снова начали жить они по общежительному уставу. Опять наступило время скудости в жизненных припасах, и опять нуждающиеся стали приходить к старцу за милостыней. У них самих оказался недостаток в хлебе; брат заметил это, и вот приходит бедный, просит подаяния. Старец сказал брату: «Дай ему хлеб». Брат отвечал: «Авва! У нас уже нет хлеба». Старец сказал на это: «Поди, понщи». Брат пошел, отворил дверь в чулан, в котором они обыкновенно хранили хлеб, и увидел, что чулан наполнен хлебами. Он испугался и подал хлеб нищему.

Таким образом, узнав веру и добродетель старца, он прославил Бога.

О послушании

Некоторый мирянин, имевший трех сыновей, отрекся от мира и пришел в монастырь, оставив сыновей в городе. Когда он совершил три года в монастыре, начали помышления его приносить ему частое воспоминание о сыновьях. Он очень тосковал о них, тем более что не сказал авве при вступлении

в монастырь, что у него есть сыновья. Авва, увидев его печальным, спросил его: «Что с тобой? Отчего ты так печален?» Он открыл ему, что у него три сына в городе и что ему хотелось бы привести их в монастырь. Авва позволял ему сделать это.

Придя в город, он узнал, что двое из сыновей его уже умерли, остался один. Взяв его с собой, он возвратился в монастырь. Аввы он не нашел в монастыре. На вопрос его, где авва, братия сказали: «Он пошел в хлебню».

Брат, взяв сына своего, пошел туда же. Авва, увидев его, приветствовал и, взяв приведенного им сына, обнял его, потом сказал отцу: «Любишь ли его?» Отец сказал: «Да!» Авва опять сказал ему: «Очень любишь его?» — «Да!» — отвечал отец. Тогда сказал авва: «Итак, если любишь его, то возьми и кинь его в печь». Печь была полна огня. Отец взял сына, бросил его в пылающую печь, — и печь тотчас наполнилась вместо огня прохладной росой.

Послушание превыше всего

Один из отцов рассказывал. Я видел четыре чина в небе: первый чин состоял из больных, благодарящих Бога; второй — из занимающихся страннопри-

имством и тщательным служением ближним; третий — из живущих в пустыне, лишенных человеческого общества; четвертый из тех, которые повинуются духовным отцам и находятся в послушании у них ради Бога. Чин проходящих послушание украшался золотой цепью и венцом и имел большую славу, нежели три первых чина. Я сказал тому, кто показывал мне все это: «Почему этот чин, меньший других, имеет большую славу, нежели другие?»

Он отвечал мне: «Потому что занимающиеся странноприимством делают это по собственной воле. Подобным образом вступившие в отшельническую жизнь в пустыне по собственной воле оставили общество человеческое. Но чин, предавший себя послушанию, находится в совершенной зависимости от Бога и от духовных отцов, почему и имеет большую славу».

Благое дело — послушание, проходимое ради Бога! Наследуйте, хотя отчасти, о чада, эту добродетель! Послушание — спасение для всех верующих. Послушание — родительница всех добродетелей. Послушание — дверь в Царство Небесное. Послушание отверзает небеса и возвышает человека от земли. Послушание сожительствоует Ангелам. Послушание — пища всех святых: воспитанные им, как молоком, они при посредстве его достигли совершенства.

«Иди пасти свиней»

Некоторый старец пребывал в пустыне отшельником и помышлял сам в себе, что он совершен в добродетелях. Он молил Бога: «Покажи мне, в чем заключается совершенство души, — и я исполню это.

Богу благоугодно было смирить помышления его, почему и сказано было ему: «Поди к такому-то архимандриту и сделай все, что бы он ни приказал тебе». Бог открыл и архимандриту о пришествии к нему отшельника прежде, нежели тот пришел, причем повелел: «Такой-то отшельник придет к тебе, скажи ему, чтобы он взял плеть и пошел пасти свиней твоих».

Пришел отшельник в монастырь, постучал во врата; его ввели к архимандриту. Приветствовав друг друга, они сели. И сказал отшельник архимандриту: «Скажи, что мне сделать, чтобы спастись?»

Архимандрит спросил: «Исполнишь ли, что бы я тебе ни приказал?» Отшельник отвечал: «Исполню». На это архимандрит сказал: «Возьми длинную плеть и иди пасти свиней». Отшельник немедленно исполнил это.

Знавшие его прежде и слышавшие о нем, когда увидели, что он пасет свиней, говорили между собой: «Видели ли вы великого отшельника, о котором шла

такая молва? Он сошел с ума! Он взбесился! Он пасет свиней!» Бог, видя его смирение и что он терпеливо перенес бесчестие человеческое, повелел ему снова возвратиться в свое место.

Козлища и агнцы

Однажды к некоторому старцу в Фиваиде пришли посетители; они имели с собой беснующегося, которого привели с тем, чтобы старец исцелил его. Долго упраскивали они старца, и он сказал демону: «Выйди из создания Божия».

Демон отвечал: «Выйду, но прежде дай ответ на мой вопрос: кто — козлища, и кто — агнцы». Старец отвечал: «Козлища — такие, как я, а кто — овцы, о том знает Бог». Демон, услышав это, воскликнул громким голосом: «Выхожу по причине твоего смирения!» — и вышел немедленно.

Не достойн видеть Ангелов

Некоторому брату явился диавол, преобразившись в Ангела света, и сказал ему: «Я — Архангел Гавриил, послан к тебе». Старец на это отвечал: «Смотри! Не к кому ли другому ты послан? Потому что я

недостойн того, чтобы посылались ко мне Ангелы». Дьявол тотчас исчез. Старцы говорили: «Если и поистине явится к тебе Ангел, не прими его легковерно, но смирись, говоря: я, живя во грехах, не достоин видеть Ангелов».

«Не желаю видеть Христа здесь»

Поведали о другом старце, что он безмолвствовал в келье своей, претерпевая искушения бесовские.

Ему воочию являлись бесы, но он презирал их. Дьявол, видя, что он побежден старцем, явился ему и сказал: «Я — Христос». Старец закрыл глаза. Дьявол повторил ему: «Я — Христос; зачем закрыл ты глаза?» Старец отвечал: «Я не желаю видеть Христа здесь, но в будущей жизни». После этого дьявол уже не являлся.

Демоны, желая обольстить другого старца, сказали ему: «Хочешь ли видеть Христа?» Он отвечал им: «Анафема вам и тому, о ком вы говорите. Я верую в моего Христа, Который повелея: если кто скажет вам: *вот, здесь Христос, или там, — не верьте* (Мф. 24, 23)». После этих слов старца демоны тотчас исчезли.

Пост и смирение

Поведали о некотором старце, который провел семьдесят недель в посте, употребляя пищу однажды в неделю. Он просил у Бога, чтобы открыто было ему значение некоторого изречения в Священном Писании, но Бог не открывал ему. Видя это, старец сказал сам себе: «Вот! Я подъял немалый труд и ничего не успел; пойду же к брату моему и спрошу у него».

Когда он вышел из кельи и запер за собой дверь, послан был к нему от Господа Ангел, который сказал ему: «Семьдесят недель, проведенных тобой в посте, не приблизили тебя к Богу. Теперь же, когда ты смирился и вознамерился идти для вопроса к брату твоему, я послан к тебе истолковать значение изречения». Исполнив это, Ангел отступил от него.

Навык терпеливости

Братья пришли к некоторому святому старцу, безмолвствовавшему в пустынном месте, и увидели вне монастыря его мальчиков, пасущих скот и произносящих неприличные слова.

Повидавшись со старцем, исповедав ему помышления свои и ощутив душевную пользу от его наставлений, братья сказали ему: «Авва! Почему ты

позволяешь этим мальчикам быть близ тебя и кричать непристойно?» Старец отвечал: «Поверьте мне, братья, бывают дни, что порываюсь запретить им, но останавливаю себя, говоря: если я не снесу этого малого беспокойства, то как снесу большее искушение, если попустит его Бог на меня?»

По этой причине ничего не говорю им, чтобы образовался во мне навык терпеливо переносить случающееся».

Возлагай вину на себя

Некоторый брат был в скорби на другого брата, который, узнав об этом, пришел для примирения к первому брату. Первый не отворил ему дверей. Второй пошел к некоторому старцу и рассказал ему о случившемся.

Старец отвечал: «Посмотри, нет ли этому причины в сердце твоём? Не признаешь ли себя правым в сердце твоём? Не имеешь ли намерения обвинить брата своего, а себя оправдать? По этой причине Бог не коснулся сердца его и он не отворил тебе дверей. Но то, что скажу тебе, верно: хотя бы он был виноват пред тобою, положи в сердце твоём, что ты виноват пред ним и оправдай брата своего; тогда

Бог вложит в сердце его желание примириться с тобой». При этом старец поведал брату следующее событие. Были два благочестивые мирянина. Согласившись между собой, они приняли монашество. Поревновав исполнить евангельское слово, но не по разуму его, они оскопили себя как бы ради Царства Небесного. Архиепископ, узнав об этом, отлучил их от Церкви. Они, думая, что сделали хорошо, пришли в негодование против него, сказали: «Мы ради Небесного Царства оскопили себя, а он отлучил нас! Пойдем в Иерусалим! Будем просить суда у архиепископа Иерусалимского». Они отправились, представили дело на рассмотрение архиепископу Иерусалимскому. Он отвечал им: «И я отлучаю вас».

Огорченные, они пошли с жалобой к архиепископу Антиохийскому, но и этот также отлучил их.

Тогда сказали они друг другу: «Пойдем в Рим к папе, он защитит нас от всех этих». Они прибыли к архиепископу Рима и объяснили ему свой поступок: «Мы пришли к тебе, потому что ты — старший всех». Он сказал им: «И я отлучаю вас, вы впали в заблуждение». Отлученные всеми, они пришли в уныние и сказали друг другу: «Эти епископы стоят один за другого и согласны между собой, как имеющие нужду в таких отношениях по съездам их на

соборы. Но пойдём к человеку Божию, святому Епифанию, епископу Кипрскому; он пророк и не приемлет лица человеческого».

Когда они приближались к городу, в котором епископствовал Епифаний, открыто было ему о них, и он выслал к ним навстречу сказать: «Не входите в этот город». Тогда они возвратились и сказали: «Поистине, виноваты мы, зачем же оправдываем себя? Положим, что те отлучили нас несправедливо; неужели поступил так и этот пророк? Ведь Бог открыл ему о нас». И очень упрекали они себя за сделанное ими. Сердце-ведец, увидев, что они искренно обвинили себя, открыл об этом епископу Епифанию. Он опять послал к ним, велел привести их к себе, утешил, принял в общение. Написал он и к архиепископу Александрийскому: «Прими сынов твоих, потому что они принесли истинное покаяние». Старец, рассказывавший это событие, присовокупил: «В том заключается здравие человека и того хочет от него Бог, чтобы человек возлагал вину на себя и повергался в покорности пред Богом». Брат, услышав это, поступил по слову старца, пошел к брату, постучал в дверь. Тот, только поняв, что пришел именно он, отворил тотчас дверь и, прежде нежели пришедший попросил прощения, обнял его от души, и водворился между ними величайший мир.

Философы и монахи

Некоторые философы захотели однажды испытать монахов. Увидев монаха в мантии и хорошо одетого, они сказали ему: «Ты! Поди сюда».

Монах оскорбился грубым призывом и отвечал им жестко. Потом случилось проходить мимо их старцу-монаху, мужу великому, из простолюдинов. Они сказали ему: «Ты, монах, злой старец, поди сюда». Он побежал к ним. Они ударили его по щеке, — он подставил другую щеку. Тотчас философы встали, поклонились ему и сказали: «Ты — истинный монах». Они посадили его посреди себя и сказали: «Что делаете вы более нас в этой пустыне? Вы поститесь, — и мы постимся; вы обуздываете тело ваше подвигами, — и мы обуздываем; что ни делаете вы, мы все это делаем; что делаете вы, живя в пустыне, лишнего в сравнении с нами?» Старец отвечал: «Мы пребываем в уповании на благодать Божию и храним наш ум». Они сказали: «Мы этого не можем». И отпустили его, получив назидание его словом.

Ученик спасает учителя

Некоторый старец был подвергнут пьянственной страсти. Ежедневно выделявал он по циновке, продавал эту циновку в соседнем селении и деньги,

вырученные за нее, пропивал. К старцу присоединился на жительство некоторый брат, который также выделял по циновке ежедневно.

Старец брал и эту циновку, продавал и пропивал деньги, вырученные за обе циновки, а брату приносил самое малое количество хлеба уже поздно вечером. Так поступал старец в течение трех лет, и брат не говорил ему ничего.

По прошествии трех лет брат сказал сам себе: «Я наг и терплю большой недостаток в хлебе; встану, уйду отсюда». Другое помышление говорило в нем: «Куда мне идти? Останусь здесь: я вступил в общение со старцем ради Бога».

Когда он помыслил это, немедленно явился ему Ангел Господень и сказал: «Никуда не ходи, потому что завтра придем за тобой». При наступлении назначенного дня брат просил старца: «Не уходи сегодня никуда, потому что за мной придут мои и возьмут меня». Когда настал час, в который старец имел обычай уходить в селение, он сказал брату: «Не придут сегодня, сын мой, потому что уже поздно». Брат отвечал: «Непременно придут», — и посреди этих переговоров брат скончался мирно.

Старец заплакал, говоря: «Увы мне, сын мой! Много лет живу я в нерадении, а ты в короткое время спас душу твою терпением».

С этого дня старец начал весьма трезвую и добродетельную жизнь.

Необычный суд

Однажды три брата отправились на жнитво и нанялись выжать пространство определенной меры. Один из них, с первого дня почувствовав себя больным, возвратился в свою келью. Два остались жать.

Сказал один из них другому: «Брат! Ты видишь, что третий брат наш впал в болезнь; воодушевившись ревностью, — воодушевляюсь и я ею, — в надежде на Бога, за молитвы брата нашего, вдвоем сделаем дело, за которое взялись трое, выжнем участок».

Когда таким образом они выжали все пространство, которое обязались выжать, и пришли получать плату за труд свой, то пригласили заболевшего брата, сказав ему: «Приди, брат, получи плату за труд твой». Он отвечал им: «Какую плату получать мне, когда я не жал?» Они сказали на это: «Твоими молитвами совершена жатва; итак, приди, получи плату». Из этого у них родился спор. Он говорил: «Не возьму денег, потому что я не работал», — они не хотели успокоиться, если он не возьмет своей части. Не согласившись, все трое пошли судиться к

некоторому великому старцу. Первый брат говорил старцу: «Мы пошли втроем жать в поле некоторого владельца за плату.

Когда пришли на место жатвы, я в самый первый день сделался болен и возвратился в келью мою, не будучи в состоянии даже в течение одного дня принять участие в работе; ныне они принуждают меня, говоря: брат, приди, получи плату за работу, которой я не работал».

Другие два брата говорили: «Точно, мы пошли жать и взялись выжать пространство, которое нам отмерили. Если бы мы жали и все трое, то лишь с великим трудом могли бы выжать такой участок; за молитвы же этого брата мы двое выжали его скорее, нежели могли бы выжать трое, почему и сказали ему: приди, получи следующую тебе плату, — а он не хочет сделать этого».

Старец, услышав такой спор, удивился и сказал одному из своих монахов: «Ударь в било, чтобы братья, находящиеся по кельям, сошлись все сюда».

Когда они пришли, старец сказал им: «Придите, братья, услышите сегодня праведный суд».

Потом пересказал им все, слышанное от братьев, пришедших судиться, и присудил первого брата взять следующую ему плату и употребить ее по своему усмотрению. И вышел этот брат печальным; он плакал,

как будто совершенно было над ним несправосудие.

Сугубое добро

Брат сказал некоторому старцу: «Если увижу брата, о котором я слышал что-нибудь худое, то не могу принудить себя, чтобы ввести его в мою келью; если же увижу хорошего брата, — ввожу его охотно».

Старец: «Если делаешь добро доброму брату — этого мало. Сделай сугубое добро тому, который подвержен немощи».

Усугубленный подвиг

Некоторый брат прислуживал некоторому отцу. Случилось, что на теле старца образовалась рана, из которой разливалось большое зловоние. Брату, который прислуживал, говорило помышление его: «Уйди отсюда, потому что ты не можешь выносить смрада, который издает из себя гнойная рана». Брат, чтобы подавить помышление, принес сосуд с водой, вымыл ею рану старца и сохранил эту воду в сосуде. Каждый раз, когда ему хотелось пить, он пил из сосуда. Помышление снова начало стужать ему, говоря:

«Если не хочешь уйти, то, по крайней мере, не пей этого сирада».

Но брат подвизался, выдерживал предпринятое и пил воду, которой омывал рану.

Бог, видя труд и любовь брата, обратил смешение из воды и гноя раны в чистейшую воду, а старцу даровал исцеление невидимым врачевством.

Утешение

Поведал некоторый старец. Два брата жили по соседству его: один — пришелец, другой — туземец. Иноземец жил немного нерадиво; туземец был великий подвижник. Настало время, и иностранец скончался в мире. Прозорливый старец, сосед их, увидел множество Ангелов, сопровождающих душу его. Когда он приблизился ко входу в небо, сделан был о нем вопрос, но пришел свыше глас: «Ясно, что он был немного нерадив, но за странничество его отворите ему вход в небо».

После этого скончался и туземец, и пришли к нему все знакомые его. Упомянутый старец, увидев, что Ангелы не пришли для сопровождения души его, удивился.

Пав на лицо свое пред Богом, он сказал: «Почему иноземец, живший нерадивее, сподобился такой

славы, а этот, будучи подвижником, не удостоен ничего подобного?»

И последовал старцу глас: «Подвижник, умирая, видел плачущих родственников своих, и этим утешена была душа его, а странник, хотя был нерадив, но не видел никого из своих; находясь в таком состоянии, он плакал, и Бог утешил его».

Разные награды

В пустыне Никополиса жил отшельник, а прислуживал ему мирянин, весьма благочестивый. В городе жил богач, утопая в грехах. Настало время, — умер этот богач; сошелся весь город и с епископом своим для сопровождения тела, которому предшествовали зажженные свечи. Свидетелем похорон был прислуживавший отшельнику. По обычаю он понес хлебы в пустыню и нашел, что отшельника съел зверь. Он пал на лицо свое пред Господом, говоря: «Не встану с земли, доколе Бог не покажет мне, что это значит. Один, утопавший в грехах, похоронен с таким великолепием; другой, служивший Тебе и день и ночь, подвергся такой смерти!» И вот явился ему Ангел от Господа.

Ангел сказал: «Грешник, о котором ты говоришь, имел немного добрых дел, принадлежавших веку

сему, и получил награду за них здесь, но за то там не обрел никакого упокоения.

Отшельник же был украшен всеми добродетелями, но, как человек, имел за собой немного погрешностей и наказание за них понес здесь, чтобы предстать пред Богом чистым». Утешенный этими словами, благочестивый мирянин пошел в дом свой, прославляя Бога.

ОКОЛЫЩЕННЫЙ ДЕМОНОМ

Сказывали о некотором брате, что он жил отшельником в пустыне и в течение многих лет был обольщаем демонами, думая, что это были ангелы. По временам приходил к нему для посещения отец его по плоти.

Однажды отец, отправляясь к сыну, взял с собой топор с намерением на обратном пути набрать для себя небольшое количество дров. Один из демонов, предупреждая пришествие отца, явился к сыну и сказал ему: «Вот диавол идет к тебе в подобии отца твоего с целью убить тебя; у него и топор с собой. Ты предупреди его, вырви топор у него и убей его».

Отец пришел по обычаю, а сын, схватив топор его, нанес ему удар и убил его. Немедленно напал нечистый дух на отшельника и удавил его.

Отверг вещество мира

Поведали о некотором старце, что он вышел в пустыню, облаченный в одну льняную одежду. Проходя по пустыне три дня, он взошел на камень, увидел под камнем зеленеющую траву и человека, подобно-го зверю. Сойдя тихонько с камня, он схватил этого человека. Это был нагой старец, он вырвался из рук схватившего и побежал. Брат побежал за ним и кричал вслед его: «Подожди меня, потому что я бегу за тобой ради Бога». Тот, обратившись к нему, отвечал: «И я ради Бога убегаяю от тебя». Брат скинул с себя льняную одежду и продолжал бежать за старцем. Старец, увидев, что он сбросил с себя одежду, остановился и стал ожидать его; когда же он приблизился, сказал ему: «Ты отверг вещество мира, и я остановился, чтобы дожидаться твоего прихода». Брат просил его сказать слово спасения. Старец сказал: «Убегая людей, молчи — и спасешься».

Вспомни о Боге

Некоторый старец пришел однажды в город для продажи корзин своего рукоделия. Распродав их, он сел — так случилось ненамеренно — у входа в дом некоторого богатого человека, который уже

умирал. Сидя тут, старец увидел черных коней, на которых были черные и страшные всадники. Каждый из этих всадников имел огненный жезл в руке.

Когда они достигли дверей дома, соскочили с лошадей, оставили их у входа, а сами поспешно вошли один за другим в дом. Умирающий богач, увидев их, воскликнул громким голосом: «Господи! Помоги мне».

А они сказали ему на это: «Теперь-то вспомнил ты о Боге, когда солнце померкло для тебя? Почему же до сего дня не взыскал ты Его, доколе светил для тебя день? Но ныне, в этот час, уже нет тебе части ни в надежде, ни в утешении».

Смрад

Некоторый великий старец ходил по пустыне и увидел двух Ангелов, сопровождавших ему, одного с правой, другого с левой стороны. Ходя таким образом, они нашли труп, лежавший на дороге.

Старец заткнул ноздри свои, чтобы не слышать смрада; то же сделали и Ангелы. Когда они отошли несколько далее, старец сказал Ангелам: «Неужели и вы обоняли смрад?» Они отвечали: «Нет! Подражая тебе, мы заткнули ноздри: зловония этого мира мы не

ощущаем, но тот смрад, который испускают из себя души грешников, мы обоняем».

Милость Божия

Воин спросил старца: «Примет ли Бог покаяние?» Старец много говорил ему об этом назидательного и, наконец, присовокупил: «Скажи мне, любезнейший, если твой плащ будет изрублен мечами врагов, кидаешь ли ты его?»

Воин отвечал: «Нет! Починив, снова употребляю его».

На это старец сказал: «Если ты бережешь свое платье, то неужели Бог не будет милостив к созданию Своему».

За грехи

Некоторый брат, подвергаясь бесчестью от другого брата, пришел и сказал об этом старцу.

Старец отвечал ему: «Успокой помышления твои тем, что брат не хочет наносить тебе бесчестий, но твои грехи подвергают тебя бесчестью».

Во всяком искушении, случающемся с тобой, никого не обвиняй, но всегда говори: это случилось со мной за грехи мои».

Тицеславная добродетель

Не в дальнем расстоянии от пустыни, прилежащей к долине, орошаемой рекой Нилом, находится много монастырей; в каждом монастыре живут многие сотни монахов, которых все тицание заключается в том, чтобы проводить жительство под управлением аввы, ничего не делать по своему произволу, но во всем зависеть от его власти и указания. Если кто из монахов поревнует жительства, более возвышенного, тот перемещается в пустыню на отшельничество, но не иначе как с соизволения своего аввы, потому что у них первая добродетель — послушание. Тем, которые удалились на жительство в пустыню по повелению аввы, доставляется из монастыря хлеб и что-либо еще из пищи.

Случилось, что в те дни, как я пришел в один из упомянутых монастырей, авва послал хлеб с двумя отроками одному из отшельников, недавно отошедшему в пустыню и поставившему себе хижину не более как в шести милях от монастыря. Старшему из отроков было пятнадцать, младшему двенадцать лет. Когда они возвращались назад, встретил их аспид необыкновенной величины; они несколько не испугались его, а он, как бы заговоренный обаянием, пришел к ногам их и подклонил им свою лазоревую шею.

Младший из отроков схватил аспида рукой, завернул в мантию и понес с собой; потом, войдя в монастырь как бы победителем, развернул мантию и не без тайного тщеславия выложил зверя перед братьями. Когда все превозносили веру и добродетель дитяти, авва, руководствуясь высшим суждением, сделал сильный выговор отрокам за то, что они огласили совершенное Богом через них и обоих наказал розгами, охраняя юность от превозношения, вразумляя их, что чудо было следствием силы Божией, а не их веры, научая их служить Богу смирением, а не превозношением чудесами и добродетелью, потому что лучше немощная совесть, нежели тщеславная добродетель.

Превиннившаяся волчица

Один чудный муж жил в маленькой пещере, в которой возможно было помещаться только одному человеку. К нему во время его трапезы имела обычай приходить волчица, и редко когда зверь этот ошибался, не попадал в обычный час употребления пищи. Ожидала волчица всегда у входа в пещеру столь долго, пока пустыжник не выносил ей остатков от трапезы своей; тогда она лизала его руки и уходила, как бы исполнив долг свой и получив утешение.

Случилось, что святой отлучился на довольно продолжительное время из пещеры, провожая посетителя — брата, и возвратился только к ночи. В этот промежуток приходила волчица к обычному часу трапезы. Ощутив, что келья пуста, что господин ее находится в отсутствии, она вошла в пещеру, тщательно отыскивая обитателя.

В пещере висела корзинка из пальмовых ветвей с пятью хлебами. Из этих хлебов один волчица достала и съела; затем, совершив преступление, ушла. Пустынник, возвратившись, увидел, что корзинка повреждена и что не достает одного хлеба. По оставшимся крохам от съеденного хлеба он легко угадал виновного. Справедливость подозрения подтвердилась последствиями: в следующие дни волчица не приходила по обычаю своему, не решаясь в сознании дерзновенного поступка прийти к тому, кому она нанесла оскорбление. Прерванное знакомство с воспитанницей огорчало пустынника. Призванная его молитвами, она, по прошествии семи дней, возвратилась и села по обычаю перед пещерой в то время, как пустынник употреблял пищу. Однако, смотрите, какова была стыдливость кающейся! Волчица не осмелилась подойти так близко, как подходила прежде, но сидела вдали, опустив глаза в землю по причине глубокого стыда, чем ясно выражала, что просит прощения.

Пустынник, сжалившись над ней, приказал ей подойти ближе и, ласково погладив рукой по голове печальную, угостил ее удвоенным количеством хлеба.

Получив прощение, волчица развеселилась и снова начала исполнять принятую ею на себя обязанность — посещать пустынножителя.

Нетронутые смоквы

Брат принес авве Иоанну в пустыне Скит весьма хороших смокв⁹ из Ливии Мареомийской. Авва немедленно послал их с двумя юношами к некоторому отшельнику, жившему во внутренней пустыне, в то время больному. Местопребывание отшельника отстояло от церкви на восемнадцать миль. Юноши, взяв плоды, пошли к келье упомянутого старца; внезапно сделался густейший туман, и они потеряли дорогу. Весь день и всю ночь пробегали они по обширному пространству пустыни, но никак не могли отыскать кельи болящего. Ослабев от усталости и голода, они преклонили колена на молитву и в молитве предали души свои Господу. Долго искали их по следам, которые в этих песчаных местах отпечатываются как на снегу и остаются там до того времени, как занесет

⁹ Смоква — финик. — *Примеч. ред.*

их тонкий песок, удобно переносимый с места на место дыханием самого легкого ветра. Юноши были найдены в том положении, в каком они молились, и при них смоквы, которые они несли, ветронутыми. Они избрали лучше отдать Богу души, нежели нарушить верность, употребив что-либо в пищу без повеления аввы. Они захотели лучше расстаться с временной жизнью, нежели нарушить заповедание старца.

Содержание

О видениях	3
Хочешь помочь — помогай	3
О прощении	4
О труде и молитве	5
Судьбы Божии	6
Послабление	6
«Не знаю»	7
Духовный разум	8
Предсказание о монашестве	9
О смирении	10
Учение и подвиг	11
О безмолвии и радушии	12
О любви к Богу	13
О любви к ближнему	14
Образец любви	15
Попечение о страннике	15
Испытание старца	16

Цена собственности	17
Связка гороха	17
Суд Божий	18
О помощи Божией и бесстрашии	19
Наказание за грех	20
Покрыв согрешение брата	20
Мелочные дразги	21
Служение больному	22
Морская вода	22
«И я — грешник»	23
Жестокий бес	23
Пустынница	24
Наставление	25
Привязанность ума	26
Заговорил младенец	27
Заповедь Христова	28
Мертвый заговорил	29
Трапеза	30
Пьяница	31
О посте и гневе	33
Содержать подвиг в тайне	33
Видение Ангелов	35
О том, как авву обокрали	37
Святая простота	38
Исповедь	41

О смирении.....	44
«А жал ли ты?»	44
О борьбе со страстями.....	45
О долгах	46
О гневе.....	46
Украшение монаха.....	46
Скорый в помощи	47
Воля Божия.....	47
Об осуждении ближнего	48
О монашестве	49
О плоти	49
Плод послушания	51
Лютая гнева.....	51
О бесстрастии и терпении.....	52
О смирении.....	53
Душа-блудница	53
«Он опечалится...»	54
Терпеливый учитель	55
О славе.....	56
Похвала.....	56
О слухе	57
О молитве.....	57
Радость добра	58
О гневе.....	58
Об учительстве	59

О блуднице	59
О доброте, долгах и чужих вещах.....	60
Убедиться в послушании.....	62
«Будь весь, как огонь»	63
Ненужные знания	63
Терпение на двести лет	64
О Духе Божием.....	64
О скромности и безвестности	65
«Молитесь не усердно».....	66
О молчании.....	67
Об адских муках.....	67
Доброе слово.....	68
Ты в могиле	70
Свидание с матерью	70
Золото — причина душевной гибели.....	72
Нет дела до петухов.....	73
Статуя.....	73
Родня	75
Исцеление отрока	77
Заговорил по-гречески.....	78
Плач Богоматери	79
Еще о плаче	79
Брат согрешающий	80
Об искушениях	81
«Для падшего сделай адное»	81

Милость к падшим.....	82
Сучок в бревну.....	84
О чем беседуют старцы.....	84
Помышления.....	86
Царский путь.....	87
О самоукорении.....	87
«Быть ниже идолов».....	88
Мертвый встал.....	88
О спасении в миру.....	89
Пустое смиреннословие.....	89
Преуспеяние из гордыни.....	90
Вкус пищи.....	92
Нерадивый монах.....	94
Дело милосердия.....	95
Седины — не всегда признак мудрости.....	97
О терпении.....	102
Пять венцов.....	102
Молитвы святых.....	103
Исцеление от лени.....	105
Мудрый ученик.....	107
Записка.....	110
Терпение скорбей.....	113
Несовершенный монах.....	115
Полагать душу за брата.....	115
Расцветший жезл.....	116

Опрокинувшийся кувшин	118
Сила слов.....	120
Собственный бес.....	121
«Познай немощь твою»	122
Обличение врага.....	124
О гневе и смирении	125
Блаженны миротворцы.....	127
О многословии	128
Общая душа.....	129
Протухшее масло	130
Вор	131
Разбитый кувшин	131
Не надейся на деньги	132
Накопленные деньги	133
Брать или давать?	134
Нужны ли монахам деньги?	135
Еще о деньгах	136
Милостыня	136
Послушание и мертвых воскрешает.....	137
Послушание хранит от греха	139
Послушание творит чудеса	140
Самоотвержение.....	141
О любви к ближнему.....	142
Своя воля.....	143
Половина греха	144

Не столь важна память	144
О долгах	145
О благодати.....	146
Обличение матери	146
Покаяние блудницы	147
Разные делаия	149
Забывая о еде	150
Попечение о пище	151
Тело женщины	151
Клин клином	152
Искушение блудной страстью	152
Женщины и демоны.....	153
Зловоние дьявола	154
Братская любовь.....	155
Воспоминание о смерти	156
Каялись по-разному	157
Победа над монахом.....	158
Вернувшийся голубь	160
Чаша вина	162
Огурец	162
Огонь вечный или огонь лампы	163
Понадеялся на деньги	165
Несгорающая цияовка	166
Ненапрасный труд	167
День ко дню	167

Мало-помалу	168
Семь венцов	169
Прислуживающий Ангел	172
Что полезнее?	172
Пост напоказ	173
Можно ли есть мясо?	174
Благодать отступила	174
Казалось бы, такая малость	175
Священник только черпает	176
Давать ли в долг	177
Пожелать спасения	178
Ничтожное слово	179
О гостеприимстве	180
Попробуй на себе	181
«По воле моей»	182
Пойти — не пойти	183
Странноприимец	184
О посте	185
О гостеприимстве	186
Справедливая милостыня	186
Мелочная расчетливость	187
Неиссякающее милосердие	188
О послушании	189
Послушание превыше всего	190
«Иди пасти свиней»	192

Козлища и агнцы	193
Не достойн видеть Ангелов.....	193
«Не желаю видеть Христа здесь».....	194
Пост и смирение.....	195
Навык терпеливости	195
Возлагай вину на себя	196
Философы и монахи.....	199
Ученик спасает учителя	199
Необычный суд	201
Сугубое добро	203
Усугубленный подвиг	203
Утешение	204
Разные награды	205
Обольщенный демоном.....	206
Отверг вещество мира.....	207
Вспомнил о Боге	207
Смрад.....	208
Милость Божия	209
За грехи	209
Тщеславная добродетель.....	210
Провинившаяся волчица	211
Нетронутые смоквы.....	213

УЗКАЯ ТРОПИНКА

притчи о жизни

Издание 2-е

Редактор-составитель
Т.Н. ТЕРКЦЕНКО

Выпускающий редактор
И.В. БАКУЛИНА
Корректор **Н.Н. СЕРГЕЕВА**
Компьютерная верстка
Е.В. ИВАНОВОЙ,
А.В. КУЛЕШОВОЙ
Оформление: **Н.Л. КЛИМОВА**

Издательство «Даръ»
111365, Москва, ул. Красный Казанец, д. 6,
стр. 2, оф. 17.
105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская,
д. 47, 2 эт.
Тел. +7 (495) 211-21-23 (редакция)
+7 (926) 363-10-30 (отдел реализации)
E-mail: darizdat@gmail.com,
dar@pravkniga.ru
www.dar-kniga.ru
www.pravkniga.ru

Подписано в печать 05.03.2013. Формат 70х100/32.
Бумага газетная. Гарнитура «Даръ». Печать
офсетная. Усл. печ. л. 9,1. Уч.-изд. л. 6,0. Тираж
5 000 экз.
Заказ №:

Издательство ДАРЪ в социальных сетях:

Живой Журнал: <http://darkniga.livejournal.com/>

Facebook: <http://www.facebook.com/izdDAR>

ВКонтакте: <http://vk.com/izddar>